

ISSN 2336-2642
MK ČR E 22424

Paradigmata Poznání

№ 3, 2018

ZAKLADATELÉ
Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických a společenských věd

Šéfredaktorka – doc. Ilona G. Dorošina,
CSc. (kandidát věd v oboru psychologie)

Mezinárodní redakční rada

prof. **V. Boicov**, DrSc. (profesor v oboru informační systémy – Riga, Lotyšsko)
M. **Banasik**, Ph.D. (doctor v oboru humanitní vědy – Varšava, Polsko)
doc. PhDr. **V. Srb**, Ph.D. (docent v oboru politologie – Kutná Hora, Česká republika)
doc. **A. N. Vernigora**, CSc. (docent v oboru biologie – Penza, Rusko)
B. **Ivanovská**, Ph.D. (doktor v oboru sociologie – Varšava, Polsko)
doc. PaedDr. **V. Hajkova**, (docent v oboru pedagogike – Praha, Česká republika)
doc. **M. Kamp**, Ph.D. (doktor v oboru historie – Wyoming, USA)
PhDr. **E. Kašparová** (doktor v oboru sociologie – Praha, Česká republika)
prof. **N. G. Khayrullina**, Ph.D. (profesor v oboru sociologie – Tjumeň, Rusko)
doc. **L. Krejčová**, Ph.D. (docent v oboru psychologie – Praha, Česká republika)
prof. **P. N. Kobets**, Ph.D. (profesor v oboru právo – Moskva, Rusko)
prof. **A. V. Korotayev**, Ph.D. (profesor v oboru historie – Moskva, Rusko)
U. **R. Kušae**, Ph.D., (doktor v oboru filosofie – Taškent, Uzbekistán)
prof. PhDr. **J. Lidák**, CSc. (profesor v oboru mezinárodní vztahy – Kutná Hora, Česká republika)
prof. **N. V. Miťjukov**, Ph.D. (profesor v oboru stavitelství – Iževsk, Rusko)
doc. PhDr. **M. Sapik**, Ph.D. (docent v oboru filosofie – Kolín, Česká republika)
T. **Sigmund**, Ph.D. (doktor v oboru filosofie – Praha, Česká republika)
M. **Szuppe**, Ph.D. (doktor v oboru historie – Ivry-sur-Seine, Francie)
prof. Ing. **J. Tancošová**, Ph.D. (profesor v oboru ekonomie – Bratislava, Slovensko)
RNDr. **P. Zamarovsky**, (doktor v oboru přírodní vědy – Praha, Česká republika)

Recenzenti

prof. **Ludmila I. Naydenova**, PhDr. (profesor v oboru sociologie – Penza, Rusko)
doc. **Natalia V. Osipová**, CSc. (docent v oboru sociologie – Penza, Rusko)
doc. **Denis V. Byšov**, (docent v oboru historie – Saransk, Rusko)
doc. **Yuriy V. Dragnev**, CSc. (docent v oboru pedagogike – Lugansk, Lugansk lidová republika)
doc. **Irina V. Pilatova** (docent v oboru historie umění – Minsk, Bělorusko)

Interdisciplinární vědecký časopis «Paradigmata poznání» publikuje společensko-humanitární, technické a přírodní vědy

Časopis je indexována podle:

- Russian Science Index (Rusko)
- Global Impact Factor (Australia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- Cite Factor (Canada)
- General Impact Factor (Indie)
- Scientific Journal Impact Factor (Indie)

Impact Factor:

- Global Impact Factor – 0,884

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2018.
© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2018.

ISSN 2336-2642
MK ČR E 22424

Paradigms of knowledge

№ 3, 2018

THE FOUNDERS
The science publishing center
«Sociosphere-CZ»,
Academia Rerum Civilium –
University of Political and Social Sciences

Editor-in-Chief – Ilona G. Doroshina,
candidate of psychological sciences, assistant professor

International editorial board

prof. **V. Boicov**, DrSc. (Information Systems – Riga, Latvia)
M. Banasik, Ph.D. (Humanities – Warsaw, Poland)
assistant professor PhDr. **V. Srb**, Ph.D. (Politology – Kutná Hora, Czech Republic)
assistant professor **A. N. Vernigora**, Candidate of Biological Sciences (Penza, Russia)
B. Ivanovska, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland)
assistant professor PaedDr. **V. Hajkova**, (Education – Prague, Czech Republic)
associate professor **M. Kamp**, Ph.D. (History – Wyoming, USA)
PhDr. **E. Kashparova**, (Sociology – Prague, Czech Republic)
prof. **N. G. Khayrullina**, Doctor of Sociological Sciences, (Tyumen, Russia)
assistant professor **L. Krejcova**, Ph.D. (Psychology – Prague, Czech Republic)
prof. **P. N. Kobets**, Doctor of Law, (Moscow, Russia)
prof. **A. V. Korotayev**, Doctor of History, (Moscow, Russia)
U. R. Kushaev, Doctor of Philosophy, (Tashkent, Uzbekistan)
prof. PhDr. **J. Lidak**, CSc. (Political science – Kolin, Czech Republic)
prof. **N. V. Mityukov**, Doctor of Technical Sciences, (Izhevsk, Russia)
assistant professor PhDr. **M. Sapik**, Ph.D. (Philosophy – Kutná Hora, Czech Republic)
T. Sigmund, Ph.D. (Philosophy – Prague, Czech Republic)
M. Szuppe, Ph.D. (History – Ivry-sur-Seine, France)
prof. Ing. **J. Tancosova**, Ph.D. (Economics – Bratislava, Slovakia)
RNDr. **P. Zamarovsky**, (Nature Sciences – Prague, Czech Republic)

Reviewers

prof. **Ludmila I. Naydenova**, Doctor of Sociological Sciences (Penza, Russia)
assistant professor **Natalia V. Osipova**, Candidate of Sociological Sciences (Penza, Russia)
assistant professor **Denis V. Byshov**, Candidate of Historical Sciences (Saransk, Russia)
assistant professor **Yuriy V. Dragnev**, Candidate of Pedagogical Sciences (Lugansk, Lugansk People's Republic)
assistant professor **Irina V. Pilatova** Candidate of Cultural Sciences (Minsk, Belarus)

Interdisciplinary scientific journal «Paradigmata poznání»
publishes articles socio-humanitarian, technical and natural sciences

The journal is indexed by:

- Russian Science Index (Russia)
- Global Impact Factor (Australia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- Cite Factor (Canada)
- General Impact Factor (India)
- Scientific Journal Impact Factor (India)

Impact Factor:

- Global Impact Factor – 0,884

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2018.

© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2018.

Teorie a analýza

FILOZOFICKÉ VĚDY

Жалалова Г. О. Новые знания и необходимость исследования когнитивности.....	9
Джураев Дж. Т. Социокультурная ипостась пространства и Восток	14
Ниязимбетов М. К., Абдуллаева М. Н. Философия неопределенности в контексте сложности	19

PEDAGOGICKÉ VĚDY

Dergunova Ye., Kaldybaeva A., Kashkinbayeva Z., Rakhimbekova G., Zhalelova G., Zhaktayeva A., Sarsembayeva U. To the Issue of Multicultural Education in Kazakhstan.....	25
Хужаниязов У. Е. Реформы в сфере образования – ведение обновляющегося общества	39

PSYCHOLOGICKÉ VĚDY

Hakobyan N., Khachatryan A., Vardanyan N. Marginality and ethno-cultural environment	44
--	----

POLITICKÉ VĚDY

Мирзазаде Л. Ф. Фактор взаимодействия культур в политической стратегии: Азербайджан – Россия.....	52
---	----

Empirický a aplikovaný výzkum

TECHNICKÉ VĚDY

Gaffarova G. G. Self-organization as an autopoietic system.....	56
Касимова С. Р. Метод измерения магнитных свойств сильно поглощающих веществ на сверхвысоких частотах	61

HISTORICKÉ VĚDY

- Бенда В. Н.** Подготовка инженерных кадров и развитие инженерного образования в России во второй четверти XVIII в.66
- Гасанов Э. Л.** О развитии традиционного ткачества и шелководства в Гяндже на рубеже XIX–XX веков (На основе местных изделий ковроткачества)72

FILOLOGICKÉ VĚDY

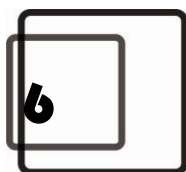
- Alimova Kh.** The derivational possibility of the suffixes *-ak/-gak* in Dari language77

UMĚNOVĚDA

- Машковская Е. В.** Произведения для флейты Г. Гореловой: особенности стиля и исполнительской интерпретации.....85

Akademický život

- Правила для авторов..... 94
- План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2018 году 95
- Информация о научных журналах 96
- Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 97

CONTENTS

Theory and analysis

PHILOSOPHICAL SCIENCES

- Jalalova G. O.** New knowledge and necessity to research cognition9
- Jorayev J. T.** Philosophy of vagueness in the context of complexity14
- Niyazimbetov M. K., Abdullaeva M. N.** Philosophy of vagueness in the context of complexity19

PEDAGOGICAL SCIENCES

- Dergunova Ye., Kaldybaeva A., Kashkinbayeva Z., Rakhimbekova G., Zhalelova G., Zhaktayeva A., Sarsembayeva U.** To the Issue of Multicultural Education in Kazakhstan.....25
- Khujaniyazov U. Y.** Reforms of public education-order of the renewing society39

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

- Hakobyan N., Khachatryan A., Vardanyan N.** Marginality and ethno-cultural environment44

POLITICAL SCIENCE

- Mirzazade L. F.** The factor of interaction of cultures in political strategy: Azerbaijan – Russia.....52

Empirical and applied research

TECHNICAL SCIENCES

- Gaffarova G. G.** Self-organization as an autopoietic system.....56
- Kasimova S. R.** Method of measurement of magnetic properties of strongly absorbing substances at ultrahigh frequencies.....61

HISTORICAL SCIENCES

- Benda V. N.** Training for engineers and development of engineering education in Russia in the second quarter of the XVIII century66
- Hasanov E. L.** On the development of traditional weaving and sericulture in Ganja during the XIX–XX centuries (based on local carpet weaving products)72

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Alimova Kh.** The derivational possibility of the suffixes *-ak/-gak* in Dari language77

ART STUDIES

- Mashkovskaya E. V.** The works for flute by G. Gorelova: the features of style and performing interpretation85

Academic life

- Rules for authors.....94
- Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Kazakhstan, Uzbekistan, and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 201895
- Information about scientific journals.....96
- Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»97

Teorie a analýza

Filozofické vědy

УДК 165.3 (575.1)

НОВЫЕ ЗНАНИЯ И НЕОБХОДИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНОСТИ

Г. О. Жалалова

*старший научный сотрудник,
ORCID 0000-0002-0320-1946,
e-mail: gulchehra_3@mail.ru,
Национальный университет Узбекистана,
г. Ташкент, Узбекистан*

NEW KNOWLEDGE AND NECESSITY TO RESEARCH COGNITION

G. O. Jalalova

*Senior science researcher,
ORCID 0000-0002-0320-1946,
e-mail: gulchehra_3@mail.ru,
National University of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The author believes that the formation of new knowledge is a very complex and multifaceted, its development is influenced by scientific thinking, type of activity, the needs of the existing socio-economic structure and internal laws of the development of scientific knowledge. The article also reviews the necessity to developing new knowledge in contemporary information society and importance of cognition of an individual in this process. The author states that cognitive properties of an individual have significant influence on creation of new knowledge. Comprehension of novelties and their materialization is realized in interconnection with cognitive abilities. Increase in amount of information, transformations in communication and amplifying information flows all have influence on cognitive processes of young people. Therefore, epistemological research of cognition of young people, its properties and opportunities is not only epistemological necessity but also a social one.

Keywords: New knowledge; epistemology; implicit and explicit knowledge; creativity; cognition; cognitive thinking; information technologies; communication; transformation of knowledge; science.

Процесс возникновения новых знаний изучается в качестве основной проблемы эпистемологии. На наш взгляд, становление информационного общества, широкое использование информационных технологий в экономической, социальной дея-

тельности человека, превращение знаний в основной фактор развития сделали актуальным гносеологический анализ вопросов, связанных с процессом возникновения «нового знания» и его детерминант. В соответствии с этим настоящая статья по-

священа возникновению «нового знания» в современном обществе, его детерминантам и его специфическим особенностям.

Изучая современную научную литературу, можно заметить использование подходов с экономической, социологической, психологической, формально-логической и информационной точек зрения к понятию «новое знание». Философия изучает образование новых знаний с методологической и гносеологической точек зрения. Только интегрированный и синтетический подход, основанный на знаниях, полученных различными отраслями науки, может способствовать пониманию такого таинственного, дискурсивного процесса, как «образование новых знаний».

Касаясь понятия «нового научного знания» следует отметить, прежде всего, что это такое знание, которое соответствует критериям научности, состоящие в следующем: всеобщность и системность; общезначимость; объективность; обоснованность (верификация); критичность (фальсификация); дополнительность; преемственность. Они возникают в различных сферах деятельности человека, и не только в науке и искусстве, но также и в самой обыкновенной повседневной деятельности [3]. Новые знания отличаются от прежних своими оригинальными особенностями. Новые знания можно также считать продуктом процесса научного творчества.

Процесс образования нового знания является очень сложным и многогранным, на его развитие оказывают влияние научное мышление, вид деятельности, потребности существующей социально-экономической формации, и, во-вторых, внутренние закономерности развития научного знания. Процессы аккумуляции новых знаний можно представить в виде двусторонне взаимосвязанной схемы. А именно: на эмпирическом уровне существующих знаний накапливаются

новые эмпирические факты, способствующие расширению человеческих знаний; с другой стороны, наблюдается более глубокое проникновение в сущность наличной информации на теоретическом уровне знаний.

Процесс возникновения новых знаний включает в себя все средства и методы научного познания. Новые знания расширяют, углубляют систему уже существующих знаний и имеют социально-экономическое значение, могут являться искомым дискретным элементом знания, отвечающим требованиям научности.

Новые знания могут быть разнообразными в зависимости от своего гносеологического характера. За основу классификации могут быть взяты стимулы (внутренние и внешние) новых знаний; экстенсивный (количественный) рост научных знаний или их интенсивное (качественное) развитие. Кроме того новые научные знания могут иметь отношение к эмпирическим фактам и теоретическому уровню знаний; могут иметь или не иметь отношение к сфере уже существующих знаний или системе знаний.

Образование новых понятий, идей в мире науки можно считать также творческим процессом [1]. Такой подход наблюдается в исследованиях М. Н. Абдуллаевой. Действительно, перечисляемые данным исследователем методы научного творчества имеют большое значение в возникновении новых знаний [1, с. 5–9].

А. Азизкулов возникновение новых знаний также связывает с процессом научного творчества и даёт ему следующее определение: научное творчество – это исследовательская деятельность, приводящая в движение формы и элементы познания в рациональном и иррациональном виде, направленная на создание неповторимых теоретических и технологических ценностей [2]. Он также отмечает,

что творческая деятельность происходит в результате сложного и противоречивого взаимодействия рационального и иррационального процессов, присущих данной деятельности, осуществление же данных процессов вызвано основаниями, закономерностями и факторами, обладающими материальными и духовными свойствами. Кроме того, данный исследователь показывает, что возникновение новых знаний во многом зависит от индивидуальных, духовных качеств специалиста.

Для каждого периода развития науки разрабатываются определенные когнитивные схемы познания действительности. Компоненты когнитивных схем в процессе развития науки изменяются, некоторые заменяются другими, обогащаются содержанием. Регулирующую роль в познавательном процессе играют философско-методологические установки, лидирующие в тот или иной период развития науки. Такая эпистемологическая методология позволяет считать, что «когнитивное искусство сегодня это искусство думать глобально, чтобы успешно решать локальные проблемы» [7, с. 19].

В возникновении нового знания большее значение имеют когнитивные свойства субъекта. Известно, что когнитивность это – способность личности в процессе познания, составляющая основу ее интеллектуальных возможностей. Постигание новшеств и их материализация осуществляется во взаимосвязи с когнитивной способностью. Основное содержание когнитивности составляет производство новых знаний. Когнитологическое мышление в процессе познания основывается на доказательности, логической обоснованности, самостоятельном и критическом мышлении, то есть на рефлексии.

В связи с этим в настоящее время эта проблема изучается многими учеными. К примеру, под руководством С. Гринфилда в Оксфордском университете, а также в

лаборатории Человек и интерактивные медиакоммуникации Стенфордского университета осуществляются фундаментальные научные исследования. Как отмечает С. Гринфолд «Неврология давно уже признала, что новые технологии изменяют наше сознание, это новый виток эволюционного процесса. То, над чем нам надо работать сейчас, – поиск её плюсов и минусов, и конечно, она оказывает немало негативных эффектов. Недавно провели эксперимент с пианино – было три группы испытуемых, одна из них смотрела на рояль, вторая – учила гаммы, третья представляла, что играет на рояле. Результаты мозговой активности третьей группы были очень близки к результатам второй, а не первой. Вывод – даже воображаемое действие активно отражается на физической работе мозга и влияет на его структуру» [4].

Кристоф Кох – профессор когнитивной и поведенческой биологии считает, что сознание рождается из качественных, а не из количественных различий в нейронных объединениях. Значение имеет информационная структура, которую они представляют. Закономерности их соединения отражают всю аккумулированную информацию, которую организм приобрел в результате обучения в течение всей своей жизни, а также генетическую память предков [5].

Почему столь возросло внимание к когнитивным свойствам человека, молодежи? Основной причиной является возрастание негативного влияния медиа коммуникации на человеческий организм, особенно на когнитивные процессы (память, восприятие, мышление, понимание, принятие решения) и мышление молодежи. В психике людей, родившихся после 1980 года, наблюдаются значительные отличия от психики людей, родившихся до этого года. Их язык также отличается, наблюдается, что они не могут до конца досмот-

реть передачу, продолжительность в 1 час. Также у большинства из них встречается неумение сконцентрировать внимание, и это положение является синдромом данного поколения [8]. “Ребенок, воспитанный на социальных сетях, теряет навыки межличностного общения – он не учится краснеть, заботиться, давать спонтанную эмоциональную реакцию, а главное, получать немедленный ответ от собеседника и строить реальный диалог. Ведь наш мозг до сих пор работает так, что впечатление о человеке мы на семьдесят процентов составляем из невербальной информации. Её сложно получить, общаясь через мессенджер» [11].

По мнению специалистов, одним из факторов, влияющих на когнитивные процессы является рост количества информации и трансформации в коммуникации [6]. Профессор Джейн Твендж утверждает, что смартфоны и социальные медиа усиливают одиночество, депрессию и суицидальные побуждения. Нынешние ученики 8, 10 и 12 классов тратят меньше времени на домашние задания [9].

Выход из создавшегося положения в направлении создания единой науки, которая включит в себя науки о природе, обществе и человеке. “Если мы объединим наши усилия в междисциплинарных исследованиях и задействуем воображение до предела, то, возможно, понимание чуда субъективного сознания, наконец, перестанет быть таким недостижимым...” [10].

В заключении можно сказать, современном обществе повышение когнитивности молодежи является актуальной проблемой, так как эффективность современной человеческой деятельности все более определяется производством новых знаний и их использованием. Эти факторы показывают, что эпистемологическое исследование когнитивности молодежи, его

сущности, возможностей когнитивного мышления является не только эпистемологической, но также и социальной необходимостью.

Библиографический список

1. Абдуллаева М. Н., Покачалов Г. Философия проблемы методологии науки. – Т.: Институт философии и права, 2006. – С. 3.
2. Азизкулов А. Илмий ижодиётда рационаллик ва нораціоналлик: концептуал таҳлил ва ёндошувлар: Фалс. фан. ном. дисс. автореферати. – Т.: ЎзР ФА Фалсафа ва ҳуқуқ институти, 2007. – С. 12.
3. Белинская Е. П. Язык Интернет-коммуникации и социолингвистическая ситуация современности // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. – Т. 1. – 2011. – № 10. – С. 6.
4. Гринфилд С. Один день из жизни мозга. Режим доступа: https://www.psycholok.ru/lib/greenfield_s/odm/odm_01.html. (дата обращения: 22.06.2018).
5. Кох К. и Гринфилд С. Возникновение сознания. Как рождается сознание. В мире науки № 1, С. 46. 2008. Режим доступа : mglinets.narod.ru/slova5/consciousness.htm. (дата обращения: 22.06.2018).
6. Лысак И. В., Белов Д. П. Влияние информационно-коммуникационных технологий на особенности когнитивных процессов // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. – № 5. – С. 256–264. Режим доступа - irinalysak.ru/index.php/stati/kognitivnye-protsessy. (дата обращения: 10.06.2018).
7. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. – Москва – Ижевск, 2003. – С. 19.
8. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1793394>. (дата обращения: 22.06.2018).
9. Режим доступа: <https://psyfactor.org/lib/i-generation.htm> (дата обращения: 22.06.2018).
10. Режим доступа: https://www.psycholok.ru/lib/greenfield_s/odm/odm_01.html (дата обращения: 22.06.2018).
11. ilady.info/syuzan-grinfild-rebenok-vospitanniy-na-sotsialnyih-setyah-teryaet-sposobnost-k-soperezhivaniyu/

Bibliograficheskiy spisok

1. Abdullaeva M. N., Pokachalov G. *Filosofiya problemy metodologii nauki.* – T. : Institut filosofii i prava, 2006. – S. 3.
2. Azizkulov A. *Ilmij izhodiyyotda racionallik va noracionallik: konceptual taxlil va yondoshuvlar: Fals. fan. nom. diss. avtoreferati.* – T.: Uzr FA Falsafa va hukuk instituti, 2007. – S. 12.
3. Belinskaya E. P. *Yazyk Internet-kommunikatsii i sociolingvisticheskaya situatsiya sovremennosti // Sovremennaya social'naya psihologiya: teoreticheskie podhody i prikladnye issledovaniya.* – T. 1. – 2011. – № 10. – S. 6.
4. Grinfild S. *Odin den' iz zhizni mozga.* Rezhim dostupa: https://www.psycholok.ru/lib/greenfield_s/odm/odm_01.html. (data obrashchenie: 22.06.2018).
5. Koh K. i Grinfild S. *Vozniknovenie soznanie. Kak rozhdaetsya soznanie. V mire nauki № 1, S. 46.* 2008. Rezhim dostupa : mglinets.narod.ru/slova5/consciousness.htm. (data obrashchenie: 22.06.2018).
6. Lysak I. V., Belov D. P. *Vliyanie informacionno-kommunikatsionnyh tekhnologiy na osobennosti kognitivnyh processov // Izvestiya YUFU. Tekhnicheskie nauki.* 2013. – № 5. – S. 256–264. Rezhim dostupa - irinalysak.ru/index.php/stati/kognitivnye-protsessy. (data obrashchenie: 10.06.2018).
7. Haken G. *Tajny prirody. Sinergetika: uchenie o vzaimodejstvii.* – Moskva – Izhevsk, 2003. – S. 19.
8. Rezhim dostupa: <http://www.kommersant.ru/doc/1793394>. (data obrashchenie: 22.06.2018).
9. Rezhim dostupa: <https://psyfactor.org/lib/i-generation.htm> (data obrashchenie: 22.06.2018).
10. Rezhim dostupa: https://www.psycholok.ru/lib/greenfield_s/odm/odm_01.html (data obrashchenie: 22.06.2018).
11. ilady.info/syuzan-grinfild-rebenok-vospitanniy-na-sotsialnyih-setyah-teryet-sposobnost-k-soperezhivaniyu/

© Жалалова Г. О., 2018.

УДК 32.019.51

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИПОСТАСЬ ПРОСТРАНСТВА И ВОСТОК**Дж. Т. Джураев**

*соискатель,
ORCID 0000-0002-1360-1281,
e-mail: gulchehra_3@mail.ru,
Национальный университет Узбекистана,
Ташкент, Узбекистан*

PHILOSOPHY OF VAGUENESS IN THE CONTEXT OF COMPLEXITY**J. T. Jorayev**

*Ph. D. applicant,
ORCID 0000-0002-1360-1281,
e-mail: gulchehra_3@mail.ru,
National University of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The desire to the fact that in this part of the study we address the concept of "sociocultural space" is associated with the emergence at the present stage of all the layers of space, the socio-cultural layer comes to the fore. Within the framework of the latter, problems of not only one particular space arise but are also addressed, but also affect the life, the perspective of the whole of mankind. It, being a derivative of the collective ideological and psycho-mental orientations of a huge mass of people, a specific form of making social decisions and expressing the preferences of society, is almost self-sufficient to determine the socio-political landscape on the planet as a whole. In the article we are talking about the socio-cultural characteristics of space, which can not be ignored in the study of this or that society as a whole.

Keywords: socio-culture; East; West; space; society; cultural area.

Социокультурное не самопроизвольно, движимо конкретными субъектами. Хотя она по отношению к человеку не нейтрально и «разворачивается» разумом человека, социокультурное поле, с одной стороны и человек – с другой, соопределяются друг другом. По этому поводу, в своё время Э. Гуссерль сказал: «Мир получает весь определяющий смысл равно как и бытийную значимость, только из моего опыта, из тех или иных моих представлений, мыслей, оценок и действий» [6, с. 170].

В научном сообществе принято, что каково лицо общества, каков имидж государства, будет определять в конечном итоге пространство, регион с его народом, историей и традициями. Следовательно, есть резон определить прошлое, настоя-

щее и будущее общества качеством того, какой народ исторически доминирует на этой данной части земного пространства. Речь идёт о некоем кондоминимуме – «народ – пространство».

Фактор автономности или в силу понятных причин «пришельскости» из другого ареала и обрели родную «почву» в данном случае особой роли не играют. Ибо «чистокровного» народа нет и не бывает, потому и важно, чтобы он считал эту землю своим очагом, благодаря которому он стал тем, какой он есть. Фактор военного покорения туземцев, насильственного проникновения чужеродного этнического пласта не способен ни уничтожать, ни изменять историко-культурную сущность пространства.

В этом плане мы согласимся с профессором Московского университета И. Павловским, который считает, «что Русь приняв православие не стала Византией, Китаем – Непалом, Латинская Америка – Испанией, Балканы, Средиземноморье – Грецией» [8, с. 49]. К тому, что приведено мы бы добавили – Мавераннахр приняв ислам не стал Аравией. Ни индоарийцы, ни македонцы, ни тюркские племена, ни монголы, ни арабы не изменили Междуречье, родную почву узбеков. Ибо социокультурное пространство – это производное территории, народа и истории.

В связи с этим резонно ставить вопрос о прямой зависимости качества того или иного общества-пространства, его социокультурного доминанта от качества мышления, то есть степени созидательности миро представления народа. Глубиной чувства и восприятия пространства народ утверждает себя в мировом пространстве как самоценное, сохраняет и преобразовывает собственное место обитания и мир в целом. С этой точки зрения глубоко пронищателен оказался известный русский географ XIX века Л. Мечников, который пространство именовал «месторазвитием» [7, с. 272, 324, 335]. Тем не менее такое положение дел ни как не означает, что якобы народы делятся на созидательные и нетворческие. Каждый народ, каждое пространство наделяются духовными ресурсами для самоутверждения, если они будут задействованы самим народом во благо благополучия как самого себя так и других.

Объективно, что не все народы, пространства одинаково одновременно достигают высот развития и это реальность, что связано скорее со спецификой социокультуры, с тем обстоятельством, что на определенном историческом этапе народы хотя друг с другом «сопрастранственники», но живут разных временных координатах, в рамках собственного пространственно-временного мировосприятия. С

этой позиции прав культуролог Д. Замятин, когда считает народы социокультурные пространства не современниками, а «сопространственными» [1, с. 106] с собственными социокультурными традициями, что не препятствует, наоборот способствует его саморазвитию. Важно, чтобы народ сумел реализовывать внутренний потенциал в благоприятствующих обстоятельствах, и в нужный момент. Реализация же этого воля не какой нибудь сверхъестественной силы, а зависит от решимости самого общества.

Созидательная миро устроительная способность исконно присутствует в каждом обществе, но её направленность напрямую зависит от вектора, настроя его социокультурного потенциала, т.е. от того, какой смысл (положительный или наоборот) придаёт данный социум бытию, миру и человеку. В этой связи хотелось с точки зрения восприятия и определения состояния современных обществ сослаться на очень важный момент: В 2014 году российскому академическому сообществу представлен научный-проект доклад профессора В. И. Якунина на тему «Интегральный проект солидарного развития на Евразийском континенте», в котором наряду со многими теоретико-практического характера положениями вновь поднят давно обсуждаемый вопрос о несоизмеримости понятий с одной стороны общефилософского «развитие» и сугубо экономического «рост» – с другой ошибочности трансляции первого узкоотраслевым англоязычным термином “development” и целесообразности обозначить русское слово «развитие» латиницей «razvitie» [2, с. 680]. Это вполне вписывается и в разворачивающуюся, на интеллектуальном уровне дискуссию по поводу радикального переосмысления сущности концепта «развитие» в целом, приведение его в соответствие с тем, чтобы он отра-

жал вектор глобальной социокультуры в целом.

Как известно, под воздействием длительного господства западно европейской версии мировосприятия как в науке так и на практике во внимание не принимались новые факторы, изменения и процессы делающие необходимым пересмотр этой категории. Ибо такие фундаментальные понятия, какое есть к примеру, «развитие» многое могут изменить: тормозить или наоборот, заметно продвинуть или остановить научную мысль и социальную практику. Перспектива значительного изменения облика мира, в том числе пространственной формы упорядочения, появление новых форм организации общества, делает развитие ярко выраженной над экономической гуманистической универсальной категорией. Более того пространство будучи многоструктурной опорой жизни, бытия в целом само собою предполагает подход к понятию «развитие» комплексно, философски как к ценности, как к предмету солидарного взаимодействия сторон [2, с. 680].

Так итальянский учёный Ланфранко Сени, говоря о взаимосвязи инфраструктуры, с одной стороны и пространственного развития – с другой пишет что она «носит благотворный характер в том смысле, что создаёт мультипликативный эффект – эффект цикличности, когда инфраструктура продвигает развитие региона, пространство, в свою очередь, запускает обновление инфраструктуры. Речь идёт о новой парадигме включающей иерархический ряд: а) инфраструктура, б) экономика, в) технологическое и духовное развитие и г) развитие окружающей среды. И без изменения парадигмы рискуем остаться в плену инерционных тенденций, имитировать то, что уже сделано» заключает автор [2, с. 690–691].

Сама жизнь подсказывает, что чрезмерное «логизирование», представление развития прямолинейным и пред заданным; нежелание увидеть в формирующихся на других ареалах, новых парадигмах мышления перспективного, неминуемо приводит к интеллектуальному и социальному тупику. Новые решения, выход на «неожиданное» нужно искать в других таких же равноценных и равновеликих пространствах-социокультурах. Как правило, при таком свободном поиске человеческое сознание и мышление необходимо выходит на незадействованные созидательные силы «восточной модели» мировосприятия, заявляющей о себе как глобальную конструктивную альтернативу привычному теоретико-множественному мышлению, восходящему к аристотелевской наивно-натуралистической онтологии вещей» [5, с. 172].

Выясняется, что для понимания смысла и предназначения пространства и не только, в философии Востока гораздо больше созидательного, чем в западном непомерно рационализированном миропонимании.

Неуместным, следовательно, раз балансирующим и выглядят с этой позиции высказывания отдельных почитаемых в мировых интеллектуальных кругах людей по поводу Востока. Для наглядности позволим себе привести некоторые из них. «Огромная китайская империя никогда не одарила, наверное не одарит мир никакой высокою идеей и не внесёт никакого вклада в общее достояние человечества» [9, с. 353–354]. Эти слова принадлежат, много читаемому сегодня религиозному философу прошлого В. С. Соловьёву.

Другой тоже не менее известный русский философ середины XIX века П. Я. Чаадаев говорил, что «мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы существуют для того чтобы дать миру ка-

кой-нибудь важный урок... Некоторые наши области, правда граничат с государством Востока, но наши центры не там и никогда там не будет» [11, с. 563]. Его современник, немецкий мыслитель Гегель так и не сумел до конца разобраться в таинственных сторонах «восточной модели» мирозерцания, вопреки своей мировой славе он высказался (тем самым оставался в рядах тех, кто недооценил дух Востока) в пользу пассивности, литаргичности и неспособности восточного менталитета к социальной или иным формам прогресса.

Выражая своё отношение к индийскому восприятию мира другой немецкий интеллектуал Г. Ольденберг заявлял: «Слишком воздушна игра этой философии, слишком она подобна сну, видению, полёту Икара. Это не философия, исследующая действительность ясно и точно...» [10, с. 153]. А его соотечественник сторонник евроцентризма М. Вебер, затруднялся находить место Востоку в мировом прогрессе» [3, с. 220].

В тоже самое время в Европе была хотя не очень влиятельная но другая ориентация мышления, которая в той или иной степени прослеживалась за всю историю философии этого континента - начиная от стоиков и Платона до сегодняшнего дня. Например, Вальтер говорил: «Китайцы не могли упрекнуть не в каком суеверии и шарлатанстве, обычных у других народов. Никогда почитание бога не была столь чистым и святым как в Китае» [4, с. 220].

Знаменитый философ наверняка имеет в вводе данном случае периоды, когда всю Европу угнетала анти философия вроде борьбы с ведунами и религиозные войны и подозрения в людях в сообщничестве с сатаной. Европе не ведомо было, что ещё во II веке до нашей эры великий реформатор буддийской философии Награждена как бы возносясь над мировым пространством, обращается к будущим поколениям, и скажет: «Где мы не находим соб-

ственного бытия, там мы не находим и другого бытия». Восток мыслил именно так: планетарно, думая не только о себе, но и всем человечестве. Прав был в свое время современный иранский философ Д. Шайеган, который предупреждает, что если Восточный мир не имеет иного выбора, кроме как принять «неизбежную судьбу» состоящий в адаптации к цивилизации буржуазного Запада, то это будет означать «трагическую гибель восточных цивилизаций» [12, с. 35].

Восточное мирозерцание, отражённое в пространственной среде заслужило на современном этапе права быть востребованным, когда миру необходимо стабильность.

Библиографический список

1. Альтернативный капитализм или альтернатива капитализму // Мировая экономика и международные отношения, 2012. – № 8. – С.106.
2. Обсуждения научного доклада подготовленного Центром научного обоснования и реализации мега проекта «Интегральная Евразийская транспортная система. ИСПИ РАН // Вестник РАН. 2014. Т. 84. № 8. – С. 680, 690, 691.
3. Гаджиев К. С. Вестернизация или особый путь модернизации // Полис, 2008. – № 4. – С. 220.
4. Конфуций. У истоков мудрости. – М., 2008. – С. 220.
5. Крушинский А. А. Исследования логической мысли Древнего Китая: тупики и выходы // Вопросы философии. 2015. – № 10. – С.172.
6. Кузин И. В. К вопросу становления концепции, «взгляд» в философии Ж. П. Сартра // Вопросы философии, 2015. – № 2. – С. 170.
7. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. – М., 1992. – С. 272, 324, 335.
8. Павловский И. В. Социокультурное регионоведение как гуманитарная специальность// Вести: Московского ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. – № 2. – С. 49.
9. Соловьёв В. С. Соч. в 2-х томах. Т. 1. – М., 1989. – С. 353–354.
10. Степанянц М. Т. От евроцентризма к межкультурной философии // Вопросы философии, 2015. № 10. – С. 153.
11. Таранова П. Философия сорока пяти поколений. – М., 1999. – С. 563.

12. Sheyegan D. The challenges of today and cultural identity // East Asian cultural studies, 1977. – № XVI. – P. 35.

Bibliograficheskij spisok

1. Alternativnyj kapitalizm ili alternativa kapitalizmu // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2012. – № 8. – S. 106.
2. Obsuzhdeniya nauchnogo doklada podgotovlennogo Centrom nauchnogo obosnovaniya i realizacii mega proekta «Integralnaya Evrazijskaya transportnoe sistema. ISPI RAN // Vestnik RAN. 2014. T. 84. № 8. – S. 680, 690, 691.
3. Gadzhiev K. S. Vesternizaciya ili osobyj put modernizacii // Polis, 2008. – № 4. – S. 220.
4. Konfucij. U istokov mudrosti. – M., 2008. – S. 220.
5. Krushinskij A. A. Issledovaniya logicheskoy mysli Drevnego Kitaya: tupiki i vyhody // Voprosy filosofii, 2015. – № 10. – S. 172.
6. Kuzin I. V. K voprosu stanovleniya koncepcii, «vzglyad» v filosofii Zh. P. Sartra // Voprosy filosofii, 2015. – № 2. – S. 170.
7. Mechnikov L. I. Civilizaciya i velikie istoricheskie reki. – M., 1992. – S. 272, 324, 335.
8. Pavlovskij I. V. Sociokulturnoe regionovedenie kak gumanitarnaya specialnost// Vesti: Moskovskogo un-ta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikaciya. 2014. – № 2. – S. 49.
9. Solovyov V. S. Soch. v 2-h tomah. T.1. – M., 1989. – S. 353–354.
10. Stepanyanc M. T. Ot evrocentrizma k mezhkulturnoj filosofii // Voprosy filosofii, 2015. № 10. – S. 153.
11. Taranova P. Filosofiya soroka pyati pokolenij. – M., 1999. – S. 563.
12. Sheyegan D. The challenges of today and cultural identity // East Asian cultural studies, 1977. – № XVI. – P. 35.

© Джуроев Дж. Т., 2018.

УДК 004.827

ФИЛОСОФИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СЛОЖНОСТИ

М. К. Ниязимбетов

М. Н. Абдуллаева

кандидат философских наук,
ORCID 0000-0001-9517-3374,
e-mail: Niyazimbetovm_7@mail.ru,
доктор философских наук, профессор,
ORCID 0000-0003-4862-702,
e-mail: gulchehra_3@mail.ru
Национальный университет Узбекистана,
г. Ташкент, Узбекистан

PHILOSOPHY OF VAGUENESS IN THE CONTEXT OF COMPLEXITY

M. K. Niyazimbetov

M. N. Abdullaeva

PhD,
ORCID 0000-0001-9517-3374,
e-mail: Niyazimbetovm_7@mail.ru,
Doctor of Philosophy,
ORCID 0000-0003-4862-702,
e-mail: gulchehra_3@mail.ru
National University of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan

Abstract. Decreasing of complexity in the threshold of 21st century means that abruptness, contingency and probability of globalization challenge to culture, which is based on methodological paradigm, developing by terms of nonlinearity, steadiness and evenness. We are living in the world, which is nonlinearity complex. The problem of complexity is the one of the main questions of modern epistemology and methodology. It is certain, catching up always changing world and its regularity is not impossible using methods of traditional methodological science; that is why, alternative methods of research phenomena of complexity must be made up. The philosophical aspects of complexity is analyzed in the article.

Keywords: complexity; nonlinearity; vagueness; incomplete knowledge; abruptness; contingency; chaos.

Введение. Мы живем в мире сложности, нелинейности, неопределенности, где руководствуются такими принципами, как “Конец определенности” (И. Пригожин), “Бойтесь определенной неизбежности!”, “Совершенство – это завершенность, завершенность – это смерть”, “Порядок больше не является королем. Порядок умер. Порядок перестал быть вечным и абсолютным” (Э. Морен). Это требует формирования культуры с новой парадигмой, изменения методологического подхода.

На пороге XXI века рост сложности, то есть глобализация неустойчивости, неравновесности, невозможности предвидения, явились вызовом культуре, мето-

дологическая парадигма которой основывается на состояниях линейности, стабильности, равновесности. Становится очевидным, что познание усложняющегося мира, его закономерностей невозможно адекватно отразить методами традиционной методологии науки, поэтому возникла необходимость разработки альтернативных методов исследования феномена сложности.

Основная часть. Рассматривая проблемы обратимости и необратимости в нашей Вселенной, И. Пригожин приходит к выводу, что для познания их сущности «требуется новая формулировка законов природы, которая базируется не на опре-

деленности, а на потенциальной возможности. Принимая, что будущее не определено, мы тем самым подходим к концу определенности. Означает ли такое допущение поражение человеческого разума? Отнюдь нет! Мы убеждены в обратном» [1, с. 159].

Определенность в повседневности, определенность в научном познании были фундаментальными основами жизнедеятельности человечества. Но и в повседневности и в научном мире человечества сталкивается с неопределенностью. В данном разделе проводится философско-гносеологическая интерпретация соотношения определенности и неопределенности в реальности.

Быстрые темпы социальных, политических, экологических, научных изменений в целостности, порождают в сознании как отдельной личности, так и общественном, целый ряд неопределенностей. В нашей ежедневной жизни, нам кажется, что мы движемся из определенного прошлого в неопределенное будущее. В осмыслении современного мира со всеми его противоречиями и кризисными состояниями (финансово-экономический, экологический кризис, кризис традиционной науки) философия играет особую роль, анализируя возможные пути дальнейшего развития современной цивилизации.

Философский анализ объектов быстро меняющегося, нестабильного мира выявляет, что наряду с понятиями определенность, устойчивость, использовавшиеся в классической науке, существуют понятия неопределенность, нестабильность, нелинейность, открытость (различные варианты будущего). Изучение этих объектов требует новых подходов, понятий, концепций.

Характерной чертой научного описания является полная определенность. Определенность есть характерная особенность науки, методология которой осно-

вывается на принципе детерминизма. Кумулятивистская эпистемология представляла науку как идеал строго доказанного и неопровержимого знания. Научные достижения нового времени возвели математику на пьедестал высшей истины и породили иллюзию достижения совершенства. В начале XX века данная модель была развенчана кризисом математики. В начале 30-х годов XX столетия К. Гёдель на примере несостоятельности идеи полного и окончательного обоснования математики, показал невозможность полной формализации знания.

Познание мыслилось как устранение субъективной неопределенности. Неопределенность считалась характеристикой субъекта, а не объекта познания. Объекты познания всегда содержат в себе элемент случайности и неопределенности. Классическая модель науки, в которой господствовал принцип детерминизма, не могла объяснить принцип Гёделя. Смысл открытия Гёделя сводится к тому, что математики с древнейших времен пытались представить математику и математические выводы в чистом и упорядоченном виде. «...Великая мечта всех математиков – основать математику на четко определенных правилах вывода и конечном числе абсолютно явных фундаментальных утверждений, называемых аксиомами. ...Арифметика целых чисел была формализована достаточно рано, и пиком великой мечты математиков была надежда на то, чтобы для каждого имеющего смысл утверждения о целых числах систематическим образом можно было бы решить, является оно истинным или ложным. Именно эту надежду и уничтожил Гёдель» [2, с. 137]. Теорема Гёделя о неполноте формальных систем с одной стороны, расширила возможности познавательного процесса, показав, что стремление к определенности, не всегда адекватно ре-

альности, с другой стороны расширила горизонты развития математики. Теорема Гёделя на языке математики показала, что неопределенность существует, в казалось бы одной из точных наук, математике. Исходя из этой теоремы, некоторые исследователи считают, что «должна существовать теорема Гёделя и в биологии, показывающая невозможность полного описания живых организмов в чисто генетических терминах» [3, с. 109].

В структуре научного знания определенность, отражающая объективность, полноту воспроизведения объекта представляет идеал познания. Такая модель, как известно, позволила достичь значительных успехов в познании неживой природе. Она и в данное время представляет основу познания окружающего нас мира. Но, такие науки как биология, социология, психология исследуют объекты подверженные случайным флуктуациям, воздействиям, т. е. неопределенность оказывается повсеместной и закономерной. Принцип неопределенности Гейзенберга выявил онтологическую сущность этой закономерности в квантовой физики.

Принцип Гейзенберга отражает объективную неопределенность между пространственно-временным и импульсивно-энергетическими состоянием, микрочастиц в их взаимозависимости. Определенность одних состояний порождает неопределенность других, которая возникает не как следствие экспериментальных ошибок, а представляет собой внутреннее свойство микрочастиц.

Объективная неопределенность существует в природе самого изучаемого предмета, неконтролируемыми воздействиями, действующими на изучаемые параметры, и проявляется при исследовании массовых явлений и вероятностно-статистических закономерностей. Такая закономерность обнаружена «и в биологии, и в психологии, и в социологии, и во-

обще всюду» [4, с. 38]. Осознание места неопределенности в познавательном процессе и в объективной действительности, т. е. выявление гносеологического и онтологического статуса неопределенности повлияла на интерпретацию категорий детерминизма, причинности, случайности.

Получение информации об исследуемом объекте связано с такими характеристиками знания, как определенность и неопределенность. До исследования сложных объектов, познание мыслилось лишь как устранение субъективной неопределенности, т. е. сама неопределенность представлялась только как характеристика субъекта, но не объекта познания. Этот последний тем самым считался строго, однозначно определенным, и процесс отражения, поэтому связывался с выявлением этой определенности путем устранения субъективной неопределенности» [5, с. 153]. Чем больше в знании определенности, тем больше появляется возможностей выявления знания о незнании, больше возникает проблемных ситуаций и неопределенности. Эта объективная неопределенность в исследовании сложных систем может иметь различную природу. Субъективная неопределенность преодолевается в ходе познания, тогда как объективная неопределенность является необходимым компонентом познавательного процесса.

Стремление классической науки к идеалу точности и полноты, позволяют ей оперировать строго определенным набором исследовательских подходов, она не может варьировать, изменять их. Однолинейный, строго детерминированный подход сделали науку «банкротом перед лицом глобального кризиса, не сумев ни предсказать, ни разрешить назревшие проблемы. Кризис заставляет признать, что для изучения жизнеспособных, органических, развивающихся объектов нужна иная методология, новая парадигма» [6, с. 211].

Методология современной науки при изучении феномена сложности на основе синергетической парадигмы, помогает открывать неизвестные ранее свойства, новые грани сложности.

Атрибутами сложности являются хаос, неустойчивость, нелинейность, неопределенность, случайность и вероятность. Они являются одной фундаментальными проблемами современной онтологии и гносеологии. Изучение онтологической сущности сложности, требует разработки концепции сложности.

Если синергетика является наукой о сложном, то своего рода метанаукой о сложном стали исследования Э. Морена. Перестройки мышления и языка, по его убеждению, должно позволить человеку лучше понять этот сложный и неопределенный мир, в котором мы живем. Анализируя феномен сложности, Э. Морен дает определения понятию сложного мышления, сопрягая сложность, порождаемую познанием и сложность саморазвивающихся природных систем.

К. Майнцер раскрывал феномен сложности как сложносистемное мышление. Мы находимся внутри этого сложного мира, и сложность мира определяет характер и возможности нашего мышления: мышление само должно быть сложным, чтобы дать нам возможность постичь сложность мира.

Е. Н. Князева подчеркивает, сложное мышление – это мышление о сложном или мышление в сложности. Сложное мышление нам необходимо, чтобы постигнуть сложность мира, сложность сложных систем. «Главными характеристиками сложных систем являются холизм, самоорганизация, эмерджентные свойства, способность к адаптации» [7, с. 210]. Сложное мышление включает в себя много смыслов, включая его целостность (холистичность), нелинейность, эволюционность, спонтан-

ность, чувствительность к инновациям (креативность). Мысль должна соответствовать сложности и творческим возможностям мира, быть им релевантной, именно тогда будут эффективными и наше мышление, и наше действие [8, с. 38].

Синергетическая парадигма дала возможность открыть новые стороны феномена сложности и исследовать его в аспекте взаимосвязи с хаосом, неустойчивостью, неопределенностью, случайностью и вероятностью.

Неопределенность одно из фундаментальных свойств сложности. Например, различают две модели неопределенности [9, с. 83–103]: неопределенность как неясность и неопределенность как неосведомленность. В первой модели имеется в виду, что неизвестны вероятностные меры, во второй – неопределенность рассматривается как неизвестные полные пространства состояний.

Существуют такие виды неопределенности, как эпистемологическая неопределенность и онтологическая неопределенность. По мнению Дж. М. Кейнса, Л. Мизеса, Ф. Найта, эпистемологическая неопределенность это – “ограниченность наших знаний”, “условие существования свободы выбора”, таким образом, неопределенность это – отсутствие знаний о будущем, что, в свою очередь, связано с желанием людей действовать, идти на риск, открывать новое [10, с. 63].

Следовательно, отсюда можно сделать вывод о том, что эпистемологическая неопределенность связана с неполнотой информации о системе. По К. Шеннону, информация – это снятая неопределенность. Количества информации как меры неопределенности состояния системы, снимаемой при получении информации. При получении информации уменьшается неопределенность, т. е. энтропия системы.

Синергетика, рассматривая неопределенность в другой сетке координат, расширила наши представления о нем. Определить принципами строго детерминизма последующее состояние системы в точке бифуркации невозможно. В точке бифуркации трудно однозначно определить последующее состояние системы, так как оно проявляется как результат случайности. В данном случае последующее состояние системы можно определить только вероятностно или статистическими закономерностями. В промежутках между бифуркациями степень определенности в системе велика, так как работа системы подчинена законам детерминизма, а степень неопределенности мала. В состоянии бифуркации, то есть в переходном состоянии системы, степень определенности снижается, а степень неопределенности увеличивается.

Сложность предметов и явлений заключается в том, что мы не можем однозначно предвидеть их из-за господства случайностей. Случайность, по определению А. Пуанкаре, является мерой нашего неведения [11, с. 415]. Отсюда видно, что в мире господствует необходимость, а случайности связаны только с нашими знаниями. Однако Л. В. Тарасов различает два вида случайностей: субъективное и объективное: субъективная случайность связана с неполнотой наших знаний, а объективная случайность связана с природой материи, с ее сущностью [12, с. 23]. Следовательно, субъективная случайность предметов и явлений связана с тем, что мы не можем заранее предвидеть их происхождение. Объективная случайность связана с бытием, внутренней сущностью объекта и не связана с нашими субъективными представлениями. Из этого можно заключить, что случайность имеет онтологическую природу и выражает сущность сложного мира.

Сложность имеет также хаотическое свойство. Хаос очень многогранен. Большинство людей хаос приравнивается к беспорядочности и неизвестности. Однако это не всегда верно. Насколько хаотичным характером может обладать хаос? В хаосе тоже есть определенный порядок, и он подчиняется определенной закономерности. Однако эту закономерность найти сложно. Цель изучения хаоса и фракталов заключается в поиске закономерностей в этой неведомой для нас и абсолютно хаотичной системе.

Следует признать эффективным использование подходов, основанных на теории нелинейных сложных систем, в физике, биологии, экономике, медицине, экологии, психологии и других науках. При моделировании сложных процессов линейный подход не отвечает требованиям.

Заключение. Современные исследования реальности говорят о невозможности удаления неопределенности из познания, конструктивной роли неопределенности в познании. Неопределенность проявляется во всех сферах нашей жизнедеятельности. Исследовать и понять наш мир мы можем исходя из положения о том, что «неполнота и несовершенство необходимы для постижения самого существования нашего мира, так и незавершенность, неполнота проблем, несовершенство лежащие в самой сердцевине нашего знания делают постижимыми существования знания и его прогресс. Только недостаточность является продуктивным». Познание в своем движении стремится к большей определенности путем выбора из многочисленных возможных признаков определенного признака, представляющего изучаемый аспект действительности. Снятие неопределенности существенная черта сложных, нелинейных процессов развития. Одним из современных методов познания сложности является сложное мышление, способствующее когнитивно-

му познанию определенности в неопределенности, порядка в беспорядке – основываясь на креативных идеях.

В заключении можно сказать, что сложность это – многокомпонентное свойство бытия. В связи с тем, что неопределенность, случайность, хаос являются свойствами, присущими бытию сложности, то при моделировании сложности методологическую роль выполняет вероятностный подход. В сложном нелинейном мире рискованно рассуждать линейно. Будущее невозможно точно предвидеть. Особенно нельзя допускать методологическую ошибку в социально-экономическом развитии.

Библиографический список

1. Пригожин И. Конец определенности. – Ижевск, 1999. – С. 159.
2. Рюэль Д. Случайность и хаос. – Москва-Ижевск, 2001. – С. 137.
3. Паршин А.Н. Размышления над теоремой Геделя // Вопросы философии, 2000. – № 6. – С. 109.
4. Баранцев Р. Г. Синергетика в современном естествознании. – М., 2003. – С. 38.
5. Урсул А. Д. Проблема информации в современной науке. – М., 1975. – С. 153.
6. Андрианов И. В., Баранцев Р. Г., Маневич Л. И. Асимптотическая математика и синергетика. – М., 2004. – С. 211.
7. Zwin H. P. Les Systèmes complexes. Mathématique et biologie. – P., 2006. – P. 210.
8. Философия мышления: [сборник статей] / ред. кол. Л. Н. Богатая, И. С. Добронравова, Ф. В. Лазарев; отв. ред. Л. Н. Богатая. – Одесса : Печатный дом, 2013. – С. 38.
9. Светлова Е., Х. ванн Элст. Феномен неполного знания будущего в экономической теории // Вопросы экономики, 2013. – № 8. – С. 83–103.
10. Макашева Н. Неопределенность, вероятность, этика: Дж. М. Кейнс, Л. Мизес, Ф. Найт // Вопросы экономики, 2013. – № 10. – С. 63.
11. Пуанкаре А. О науке. – М., 1990. – С. 415.
12. Тарасов Л. В. Закономерности окружающего мира. В 3-х кн. Кн. 1. Случайность, необходимость, вероятность. – М. : ФИЗМАТЛИТ, 2004. – С. 23.

Bibliograficheskiy spisok

1. Prigozhin I. Konec opredelennosti. – Izhevsk, 1999. – S. 159.
2. Ryuehl' D. Sluchajnost' i haos. – Moskva-Izhevsk, 2001. – S. 137.
3. Parshin A.N. Razmyshleniya nad teoremoj Gedelya // Voprosy filosofii, 2000. – № 6. – S. 109.
4. Barancev R. G. Sinergetika v sovremennom estestvoznanii. – M., 2003. – S. 38.
5. Ursul A. D. Problema informacii v sovremennoj nauke. – M., 1975. – S. 153.
6. Andrianov I. V., Barancev R. G., Manevich L. I. Asimptoticheskaya matematika i sinergetika. – M., 2004. – S. 211.
7. Zwin H. P. Les Systèmes complexes. Mathématique et biologie. – P., 2006. – P. 210.
8. Filosofiya myshleniya: [sbornik statej] / red. kol. L. N. Bogataya, I. S. Dobronravova, F. V. Lazarev; otv. red. L. N. Bogataya. – Odessa : Pечатnyj dom, 2013. – S. 38.
9. Svetlova E., H. vann Elst. Fenomen nepolnogo znaniya budushchego v ehkonomicheskoy teorii // Voprosy ehkonomiki, 2013. – № 8. – S. 83–103.
10. Makasheva N. Neopredelennost', veroyatnost', ehtika: Dzh. M. Kejns, L. Mizes, F. Najt // Voprosy ehkonomiki, 2013. – № 10. – S. 63.
11. Puankare A. O nauke. – M., 1990. – S. 415.
12. Tarasov L. V. Zakonomernosti okruzhayushchego mira. V 3-h kn. Kn. 1. Sluchajnost', neobhodimost', veroyatnost'. – M. : FIZMATLIT, 2004. – S. 23.

© Абдуллаева М. Н.,
Ниязимбетов М. К., 2018.

UDC 37.013.43

TO THE ISSUE OF MULTICULTURAL EDUCATION IN KAZAKHSTAN

Ye. Dergunova*Master of Pedagogy and Psychology, researcher,
e-mail: dergunovaelena05@gmail.com,
Arabayev Kyrgyz State University,
Bishkek, Kyrgyzstan,***A. Kaldybaeva***Doctor in Pedagogy, Professor,
e-mail: aikadem_007@mail.ru,
Arabayev Kyrgyz State University,
Bishkek, Kyrgyzstan,***Z. Kashkinbayeva***PhD in Education, assistant professor,
ORCID 0000-0003-4202-7394,
e-mail: zamza64@gmail.com,
Zhezkazgan Baikonurov University***G. Rakhimbekova***Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,
e-mail: grahimbekova@mail.ru,**Kazakh Saken Seyfullin Agro-technical University,
Astana, Kazakhstan,***G. Zhalelova***Master of Pedagogical Sciences, Teacher Assistant,
e-mail: gulzhan--z@mail.ru,
Kazakh Saken Seyfullin Agro-technical University,
Astana, Kazakhstan,***A. Zhaktayeva***Senior Teacher,
e-mail: allazhak.13@mail.ru,
Zhezkazgan Baikonurov University,
Zhezkazgan, Kazakhstan,***U. Sarsembayeva***Senior Teacher,
e-mail: alua220107@mail.ru,
Zhezkazgan Baikonurov University,
Zhezkazgan, Kazakhstan*

Abstract. The global processes taking place in the modern world, the radical changes in the system of socioeconomic relations taking place in Kazakhstan, the democratization of the society and its public institutions, including the school, have revealed many problems that have been hidden before. One of such problems is the formation of multiculturalism among Kazakhstan people.

In the process of globalization, intensification of intercultural contacts with different countries, new trends in the development of the world community have emerged in the framework of multiculturalism, tolerant attitudes towards cultural diversity and cultural characteristics of other peoples.

Without the solution of the multicultural education and upbringing problem, it is impossible to set and solve the tasks of modernizing education, spiritual and moral development and upbringing of the Kazakhstan citizen personality, preparing the younger generation for intercultural interaction in the context of complex social and economic relations of the modern world.

In this regard, one of the important tasks of higher education institutions is the expansion of the multicultural components of the higher education content, increasing the requirements for mastering the world's cultural heritage and foreign languages by future specialists.

Keywords: education; culture; multicultural education; education modernization; foreign languages; education technologies.

Introduction

In the new version of the Law on Education of the Republic of Kazakhstan (2007, 2017) the leading idea and the main goal is the formation of a new type of person, moral, creative, with a high worldview culture [1]. Due to its geopolitical position and historical development, today Kazakhstan is one of the most unique countries on the territory of more than two million seven hundred thousand square kilometers and ethnically diverse population – more than one hundred nationalities and representatives of many religious denominations live here. And as Zetpisbaeva B. A. (2008) notes in her work, "Kazakhstan, being a polyethnic and polyconfessional state, is going through a difficult and contradictory period of its cultural and linguistic development, as evidenced by the present language situation, which is described in the Concept of Language Policy of the Republic of Kazakhstan. It should be noted that the need of mastering several languages is the core idea practically in all documents in the field of language policy" [2].

In Kazakhstan, the upbringing of the spiritually and physically developed generation is a nationwide, nationwide task.

In the Republic of Kazakhstan, the education system should be built on the fundamental values that have developed in our land for thousands of years of its history, relying on the values accumulated by the world civilization, on the common cultural heritage of Kazakh ethnos, on the spiritual and moral traditions of all citizens.

Knowledge of a foreign language provides direct access to the culture and social experience of other peoples, and also involves the implementation of a dialogue of cultures in the process of education, which opens up wider opportunities for intercultural interaction.

The topicality of the multicultural education issue is caused by the specifics of the ethnic situation in the country, determined by the multiethnic and multi-religious population composition. The development of official policy of the state in the sphere of inter-ethnic relations is becoming almost the most urgent. This is evidenced by the "Concept of Ethno-Cultural Education in the Republic of Kazakhstan" adopted in 1996, which guides the pedagogical community towards the solution of a specific pedagogical task – the formation of a multicultural personality [3].

Estimating the state of multicultural education in Kazakhstan, it should be recognized that it was not among the priority directions in the development of pedagogical science and practice. Scientific works contain calls for education in the spirit of multiculturalism, but not always they become the ideological basis of educational activity. Meanwhile, the person's multiculturalism is not laid at the genetic level. It is socially defined and must be trained.

An analysis of the works devoted to the problem of our research shows that at different periods the scientists have considered various aspects of multicultural education of the younger generation.

Issues of multicultural education and upbringing of the younger generation are revealed in the works of L. G. Vedenina (2011), O. V. Gukalenko (2000), G. Zh. Dautova (2004), A. N. Dzhurinsky (2008), G. D. Dmitriev (1999), O. G. Zhukova (2008), Yu. A. Karyagina (2007), E. H. Matyukhina (1998), T. B. Menskaia (1993), S. Ch. Naushabaeva (1993), A. A. Rakhkoshkina (2005), L. L. Suprunova (2013), M. A. Timofeev (2005), T. A. Chikaeva (1999), A. B. Shafrikova (1998), T. A. Yakadina (2004) et al.

L. Vedenina considers foreign culture as a factor of student's socialization, paying at-

tention to the problem of educational realization of the foreign culture [4].

O. V. Gukalenko justified the principle of multicultural education, which is seen as the process of mastering the ethnic, national and world cultures for the sake of spiritual enrichment, the development of planetary consciousness, the formation of readiness and ability to live in a multicultural multiethnic environment [5, pp. 34–35].

As G. Zh. Dautova points out, "The cultural paradigm of education should build its educational program as a path of the human to humanity, that path that lies through the national and all-human creative experience that is to be developed. At the same time, the socialization of the individual is not reduced to adaptation, but involves the development of the ability to understand, adequately interpret the socio-cultural situation, to act fairly and responsibly in it. In the course of developing this trend, the modern education system is actively saturated with a variety of humanitarian, cultural, axiological, artistic and aesthetic disciplines. At the same time, the native culture (native to the individual) is regarded as an educational space where the national spiritual experience is a component of the world culture, within the framework of which a multicultural, producing the dialogue of nations" [6].

Emphasizing the need to identify the optimal ways of functioning of education in conditions of a heterogeneous ethno-social environment, while observing a single pedagogical strategy, A. Dzhurinsky notes that "Cultural diversity is complex for education, connected with the linguistic, cultural and mental heterogeneity of the society, which requires a dialogue of national and universal Cultural values. Education and training appear to be an integrative process, the center of which is a person as a participant in such a dialogue. In modern conditions the philosophical and pedagogical principle of cultural appropriateness acquires a new sound and means

the consideration of issues of upbringing and education within the broad social panorama of diverse macro- and subcultures" [7].

A significant contribution to the development of multicultural education was made by G. D. Dmitriev, according to which the principle of multiculturalism should be raised to a didactic principle [8].

Yu. A. Karyagina studies theoretically – comprehension and scientific substantiation of the content, forms and methods of multicultural person education; practically – the implementation of a set of special measures to educate the multiculturalism of teenagers [10].

Aleksashenkova I. V. examines the features of bilingual education of students in the system of multicultural education [11].

A. Shafricova considers multicultural education as "a modern trend in the world process, which affirms the idea that many independent entities are the basis of the world civilization". At the same time, revealing the essence of multicultural education, A. Shafrikova notes that it is aimed at developing and preserving the diversity of cultural values, norms, patterns and forms of activity existing in a given society and is based on the principles of dialogue and interaction of different cultures. It considers multicultural education in the international and interethnic context as the interconnection of different environments in the spheres of education [18].

T. B. Menskaya notes that "multicultural education not only means different for different people in society, but is generally due to economic realities and the ideology of different societies at a deep level" [12].

The concepts of multicultural interaction in foreign pedagogy were studied by S. Ch. Naushabaeva in her publications and the dissertation research, where she makes the comparison with the educational system in America [13].

The idea of multiculturalism was reflected in the scientific language under different terms: multicultural education and upbringing

ing (V. V. Makaev, Z. A. Malkova, L. L. Suprunova) (1999); Multicultural education and upbringing (R. Lucier, (1997), J. Pei (1990), A. V. Shafikova (1999), etc.); School of Cultures Dialogue (V. S. Bibler) (1994); Liberal pluralism in education (B. Williams) (1994); Multicultural education (G. D. Dmitriev) (1999); Intercultural education (L. G. Vedenina) (2011); Cross-cultural education and upbringing (A. P. Liferov (2010); Multiperspective education (H. Göpfert (1985), W. Schmidt (1987)), etc. From the position of our study the most interesting are the works in which the problems of multicultural education and personality education are studied in the process of teaching foreign languages (Yu. V. Agranat (2007), I. V. Vasyutenkova (2012), T. Yu. Guryanova (2008), L. Yu. Danilova (2007), T. S. Degtyarev (2010), I. S., Lunyushkin (2009), and others).

The analysis of scientific works has shown that at present there are no unified views on the nature of the phenomenon of "multicultural development", the problem of multicultural development of university students in the process of teaching a foreign language on the basis of a systematic approach remains developed insufficiently.

An analysis of the scientific literature on this problem revealed that the system of multicultural education should take into account the following positions:

- Any global problems that society faces inevitably affect the state of education. Responding to the problems of society, it is able to have a significant influence on the development of certain trends, to support or inhibit them, anticipating the development of events.
- Humanity entered the 21st century not only with outstanding achievements in science and technology, literature and art, but also with events related to international terrorism, ethnic and religious

strife, society's inability to analyze contemporary ethnic conflicts, forecast and manage them.

The need and revival of spiritual and moral values, unity and integrity of Kazakhstan makes the education of the younger generation oriented to the formation of super-ethnic position – a system of views and principles that determine the attitude of a person to the culture of different nations as a self-worth, showing respect for national traditions and readiness to act morally in a multinational society.

A multicultural individual is a person who is oriented both to his culture and the other ones.

We can say that in our country the process of introducing a multicultural approach into the sphere of education is quite active. The main provisions of our state in the field of education and upbringing, which provide a theoretical basis for a multicultural approach, are also being published, as well as recommendations on its practical implementation, both in educational institutions and in extracurricular children's organizations in Kazakhstan. The above-mentioned can be confirmed by the "State Program for the Development of Education for 2011–2020" (Order of 07.12.2010), "Comprehensive Education Program in Education Organizations of the Republic of Kazakhstan" (2000).

Changes in the socio-political and economic spheres of the life of the Republic of Kazakhstan, broad access to the international level in the areas of education, science and culture raise the need to raise the level of a multicultural personality formation. The implementation of the social order of society requires a revision of the educational system, the development of new effective forms, methods and means of teaching and upbringing. One of the most important aspects of the new educational ideology is the orientation towards culture (culturally appropriate ap-

proach) – "education is a way of becoming a person in culture". Modern ideas about the goals and objectives of education are based on the need to ensure the humanitarization of this process, which makes it possible to master the achievements of the world and national culture, determine their worldview positions and freely choose spiritual values.

The new educational paradigm, based on the interaction of cultures, helps to understand the nature and essence of relations between cultures and to identify the common features that unite them. The most important strategic goal of education is, on the one hand, is the preservation of the best Kazakhstani educational traditions, on the other hand, the provision of school graduates with international qualifications, the development of their linguistic consciousness, based on the mastery of state, native and foreign languages, the formation of a multicultural personality.

The content of education requires improvement of curricula and programs in foreign languages training, the creation of new textbooks and teaching aids that meet the requirements of the society and its educational goals. To do this, a deep understanding of the previous experience of teaching, the introduction of innovative technologies, the development of ways and forms of creative use of traditional and new teaching aids in the teaching of foreign languages is necessary. Teaching foreign languages is impossible without consideration of the culture of the studied language country. In countries located near the country of the studied language, a foreign language is seen primarily as a means of international communication, intercultural contacts.

Integration processes contribute to the transformation of Europe and Asia into a multilingual space in which national languages have equal rights. With the opening of borders between states, the mobility of people, their motivation to learn foreign lan-

guages, as well as to establish and maintain contacts within their own country and abroad is increasing. Kazakhstan and other countries are striving to integrate into the world and European socio-cultural and educational space, while preserving the national identity. The concept of the formation of a multicultural personality is an important integral development of the modern world.

To study these issues, we formed the goals and objectives of our study.

The aim of our research is the theoretical and methodological substantiation of developing multicultural personality of students of language majors of higher educational institutions.

The object of the research is the pedagogical process in institutions of higher professional education.

As a **hypothesis**, it is assumed that the multicultural development of the students' personality will be effective if:

- the pedagogical process of the university will take into account the influence of multilingualism, ensure its harmonious development on the basis of the activity approach;

- to contribute to a systematic deepening of knowledge about the languages of international communication, to educate the students' interest in the assimilation of the cultural values of the peoples of the world, high levels of development of this personal quality will be achieved, since optimal pedagogical conditions are created for this.

Method

Having formulated the main goals, tasks and hypothesis of the study, we studied the theoretical positions on our issue and conducted experiments (ascertaining and forming).

The ascertaining experiment was carried out in several stages.

In the course of the experimental study, 30 students were selected for testing and 30 for the experimental group, in which a specific manifestation of each criterion of multi-

cultural competence was revealed using the following diagnostic methods: author's questionnaire (control and summary); Pedagogical observation (direct and indirect); Interviewing; Diagnostic situations; Diagnosis of acceptance of others (according to the Feyey scale); Diagnosis of the level of empathic abilities Boyko V. V.; Diagnosis of communicative tendencies; Diagnosis of aggression (Bassa-Darkee questionnaire).

The criteria, indicators and diagnostic apparatus allowed us to identify indicators in the relevant relationships. With the help of certain diagnostic situations and the method of observation, the involuntary, emotional relationship to others was established that is expressed in the form of a positive (tolerant to the characteristics of another culture, evaluates it positively), neutral (does not value others, does not show interest to anyone before the motive occurs), negative (there are negative stereotypes, negativity to differences) and negative (negativism, hostility, hate to a strange, unlike their culture).

Discussions on the topic of cultural pluralism revealed the following attitudes and positions of students in recognizing others.: positive (the student understands the importance of cultures diversity, sees positive features in it), neutral (is indifferent to the presence of different cultures representatives in its environment) or negative (sees shortcomings in multiculturalism, the advantage of its culture over others, denies the possibility of staying with representatives of other cultures).

The real behavior of students was identified based on diagnostic situations: positive (there is a desire to understand the representative of the other culture to communicate with him, curious to intercultural features, is capable of empathy), neutral (not strive to participate in the dialogue of cultures), negative (categorically does not want to com-

municate with representatives of other cultures, denies such communication).

At the next stage of the constituting experiment, a preliminary diagnosis was carried out, which revealed the traits of the students' character underlie the natural manifestations of multicultural competence (level of empathy, tolerance, communicative skills).

Analysis of the results of the diagnostics of the future teachers' qualities showed that the leading ones were middle and low levels in groups, which predetermined the orientation of purposeful work on the formation of the multicultural competence of future teachers. The researcher selected a group of respondents in which the students from different nationalities predominated. These students had a tendency to increase multicultural competence, on the basis of whether their aggressiveness was reduced or was on an average level, although they showed low results on the diagnosis of empathy and communicative skills.

At the next stage, the informativeness of the selected criteria and indicators was checked by means of diagnostic situation methods, observation and interview. In the process of teaching English, the effectiveness of some elements of the advanced training of future teachers was determined in the process of fulfilling study assignments. The purpose of this stage of the study was to determine the specifics of the pedagogical conditions for introducing advanced training methods in the process of teaching English in order to achieve a comprehensive formation of multicultural competence and a communicative competence of future educators.

It was found that most students had unformed multicultural competence. It was decided to check through specially designed tasks aimed at changing the position of students, changing the criteria and indicators of multicultural competence.

As a result of the conducted research, the reasonability of introducing pedagogical conditions into the technology was established, which will contribute to changing the level of multicultural competence in the training process: increasing the number of individual and group, independent and creative assignments; preliminary training of students on individual and group work with a creative task; special development of creative tasks with multicultural subjects, including them in the technology of the course and the formation of intercultural groups of students to perform these tasks.

In the course of further ascertaining research, we increased the number of students, divided them into experimental and control groups, and tested the entire experimental-diagnostic apparatus to determine the initial level of multicultural competence of future teachers.

In order to determine the manifestation of the multicultural competence criteria, the author of the study developed a questionnaire.

Based on the results of students' responses of the experimental and control groups, it was determined that the neutral and negative parameters of the multicultural competence of future educators were strongly marked.

In the end of diagnosing the initial level of multicultural competence in future teachers, we applied the acceptance of others diagnosis (on the Feyey scale).

Results

An analysis of the above-described ascertaining experiment results showed (average arithmetic of all diagnoses results) that 16 % of the teachers-training college students of the control group and 19 % of the experimental group can be referred to a high level of multicultural competence; About 34 % of control group students, 42 % of experimental group have a weakly expressed experience of cooperation with the representatives of different cultures, due to lack of knowledge of many national and cultural realities and weak

readiness for multicultural communication; not enough understanding of cultural pluralism, which can affect the development of their personal potential. The level of multicultural competence in this percentage of students can be defined as a moderate.

As we have noticed, 29 % of control group students and 31 % of experimental group are not ready to cooperate with representatives of different cultures; there is no sense of respect, understanding and acceptance of cultural differences; do not understand the inevitability of cultural diversity; there is social aggressiveness. Accordingly, the level of multicultural competence of these students is low.

Thus, the analysis of the results showed that the advanced training technology of future teachers is required in the process of training, and also confirm the importance of introducing the technological pedagogical conditions identified earlier. To develop such a technology, we tested the effectiveness of pedagogical conditions at the final stage of the ascertaining experiment. At the same time, the unity of several cultures was taken into account in the organization of studies on foreign languages.

After approbation of the conditions of the future teachers it was found out that with the use of some advanced training techniques we were able to reveal its criteria and indicators and achieve their increase in the experimental groups. Accordingly, the proposed model is admissible in advanced training of future educators when teaching foreign languages.

The conducted research gave us the basis for further development of the technology of the process of formation of the multicultural competence of future educators on the basis of the author's model, in accordance with each advanced training method, and based on the implementation of the pedagogical conditions revealed in the course of the ascertaining study and presented in the model.

Variants of each advanced training method adaptation in the conditions of its use in the process of foreign languages learning are described; features of the introduction of this method in the methodology of teaching foreign languages; the specifics of the experimental work organization in accordance with each method and the condition of the advanced training are considered.

The developed practical tasks are presented: the features of the experimental process organization, in which the method of project activity, method of dialogue, method of Internet communication, method of discussion, method of training, method of role-playing game are introduced.

The study took into account the socio-cultural basis of each student, its diversity and country study material of the language studied. Students from different cultural and ethnic groups were drawn to joint research activities; the following topics are suggested for one of the active methods of the advanced training project: *Characteristics of the character of Kazakhs, Russians, Germans, Koreans, Poles, Belarusians, Tatars, British. Family: British and Kazakh. The face of my group: appearance, character, interests. The culture of Kazakhstan and the influence of other cultures on it. I am a citizen of a multicultural Kazakhstan. The cultural diversity of Britain (racial, ethnic, social, linguistic). We are different, but we are friendly, etc.*

For projects, students were asked to collect information by talking with speakers of other cultures studying with them in one university or group. For the effective cooperation of students with each other, the themes of the projects were sometimes divided into groups of students so that this group does not include representatives of the culture that should be compared in the project.

To implement the method of dialogue, students were acquainted with the characteristic features of dialogue with a representa-

tive of the studied culture. In the dialogue in English, students were invited to introduce themselves as a native speaker or a bearer of another culture, express their mood, intonation, and show their character in order to contribute to the formation of an empathic feeling. Some of the necessary information for the dialogues students had to be found on the Internet or on an international chat communicating with a native speaker independently outside the classroom.

When using the Internet, students were offered tasks aimed at finding information related to another culture, research activity. Internet search and communication were used in the classes using other methods, for example, discussion, dialogue, project, training, so more attention was paid to this method at the lessons on foreign languages. We conducted information trainings on writing a letter with all the rules relating to the culture of England. For example, students were asked to learn from the communication with the Englishman, why there is an idiomatic expression: Purely American / English humor; what values the representative of the studied culture stands out for; how can he characterize himself; what are the preferences in food for the English and others.

To implement the method we consider, we have included the topic and questions that are reflected in the author's questionnaire in order to achieve the results obtained at the stating stage of the experiment, where students showed ignorance of cultural realities.

It was important for us to observe the level of multicultural competences in future teachers, and compare it with the initial one after the introduction to English classes in experimental groups of project activity methods, dialogue of cultures and Internet communication. To achieve this goal, the diagnostic method was used to identify one of the multicultural competence criteria – the moral psychological quality of the individual,

which manifests itself in relation to the author's questionnaire, unlike its cultures, aimed at revealing the level of future educators attitudes to other cultures. This indicator of multicultural competence was determined by what qualities students chose for themselves in relation to representatives of not only the culture being studied, but also to others.

Comparing the results with the results of the initial diagnosis, we noted an increase in the positive attitude toward others in the students of experimental groups and a decrease in the percentage of students with a negative attitude. In control groups there was an insignificant increase in this level.

To examine the dynamics of changing stereotypes and behavior of students on cooperation with representatives of British culture, students were asked to repeatedly answer the questions of the author's questionnaire.

It is established that the experience of cooperation with representatives of British culture has been acquired. This fact was confirmed by the fact that the students learned to communicate with the representatives of England via the Internet; formulate your written message; they had the confidence that their communicative contact with the English would develop successfully; learned about the habits and habits of the culture studied on their own. Students have received this intercultural experience without the help of a teacher, therefore, the advanced training methods considered save the teacher's time and allow encompassing extensive materials about the culture and representatives of the studied language at the expense of the student's research activities. It is important to note that the students of the experimental group have expanded the cultural picture of the world due to the experience acquired in the Internet – communication with foreigners. This is confirmed by the fact that in the associations about Britain and the British students of experimental group could observe

extensive answers. The cultural picture of the students from the control groups was enriched by the geographical and political realities of the studied country according to the information from the textbook. It is established that 27 % of respondents did not show any associations, and 26 % of students have negative stereotypes about the British; in experimental groups negative stereotypes were observed only in 8 % of students.

As a result of the conducted research, it was concluded that the method of Internet communication and search played a significant role in the self-determination of students through interaction with other cultures, understanding and accepting general cultural values, as the inevitability of cultural pluralism.

Since the conclusions obtained influence the change of the criteria of multicultural competence in a positive way, the methods of multicultural competence formation that we have examined can achieve the result of the technology of learning by the author's model, provided that the corresponding conditions are met.

The discussion was used in the training method, before and after the student's presentation, after working with technical means – the Internet, video. For example, a discussion was held, which aroused interest and involved expressing its opinion on the question: Why should we study the cultures of other peoples?

The analysis of students' answers showed that after the introduction of several methods of advanced training in foreign languages classes, students have a higher level of multicultural competence on such a criterion as an understanding of cultural diversity that was observed in the position of the students to culturally pluralism. Comparing the result obtained with the results of the discussion at the stage of the experiment, it can be concluded that the students began to feel more aware and tolerant about representatives of other cultures, began to see the advantages of

multiculturalism, to note the importance of multiculturalism for enriching their country.

In order to ensure the effectiveness of the discussions method based on certain information obtained by the students themselves,

a statistical analysis of the answers results was made and compared with the initial level of the students' real position on cultural pluralism. The discussion included questions from the questionnaire (see Figure 1).

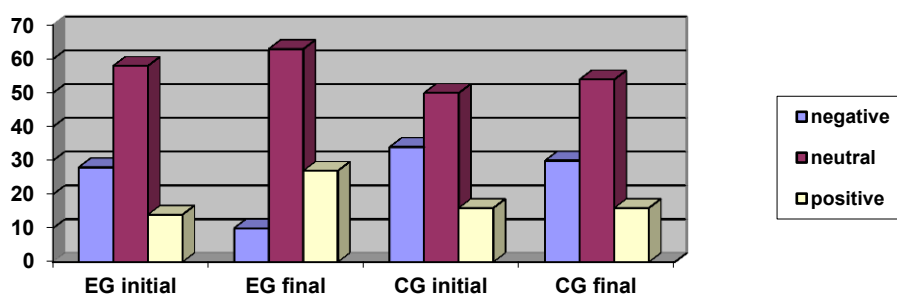

Diagram 1. Dynamics of changes in students' position on cultural pluralism in experimental and control groups at the beginning and the end of the experiment

Some lessons were conducted on the basis of training to determine the degree of intercultural competence of each student and the development of his ability to self-analysis. The training was based on program material, and therefore organically fit into the course of the lessons, without violating the integrity of the learning process of a foreign language.

The result of the method of role-playing game in accordance with the communicative approach is active participation in the learning process of foreign language, in activities that simulate real situations; collective work of students. The role play was based on the information provided at the beginning of the training. This method is similar to the method of cultures dialogue, because the game involves tasks related to presenting yourself as a person of another culture, nationality.

Analyzing classes using the method of role-playing game, it can be concluded that

this method contributes to the achievement of learning goals for learning foreign language; improvement of national and cultural realities knowledge, which are the basis for multicultural communication; the formation of emotional resistance to intercultural differences, the ability to empathy; erasing negative stereotypes; increase the level of multicultural competence of future teachers.

For the purpose of monitoring the level of acceptance of others in future pedagogues and comparing it with the initial level after introduction in classes in English in the experimental groups of the above-mentioned methods, we used the repeated diagnosis of acceptance of others (on the Feyey scale) (see Fig. 2).

Results showing the level of acceptance of others by students can be interpreted from the standpoint of indicators of communicative skills, because the factor of another person acceptance is important in communication.

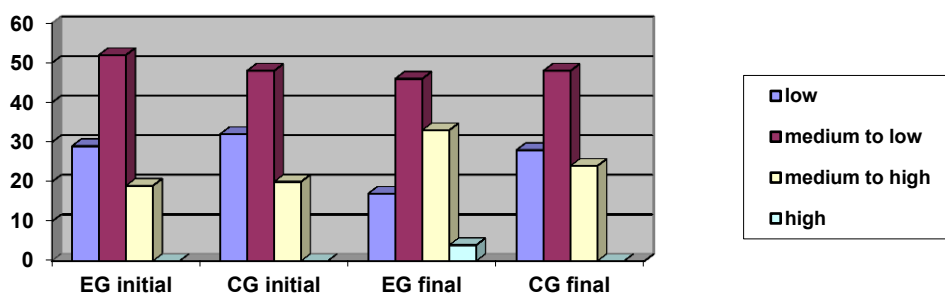

Diagram 2. Dynamics of changes in the level of acceptance of others in students on the Feyey scale in experimental group (EG) and control group (CG) at the beginning and end of the experiment

In the diagram, we can observe the increase in high and medium to high levels of acceptance of others and a decline in the low level. In order to ascertain the increase in the level of communication skills, a diagnosis of communicative inclinations, which we used in preliminary diagnosis, was carried out. In this diagnosis, the same students from the experimental group participated.

Based on the results of the diagnosis, there was established a tendency to increase communicative skills through methods aimed at the advanced training. Consequently, we were able to organically achieve the ultimate goal of learning foreign languages – the formation of communicative competence.

The conducted research gives grounds to assert that each of the methods of the advanced training is effective due to changes in the criteria and indicators of the multicultural competence of the future teachers in a positive way. Based on observations of students, the method of project activity and the method of Internet communication are the most effective. The efficiency of the allocated methods is determined by us on the fact of the minimum time spent by the teacher due to the increase of independent individual and group assignments. It is worth noting that the method of training requires considerable preparation of the teacher, but is also effective. Accordingly, it is possible to recom-

mend the inclusion of methods of project activity, dialogue of cultures, Internet communication, role play as the most effective in teaching a foreign language and the formation of multicultural competence in the learning process of the foreign languages. The use of these methods and the development of appropriate productive assignments with a culturally appropriate subject allow the formation of important qualities of future teachers: communicative skills, empathy, tolerance, emotional resistance to the acceptance of other personalities.

As evidenced by the results of the experimental work, the number of students from experimental group with a high level of multicultural competence increased; the number of students who at the beginning of the experimental work had a low level of multicultural competence decreased.

Concluding the analysis of the results obtained, it can be concluded that the aim of the research has been achieved, the hypothesis has been confirmed.

The results of the study make it possible to conclude that the developed and approved model for the formation of cultural competence and the pedagogical conditions for its implementation positively influence the formation of multicultural competence of future educators in the process of teaching foreign languages in non-linguistic faculties.

In the **summary** on the basis of the conducted research the following **conclusions** are formulated:

1. It was revealed that the problem of the advanced training of future teachers should be solved on the basis of expedient use of the author's systematization of existing principles and approaches to multiculturalism and multicultural education, with the aim of adapting them to the development of advanced training process technology in a teachers training educational institutions.

The author revealed that the methods of effective advanced training of future teachers in the process of teaching foreign languages are dialogue, project, Internet communication, role play, training, discussion, which allow to correlate them with the principles of multiculturalism, which ensures the expansion of the boundaries of the students' world outlook; tolerant interpersonal and intercultural relationships; self-determination of one's own culture; emotional resistance to cultural differences; forming a sense of empathy; creative development of students; the formation of global thinking; liberation from stereotypes.

2. In the course of the study, the possibility of the advanced training of future teachers in the process of teaching foreign languages in non-linguistic faculties is grounded.

3. As a result of the theoretical analysis of the literature on the research problem, the content of the concept of "multicultural competence of future teachers" is specified, which was oriented towards future pedagogical activity and reflected the professional relations of the future teacher to other nationalities. Adequate criteria and indicators for assessing the level of multicultural competence of future teachers have been determined.

4. Structural and functional model of multi-cultural competence of future teachers containing target, substantial and effective components, which together provide the effi-

ciency of formation of multi-cultural competence at future teachers, without violating the integrity of the foreign languages learning process was developed and tested.

5. The effectiveness of the model was proved in the course of its experimental testing and confirmed to commit any changes that have occurred in experimental groups of students – strengthening the positive position on cultural pluralism, tolerance acceptance of other cultures, positively expressed attitude towards other cultures and their representatives, the orientation in intercultural situations, severe empathy, a positive mental attitude to cooperation with representatives of other cultures, the desire for multicultural dialogue, the lack of negative cultural stereotypes and, as a consequence, increase of the communication skills level.

Bibliography

1. Law on Education of the Republic of Kazakhstan (27.07.2007, amended on 11.07.2017), Astana, Kazakhstan
2. Zhetpisbayeva B. A. Multilingual education: theory and methodology. Monography: Almaty, "Bilim" Publisher, 2008. – 343 p.
3. Concept of Ethno-Cultural Education in the Republic of Kazakhstan. 15.07.1996 retrieved from http://adilet.zan.kz/rus/docs/N960003058_
4. Vedenina L. G. Foreign language culture as the factor of student's personality socialization. Thesis for Pedagogy sciences candidate. 13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education. Orenburg, 2011. – 230 p.
5. Gukalenko O. V. Theoretical and methodological bases of pedagogical support of migrant school-children in multicultural education space: synopsis of thesis for Pedagogy sciences doctor: 13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education. Rostov-on-Don, 2000. – 47 p.
6. Dautova G. The development of multicultural education in the Volga region: Thesis for Pedagogy sciences candidate. 13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education: Kazan, 2004. – 435 p.
7. Dzhurinsky A. N. Multicultural education as a response to ethno-cultural diversity. Dialogue of cultures and partnership of civilizations. VIII In-

- ternational Likhachev Scientific Readings (collection of materials). SPb State Unitary Enterprise St. Petersburg, 2008.
8. Dmitriev G. D. Multicultural education. – Moscow : Public Education, 1999. – 208 p.
9. Zhukova O. G. Multicultural education. – Kazan: Publishing house of the Kazan State University, 2008.
10. Karyagina Yu. A. Educating the multiculturalism of adolescents in the educational process. Thesis for the degree of Candidate of Pedagogical Sciences. 13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education. – Orenburg, 2007. – 224 p.
11. Matyukhina E. N. Russia and Germany: the relationship of cultures: Synopsis to thesis for Philosophy sciences candidate (22.00.06). – Tyumen, 1998. – 16 p.
12. Menskaya T. B. Polycultural Education: Programs and Methods. Q: Society and education in the modern world. Selected materials from foreign experience. Issue. 2., – M., 1993.
13. Naushabaeva S. Ch. The problem of multicultural education in American pedagogy // Pedagogy. 1993. – No. 1. – P. 104–110.
14. Rakhkoshkin A. A. Openness of the educational process (on the example of Western pedagogy): monograph. A. A. Rakhkoshkin. – Veliky Novgorod, 2005. – 139 p.
15. Suprunova L. L. Multicultural education: tutorial for students of institutions of higher education. prof. education / L. L. Suprunova, Yu. S. Sviridchenko; Ed. L. L. Suprunova. – Moscow : Publishing Center "Academy", 2013. – 240 p.
16. Timofeev M. Yu. Natsiosfera: Experience in analyzing the semiosphere of nations. – Ivanovo : Ivanovo State University, 2005. – 279 p.
17. Chikaeva T. A. Russian cultural identity: author's abstract. dis ... cand. Sciences of T. A. Chikaeva. – Ivanovo, 1999.
18. Shafrikova A. V. Multicultural approach in the education and upbringing of schoolchildren: Synopsis of the thesis for Cand. ped. sciences. Kazan, 1998.
19. Yakadina T. A. Multicultural education and upbringing of a teacher - a language teacher in the world literature. – Samara, 2004. – 205 p.
20. Nurtazina M. B. The system of teaching languages in the context of a synergetic paradigm // IV International Scientific and Practical Conference "Applied Linguistics in Science and Education": Sat. scientific works. – St. Petersburg: AI. Herzen RSPU, 2008. – P. 131–136.
21. Aleksashenkova I. V. Bilingual educational program (curriculum) as a means of multicultural education for students. Thesis for the degree of Candidate of Pedagogical Sciences. 13.00.01 – General pedagogy. – Veliky Novgorod, 2000 – 148 p.
22. Makaev V. V., Malkova Z. A., Suprunova L. L. Multicultural education is an actual problem of the modern school // Pedagogics, 1999. – № 3. – P. 5–10.
23. Slobodchikov V. I. Educational environment: the realization of the goals of education in the space of culture. // New values of education: cultural models of schools; Proceedings of the conference under the editorship of. R. M. Lusiere and others. – M., 1997. Issue. 7.
24. Pai Y. Cultural Foundations of Education / Y. Pai. Columbus, O. H. : Merrill Publishing Company, 1990. – 310 p.
25. Shafikov A. V. Multicultural approach to teaching and education of schoolchildren: Dis. ... cand. ped. Sciences / A. V. Shafikov. – Kazan, 1999. – 19 p.
26. Liferov A. Corporate education and human resource management in various business cultures. – Moscow : RAO Publishers, 2010. – 216 p.
27. The International Encyclopedia of Education. – Oxford : Pergamon Press, 1994. – 963 p.
28. Göpfert H. Ausländerfeindlichkeit durch Unterricht. Konzeptionen und Alternativen für Geschichte, Sozialkunde und Religion. – Düsseldorf, 1985.
29. Schmidt U. Interkulturelle Kommunikation und interkulturelles Lernen. In: Jahrbuch «Pädagogik: Dritte Welt». Kulturelle Identität und Universalität. – Frankfurt a. M., 1987.
30. Agranat Yu. V. Pedagogical support of the development of the multicultural orientation of future specialists in the social sphere in foreign language teaching. Public education, 2007.
31. Vasyutenkova I. V. Socialization in a multicultural educational environment in the process of implementing state program GOF. Education: development resources. Vestnik LOIRO. – St. Petersburg, 2012.
32. Guryanova T. Yu. Formation of multicultural competence of students of secondary vocational schools: on the teaching material of a foreign language. Thesis for Doctor of Pedagogy Sciences. – Cheboksary, 2008.
33. Danilova L. Yu. Formation of multicultural competence of the student. Thesis for Pedagogy Sciences Candidate. – Orenburg, 2007.
34. Degtyareva T. S. Foreign language as a factor in the formation of a multicultural, personally developing educational space of the university. Thesis for Pedagogy Sciences Candidate. – Rostov-on-Don, 2010.

35. Lunyushkina I. S. Formation of multicultural competence of future teachers in the process of teaching a foreign language. Thesis for Pedagogy Sciences Candidate. – Tomsk, 2009.

© *Dergunova Ye., Kaldybaeva A.,
Kashkinbayeva Z.,
Rakhimbekova G., Zhalelova G.,
Zhaktayeva A., Sarsembayeva U., 2018.*

УДК 93:902

РЕФОРМЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ – ВЕЛЕНИЕ ОБНОВЛЯЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

У. Е. Хужаниязов

*старший научный сотрудник-соискатель,
ORCID.ORG 0000-0002-3688-8561,
e-mail: Uktam.1981@List.ru,
Нукусский государственный педагогический
институт имени Ажинияза,
г. Нукус, Узбекистан*

REFORMS OF PUBLIC EDUCATION-ORDER OF THE RENEWING SOCIETY

U. Y. Khujanliyazov

*Senior Researcher Applicant
ORCID.ORG 0000-0002-3688-8561,
e-mail: Uktam.1981@List.ru,
Nukus State Pedagogical institute named Ajiniyaz,
Nukus, Uzbekistan*

Abstract. The article deals with the needs of reform in public education during the years of independence and the meaning of these reforms in public life of people. There is detailed description of steps and results of reforms in the Karakalpak context. It was widely analyzed the evaluation of the reforms by international experts and the benefits of the “Uzbek Model” development. The article gives the information about first steps of the reform which dealt with many difficulties in education system. There were shortages of school buildings, lack of books in light of national ideology and independent country, laboratories, information technologies in schools. For the short of time with the financial help of international organizations there were solved these problems in the sphere of education. Moreover, these achievements were highly assessed by international organizations. These progresses of Independent Uzbekistan’s in education system have a great historical importance and also they are invaluable resources for the scholars or historians who study the newest history of the Sovereign Country.

Keywords: culture, social culture, public education, continuous education, reform, reforms in education, primary and secondary education, provision, assessment of international experts, investment to education.

В народе говорят, что величие гор чувствуется издалека. Кстати, в этом есть великий смысл. Потому что, окружающие нас вещи и явления с первого взгляда могут казаться несостоящими, недостойными внимания, могут оставить впечатления в качестве незначительных событий. Но если взглянуть на них с расстояния истории, через периоды, то не трудно заметить, насколько велики эти изменения и исторические обновления, т. е. за 26 лет сделано столько дел, сколько не сделаешь и за несколько столетий.

Узбекистан, после получения независимости, поставил перед собой главную цель – реализовать такие исторические

задачи, как провести во всех отраслях общества коренные изменения, реформы, освободить сознание людей от пережитков старой системы.

А для претворения в жизнь этих исторических задач нужно разработать тактику и стратегию развития общества, при их реализации требовалось иметь в виду национальные и общечеловеческие ценности общества, менталитет, стремления и чаяния народа, исторические этапы развития. Руководство Узбекистана и государство обратили на это особое внимание, в первую очередь, на повышение духовности и культуру народа, обновление идеями Независимости политического сознания и

волю, проживающих в нем народов, осознание своей самобытности, историческую память и обозначили их как приоритетные задачи. А это предопределяет стремительное развитие видов общественной культуры (образование, наука, искусство, литература и др.) и полное удовлетворение народа ими.

Под руководством Первого Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова была выдвинута вперед концепция стремительного развития во всех регионах. Также, эти реформы стремительно и успешно реализуются и в одной из самых крайних регионов – Республике Каракалпакстан.

Как и во всех регионах Узбекистана и в Каракалпакстане в сфере народного образования, следуя демократическим и правовым нормам, основываясь на демографических особенностях края, спросе и предложении народа образование организовано на пяти языках. (в Узбекистане на 7 ми языках). По модели системы народного образования Узбекистана здесь тоже образование делится на такие этапы как дошкольное, общее среднее, средне-специальное профессиональное, высшее, повышение квалификации и переподготовка, внешкольное образование, т. е. обеспечены последовательность и непрерывность всех этапов образования.

Радует то, что в изучаемых нами хронологических кругах, в том числе и в Каракалпакстане, выполняются стоящие внимания работы по коренному обновлению сферы народного образования, обеспечению эффективности реформ, укрепление его материально-технической базы, полностью привлечь региональную молодежь в образовательный процесс, не обойти ни одного ребенка вниманием, использовать все возможности для всестороннего развития молодежи. По состоянию на сентябрь 2011 года при Министерстве

Народного образования Республики Каракалпакстан функционируют 1135 образовательных учреждений, из них 744 общеобразовательных школ, 322 дошкольных, 17 детских центров “Баркамол авлод”, 21 школа музыки и искусства, 1 Республиканский институт переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров [5, с. 2].

В целях реализации демократических процессов в системе образования и гуманизации образования проводятся большие мероприятия в общегосударственном масштабе по организации получения образования на родном языке каждого ученика в регионе. Подобная картина наблюдается и в Каракалпакстане, т. е. в 2011 году в 744 общеобразовательных школах обучались 255068 учеников. Из них получали образование на узбекском языке – 110309 учеников, на русском – 21460, на каракалпакском – 90865, на казахском – 24428, на туркменском – 8006, и все это является результатом справедливого торжества национальной политики в Узбекистане [5, с. 2].

Достижение того, что ни одна личность не обделена вниманием и гуманизация образования, заботливое отношение к физически слабым гражданам общества всегда будет в центре внимания правительства Узбекистана. Кстати, эта политика и в условиях Каракалпакстана постепенно реализуется. Например, в 2005–2006 учебном году в Каракалпакстане 2355 детей от 1 года до 6 лет, 6539 детей от 7 до 18 лет являлись инвалидами, из них обучались: 31 ребенок – в дошкольных учреждениях, 1124 ребенка – в специализированных дошкольных, 4103 – в общеобразовательных школах, 537 – в специализированных школах-интернатах, 1210 – в домашних условиях, а 1210 детей были признаны полностью недееспособными и не привлекались к процессу обра-

зования. [5, с. 2] На подобные гуманистические действия правительство Узбекистана и Президент не жалеют ни средств, ни внимания и заботы. Подобные действия из года в год только совершенствуются. Здесь в городе Ходжейли функционируют 1 “Дом милосердия”, школа-интернат № 4 для глухих и слабослышащих детей, школа-интернат № 10 для детей со слабым зрением и они обеспечены новыми зданиями и необходимым инвентарем, оборудованием. Потому что, уровень культуры каждого общества отражается в заботливом отношении к физически недоразвитым, инвалидам, и наше государство постоянно помня об этом, продолжает выполнять свою гуманистическую миссию.

Нужно отдельно отметить то, что был принят один из первых законов Независимого Узбекистана Закон “Об образовании”, а следом была принята “Национальная Программа по подготовке кадров”. Это имеет определенное символическое значение. Основной фактор, необходимый как воздух и вода для обновление общества, его возрождение на национальных основах, воспитание и рост граждан в духе обновленного общества и в духе независимости – это образование и воспитание. Руководством Узбекистана, глубоко осознавшим это, впоследствии были приняты ряд постановлений, законов, указаний и программ, в которых система народного образования составляет первостепенную значимость. В Республике в данной отрасли выполняются доселе невиданные работы, строительно-ремонтные, созидательные мероприятия, все они дают возможность коренного изменения системы народного образования, обновления. Подобные созидания, обновления в Каракалпакстане продолжились и непрерывно продолжаются до сих пор.

В Каракалпакстане, в результате подобных программ, на протяжении 2004–

2011 годов, в целях восстановления и обновления системы народного образования, в государственную программу включены 678 школ. Из них здания 38 школ построены полностью заново, в 259 школах проведены капитальные реконструкции, в 233 школах сделан капитальный ремонт, в 148 школах проведен текущий ремонт [6]. Поэтапно развивалось укрепление материально-технической базы всех школ, оснащение необходимым учебным оборудованием. Если обеспеченность учебниками школ Каракалпакстана на 1991 год составил 71 %, обеспеченность учебно-лабораторным оборудованием – 34,8 %, компьютерно-информационной технологией – 21 %, мебельным инвентарем – 61 %, то к 2010 году обеспеченность учебниками общеобразовательных школ составил 98,8 %, учебно-лабораторным оборудованием – 79,6 %, компьютерной технологией – 49,7 %, мебельным инвентарем – 89,9 % [4, с. 7–8].

Первый Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов утверждает: “Будущее любой национальности и место, занимаемое в общечеловеческой истории, статус и слава непосредственно связаны с умственным и физическим совершенством своих детей” [8, с. 98]. Кстати, воспитание подрастающего поколения умственно и физически развитым непосредственно связано с системой образования. Каждый его элемент, оружие должны сослужить в воспитании молодого поколения незаменимую и максимальную службу. В этом, особенно, несравнима роль учебников. С первых дней Независимости вопрос качества школьных учебников и отвечают ли требованиям обновленного общества или не отвечают остается актуальным на повестке дня. Особенно, в условиях многонационального Узбекистана обеспечение школ учебниками, отвечающими требованиям идеи национальной независимости и национальной

идеологии, способными вырастить молодое поколение идей и духовностью. Независимости является одной из сложных задач перед общественностью. И в условиях многонационального Каракалпакстана удалось успешно решить эту проблему. Учебники были подготовлены на конкурсной основе и показатели обеспеченности школ учебниками выглядят следующим образом: в школах с узбекским языком обучения – 93,3 %, с русским языком – 93 %, с туркменским – 89 %, с казахским – 93 %, всего по республике – 93,2 %. Этот показатель на данный уровень поднялся к 2010 году, а в предыдущих периодах он был намного ниже.

Одним из основных требований “Национальной Программы по подготовке кадров” является найти среди народа одаренных детей, пробудить просветительские идеи, вечно существовавшие в жилах народа, интеллектуальный потенциал.

В этих целях и в Каракалпакстане обратили особое внимание на организацию школ для одаренных детей, школ с углубленным изучением некоторых предметов. Если в 1991 году количество школ с углубленным изучением некоторых предметов составляло 31 единицу, то к 1996 году оно достигло 169, а количество лицеев и гимназий достигло 19 [4, с. 147]. А в 2005 году количество обучаемых в этих школах детей достигло 351 тысячи (в 1995 году было 1743) [7]. Сейчас, в действующих при министерстве 5ти специализированных школах и школах-интернатах обучаются 1955 учеников, в школах санаторного типа – 531, в специализированных школах по футболу для детей чабанов – 317. Это говорит о том, что количество специализированных школ увеличивается [2, с. 3–4].

Из вышесказанного видно, что выполняемые, в одной из сфер народного образования – в сфере общего среднего обра-

зования, подобные обновления требуют огромное внимание общества и несметное количество финансовых средств, что реализовать их без помощи государства и без привлечения иностранных инвестиций совершенно сложно. И по этой причине нетрудно понять, почему правительство Узбекистана ежегодно из государственного бюджета выделяет на образование – 34 %, на медицину и другую социальную помощь, т. е. 60 % от валового национального богатства направляет на развитие интересов человека и человеческого капитала. Кроме этого, в сферу образования были привлечены такие льготные кредитные средства Банка Развития Азии, Банка “KFW”, государств Японии, Китая, Кореи, Германии, капиталы различных международных фондов, что реализовать их без помощи государства Узбекистан совершенно невозможно. В этом отношении нетрудно понять, ответственность за все реализуемые реформы лежит на государстве, государство Узбекистан является главным реформатором. А, то, что государство – главный реформатор, является гарантией устойчивости и продолжительности реформ.

Всемирное признание реформ, проводимых в сфере образования и других отраслях в качестве «Узбекской модели развития» одобряется рядом международных организаций [1, с. 4–5].

Кстати, существование специальной государственной программы, направленной на развитие образования лишь в двух государствах – США и Узбекистане признано в международном симпозиуме, посвященном перспективам образования грядущего века на тему: «Проблемы образования в XXI веке в регионе Азия – Тихий океан», проходившем в 1998 году в Австралии согласно исследованиям французской международной бизнес-школы “ИНСАД” по показателю развития чело-

веческого капитала среди 141 государства Узбекистан занимает 35-е место, по уровню развития системы образования Узбекистан занимает 2-е место [1, с. 4–5], согласно данным Великобританского международного института “LEGATUM” по показателям индекса благосостояния среди государств мира в 2014 году среди 142 стран мира Узбекистан занял 57-е место (в 2013 году – 63-е место) [3, с. 7–8]. Все это является ярким доказательством признания мировым сообществом развития Узбекистана. Подобные исторические изменения проводятся во всех этапах системы непрерывного образования, и несомненно то, что они послужат гарантом светлого будущего в Узбекистане.

Библиографический список

1. Бекмуратов М. Стабильное развитие и человеческий капитал // Просвещение. – 2013. – № 3. – С. 4–5.
2. Султанов Б. Августовские совещания: Светлые ожидания будущего // Учитель и непрерывное образование. – 2007. – № 4. – С. 3–4.
3. Международное сообщество достойно оценивает уровень благосостояния Узбекистана // Просвещение. – 2014. – № 45.
4. Новая история Узбекистана. История Независимого Узбекистана. –Т.: Издательство «Восток», 2000.
5. Образовательное воспитание в зеркале независимости // Просвещение. – 2010. – № 35.
6. Реймов Р. Народное образование в годы Независимости // Заря Каракалпакстана, 2011 г., 11-августа.
7. Умаров А. Демографическое развитие Республики Каракалпакстан и развитие инфраструктур. – Нукус.: 2009.
8. Курбанов Ш. Чаяния всесторонне развитого поколения. – Т. : Издательство «Восток», 1999.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bekmuradov M. Stabilnoe razvitie i chelovecheskiy kapital // Prosveshenie. – 2013. – № 3. – S. 4–5.
2. Sultanov B. Avgustovskie soveshaniya: Svetlye ozhidaniya budushhego // Uchitel i nepreryvnoe obrazovanie. – 2007. – № 4. – S. 3–4.
3. Mezhdunarodnoe soobshestvo dostojno ocenivaet uroven blagosostoyaniya Uzbekistana // Prosveshenie. – 2014. – № 45.
4. Novaya istoriya Uzbekistana. Istoriya Nezavisimogo Uzbekistana. –T.: Izdatelstvo «Vostok», 2000.
5. Obrazovatelnoe vospitanie v zerkale nezavisimosti // Prosveshenie. – 2010. – № 35.
6. Rejmov R. Narodnoe obrazovanie v gody Nezavisimosti.// Zarya Karakalpakstana, 2011 g., 11-avgusta.
7. Umarov A. Demograficheskoe razvitie Respubliki Karakalpakstan i razvitie infrastruktury. – Nukus.: 2009.
8. Kurbanov Sh. Chayaniya vsestoronne razvitogo pokoleniya. – T. : Izdatelstvo «Vostok», 1999.

© Хужаниязов У. Е., 2018.

Psychologické vědy

UDC 159.9.01

MARGINALITY AND ETHNO-CULTURAL ENVIRONMENT

N. Hakobyan

A. Khachatryan

N. Vardanyan

*Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Head of the Psychological Department,
Ph.D of Psychological Sciences, lecturer,
Ph.D of Philological Sciences, assistant professor,
Head of the Quality Assurance Department,
International Scientific-Educational Center
of the National Academy of Sciences of the RA,
Yerevan, Armenia*

Abstract. This article examines the interconnection of the marginal phenomenon and the ethno-cultural environment. The marginality institute is presented as a national mentality stereotype and an important tool for communication. Different ethno-cultural and social functions of marginal individuals are revealed, which are accompanied by the relevant behavioral norms. Marginality is presented as an important phenomenon that shapes the cultural environment and expresses the socio-psychological needs of society.

Keywords: marginality; socialization; cultural antipode; centrifugal processes; center; periphery.

Marginality is a new concept in the scientific field. The phenomenon of marginality is presented by the function of person's separating from a society and newly introducing. Therefore, it is expressed as a person's ability to carry out some social-psychological functions in the group. When speaking about marginality, it is necessary to refer to the spatial characteristics of the observed phenomenon or object. Marginal phenomenon implies combining with a central or universally recognized phenomenon. In other words, it can be considered marginal only to the extent that it is centrifugal in the ideology, religion, culture of the given society. "Central" – "marginal" binary contrast does not imply a "good" – backup of "bad" contrast. It is more likely to imply the existence of any hierarchy whose centrist and centrifugal forces can be somehow a result of some extent consciousness or the weakening of ideologi-

cal and religious forces. In this regard, the following types of marginality are identified:

- marginalization of inferiority, which is formed mainly in the case of shadow identity,
- triumphal marginalization aimed at separating from the culture, contradicting and even creating an identity socio-cultural center.

These varieties can also complement one another and treat the same phenomenon. In the religious context of this phenomenon, we can see sectarian persons or persons with a divine grace. In contemporary psychological and ethnological literature, parallels can be seen in the studies of archaic forms of changing consciousness. The fact that these forms are "changed", "unusual" already suggests the symbolic parallels of the term "marginality." The socio-psychological study of the marginal person also involves the examination of the status of a person who is "separat-

ed", "out of order" from the usual order and rule [7].

Marginality defines individuals who are in the outskirts of society: they have been left behind or could not be included in the public information field. This status continues until their problems are accepted by the public. After appearing in the public information and socio-psychological field, marginal persons become a part of the society – from national or other minority to the crowd. Consequently, marginality can be understood as a phenomenon defined by the external community. Marginality is a dynamic phenomenon; it depends on the forms of interaction with the community. Therefore, marginality is a sphere that has not turned into a society yet. Almost all this can be explained by the negative interpretations of marginal persons and marginality when margins are more often characterized by negative attributes than positive. In other words, they are predominantly represented by what they are and how they should be, with their current characteristics [1].

Here it is important to identify the person's self-consciousness, his I-image perception and, in general, the revealing of a person's identity as a powerful lever in the characterization of marginal outlook and interaction with the surrounding social environment. In other words, when talking about a marginal person, we are talking about marginal identification, during which the identity of a marginal person is formed. As we can see, a marginal person realizes himself with the help of external means.

Marginal societies are very sensitive to language impact and can form a marginal language. Many marginal groups are known for their artificial or stylized dialects, which is a vivid fact of formulating a worldview through linguistic perception. And if the use of language is so important to marginalized individuals, it can not be independent of the social environment. Even in the case of shaped self-thinking and perception of the

world, a marginal person can be perceived only through his communication with the outside world. The societies that gave the marginal an opportunity to assimilate have also acquired leverage in the global community. They work against marginal groups and self-denominational processes, limiting the isolation of their social environment. Alternatively, the development of separatist tendencies can not only create alternative societies, but also endanger the integrity of the original marginal infrastructures.

Marginal culture is a form of cross-border, transitional culture that falls within the boundaries of historical-cultural epochs, world outlook, language, ethnic or other sub-cultures. Marginal culture is characteristic of contemporary cultures. It is no coincidence that the term "marginality" was brought to the scientific platform in the 20th century, even though the marginal person, the marginal lifestyle was presented to some extent in the previous centuries. Major social events in the 20th century expanded the number of historical national and cultural boundaries, and scientific-technical and informational revolutions contributed to the rapprochement of European, American, Asian and African cultures [2].

Different social, psychological, political and other processes contribute to the emergence of cultural marginality. Of these, the following are particularly significant:

- 1) Urbanization, thanks to which the traditional regional, local and family ties are weakened, transformed or distorted by a traditional social hierarchy,
- 2) Increasing the activity of ethnic minorities, which, of course, enriches the whole picture of the world, but complicates the local relationship,
- 3) The development and change of means of production from the rugged organizations of machinery production in the large groups to the flexible organizations of small groups as well as the activities of

non-formal and non-governmental organizations played a great role in the culture of the 20th century which relied primarily on marginal groups of the population.

Thus, the term of marginality, although rapidly spreading in scientific literature, received a negative estimate. The phenomenon of marginality was often given a tendency to strangulation, cultural disadvantage. The reason can be found in the ideology of national and cultural values: if a person does not accept the cultural attitudes acceptable to the community, he / she is left out of them, he / she is marginal.

In part, this interpretation of the term is explained by the literal translation of the Latin *marginalis*, "on the edge". From this point of view, culturally, the idea of carriers of alternative socio-cultural values has been found in those who have been rejected by this culture. However, "marginal" does not necessarily mean a culturally disoriented individual. Often he is at the crossroads of different cultures and creates some ethno-cultural borders. A striking example of such a margin is the composer A. Schnitke who, despite his Russian roots, wrote in the spirit of German music and emphasized the existence of these two cultures in his works [11].

It is also worth mentioning that, along with ethnically diverse and unique works, there are also those whose ethnic and cultural identity is difficult to identify. Such are the avant-garde interpretations of Schönberg, A. Vebern, P. Bouleza and J. Cage. Such examples can be found in the art of painting and sculpture.

Here you can rightly talk about a special artistic-esthetic phenomenon, which is of artificial and marginal origin. In this sense, the presence of universal values is expressed in cosmopolitanism. In such cases, the belonging of the artist or culturologist to the culture of the world is not mediated by ethnic culture.

In the contemporary world, culturally integrated formations are more prominent in the context of the evolution of civilization, the accelerated growth of communications, the diffusion of international processes, the increasing migration of peoples, and the interpenetration of cultures. In other words, integration processes are developing along with the differentiation processes, which in some way neutralize national differences in culture. This is historical phenomenon that is presented in the form of marginal phenomenon, when a person can not attribute himself to any particular culture. There are many cases when a person is not rooted in the culture of his ancestors (including his native language, customs and traditions), and has been successfully involved in another culture. In this sense, it is expedient to go above all negative prejudices towards cultural margins and to accept it as an existing fact.

Among the manifestations of social marginality can be distinguished in the contemporary art, the term "Outsider Art", which was introduced by French artist Jean Dubuffet (1945) [3]. It included social and psychological margins (mentally disabled people, people with disabilities, prisoners, fortune tellers). Their works are not entirely dependent on the cultural borders, they do not distinguish between real and fancy forms and are not subject to professional / accepted rules in art. German psychiatrist Hans Princhnorn's "Artistic creations of people with mental disorders" (1920) and Schweitzer Psychiatrist Walter Morgenthaler's Monography "A person with mental disorder as a painter" (1921) had a great impact on the concept of Outsider Art.

Therefore, marginality of culture is viewed in two opposite contexts: a complex of socialization and de-socialization processes, which interconnects between the Center and the Periphery [13].

In the context of increasing mobility trends of the population and rapprochement of different ethnicities and cultures, formation of many border areas occurs. New identification formats and extraneous features appear. By making their own culture more rich and diverse, they make culture more amorphous where intra- and inter-group communication becomes more difficult. In contemporary conditions, social contradictions often adopt national or religious tones which make it more urgent to study the cultural marginalization. The problems of marginality as a phenomenon of the 20th century have been expressed in the works of the following thinkers: A. Doughemie, R. Merton, E. Hughes' writings about socialization processes by E. Giden, N. Selzer, N. Luman, A. V. Mudrik, and I. P. Popova. For the first time, R. Park studied the cultural point of view of this problem, thanks to which the term "marginality" came into the scientific field. Later on, the question of marginality was addressed to E. Stowwingst, D. Jerman, R. Ferguson and others. The prominent culture critics of the 20th century, K. Mangeym, H. Ortega-gasset, N. Berdyaev and others, frequently, viewed marginality in a negative or hidden way as O.

Schpengler and P. Sorokin [13]. It can be said that in modern culture the problem of marginality is not given proper attention. Two main directions of marginality study were highlighted.

1) **American direction** / R. Park, E. Scott, whose representatives view the marginality in the context of interethnic, national and racial relations, presenting it with positive tones as the features of a marginal personality such as aggravation, flexibility, success and communication development.

2) **European direction** / K. Jaspers, O. Schpengler /, whose representatives negatively view this problem by presenting it as a result of urbanization, popularization and de-

cline of traditional culture in the socio-historical context [14].

Thus, the first approach to studying marginality is the cultural peculiarities of ethnic and other minorities, migrants, and in the second case, the culture of the lower layers of the society, as well as marginal phenomena (holidays) their attributes (alcoholism, gendarmerie, etc.). The peculiarity of the cultural study of marginality is the research of self-consciousness and personality identity that are covered in a broad socio-cultural and historical context involving social mobility. This point of view can contribute to the above two approaches' (sociological and cultural) combined observation.

Let us examine manifestations of marginality in different spheres of culture according to O. Schpengler's main work. He separates several types of marginality: 1) cultural antipodes, such as barbarians, slaves, unbelievers, immunities; 2) others, such as migrant ethnos (Jews in Western Europe, Greeks and Armenians in Eastern Europe and); 3 / profane (secular, unmanaged antipode) which is often identified by ignorance or atheistic moods; 4) the crowd and urban poverty that are perceived negatively as a side effect of civilization and a source of revolutions and other social crises.

All these marginalities refer to the "cultural suburb", which is differentiated or opposed to the "center". In other words, the listed types differ in their degree of contrast to the Center. These traditional forms have been complemented by appropriate culture phenomena reflecting national and time-specific features.

Interestingly, M. Pilyaev's book, "Wonderful cranks and originals," refers to some groups of marginalized individuals in Russian culture from the 18th-19th centuries [12]. He lists marginal persons who can be presented in the following groups:

1. Military type / exaggerated, strict order and rule /

2. Folk type / exaggerated luxury, hospitable aspiration or, conversely, extreme stinginess/
3. A noble type / exaggerated imitation of the high culture, high society/
4. Type of strangers / foreigners, especially those of very different cultures such as Arabs, Indians, Caucasians, imitation/
5. The denial of religious / secular rules and power by the followers of the official church, as well as by the sects,
6. Members of esoteric / secret organizations, masons, "city crackers", permanent presentations of holidays, festivals, fairs/.

Marginalities listed above must be supplemented by participants of both universal (revolutionary) and private (rural) movements, along with foreign-migrants (type 4) as marginal social forces capable of strengthening their influence on the society. Although marginal groups are less influential, such as the gradual transformation of the Czarist marginal status in the 20th century along with conservative stances, and preservation of cultural identity, which can be viewed as one of the assimilation processes.

In general, the marginalization sphere is enlarged on the moral-ethical basis of culture (from Hedonism to Asceticism) and is a consequence of imitation of authority or center. This form of marginalization is qualified as secondary marginality and is considered to be the most marginalized form of the center, as it is characterized by imitation of the latter and not the opposite. And the primary or absolute form of marginality is the opposite of the society, which is characterized by oppositional tendencies. The differences between these two types of society include all the layers of the society and are centered on socialization, concentration, and centrism / decentralization, decentralization. The importance of this difference is clearly demonstrated by Gourin as a whole of the field of entertainment and holidays, to be honest, without tak-

ing into consideration their focal orientation as a government licensed and controlled events. Meanwhile, there are two socio-cultural trends, both centrist and centrifugal. Hence, as a result of the weakening or elimination of cultural centers, the "cultural outline" increases, leading to cultural marginalization. The course of contemporary history can be characterized by the same tendencies when a global image of globalization and migration weakens and even disappears from the cultural center – borders of outer areas and conditioned by cultural decentralization. This process often leads to the growth of secondary, cobbled marginalization, which is based on external, imitation, unlike the primary, structural marginality existed in each society (ethnic and other minorities, unemployed, etc.), and cultural directions and subcultures. E. Gidens rightly points out the style of science in the field of proper attention to the study of phenomena of socialization [5]. N. Luman considers that incomplete studies of the processes of socialization are the result of identification and confusion with the socialization process [8]. Meanwhile, the key to deeply exploring the field of marginalization is, first and foremost, the clear definition and distinction of these two processes, and, on the other hand, the definition of marginality under those processes. The latter, of course, does not just come from socialism, but is a unique field of society, which, in its existence, reveals the positive meaning of culture as an alternative source of innovation. In addition, socialization is often part of the centrifugal tendencies. Cultural marginality is definitely not the only pathological phenomenon. This phenomenon involves both objective situations and subjective, personality attitudes, moral-esthetic orientations, or direct referential intentions. To describe these processes, Brice suggests using the terms "valuation" and "devaluation" (English "value"), which are interpreted as "culturalization-

socialization" terms. Indeed, socialism is accompanied by complete or partial de-traditionalization of traditional concepts, which is typical for structural marginality or, in the case of centrally oriented positions of entities with recourse. From here, B. Gross emphasizes the cultural marginality as a source of innovation, creativity and new potential opportunities [6]. The study of these processes requires an explanation of the concepts of "center" and "outer space" that will express their socio-psychological point of view. For the first time, the sociological model was used by an English sociologist, E. Schiller, as an alternative to the power and the crowd. The sociological-cultural point of view of the aforementioned concepts has revealed a number of authors. The term "center-suburb" is derived from the power and anomaly terms by K. Mangeym, through socialization/valuation, desocialization/devaluation, by Z. Fried, the unconscious, and Z. Bauman, by space and time actualization [9].

There is a permanent exchange of values between "central" or "traditional" or "super" or "innovative" parts of culture. Under the force of the center, the innovative is marginalized, receives a contradictory, often non-destructive or nihilistic image characterized by the deformation of traditional values. Marginalization of culture is a dynamic process, which, according to A. Oganov, occurs in the following order: center / traditional values / devaluation – valuation of outer space – creation of alternatives, innovations – self-centering through local centers or subculture – a new identity of subjects [11]. It is clear that socialization can also occur outside the center, especially in multicultural communities, but often involves the loss of tradition, heredity. And without that characteristic, the person's identity is not complete.

Structural marginality is characterized by rejection of the values of the center, in other words, a denial approach to socialization,

which leads to the identification of a person. These phenomena have been examined in the E. Sutherland's theory of Differential Association [4].

The following methods can be used for marginalization / devaluation: 1) European Nihilism, Avangard Currents in Art, Underground; 2) Creation of massive commercial culture, expressed in center dynamism and mobility, constant variation of streams, styles, traditions and values; 3) denial, "return" to nature, as well as contradicting religious and spiritual values to modern civilization; 4) stratification of society, behavior personalisation as a new way of self-expression; 5) psychological aspect, "Van Gogh complex" as a form of self-sacrifice for the sake of creative and professional goals.

The traditional factor of devaluation (socialization) socialization is social polarization of the society up to subculture (including migrants and ethnic minorities). However, according to K. Mangeym, the basis for the centrifugal intentions should be sought in the center. The socio-cultural crises that took place in the twentieth century, the volatility of the composition and quality of the elite and borders between the states left a mark on the development of culture [9]. Indeed, in the liberal-democratic societies there is a weakening of the traditional center, and for all the strata of the society, transition is made to open, accessible sources of information. In this case, the commercial culture along with holidays and other public events can contribute to the traditional cultural devaluation, such as devaluing old traditions, and, on the other hand, to create prerequisites for the valuation of new socio-cultural phenomena. Thus, the center and the outskirts interconnect each other to create the opportunity for the public to draw attention to the latter and to unite the society instead of the former center. Therefore, the main preventive factor of this process of devaluation can be the state, its institutions, legislative and other levels.

The function of consolidating the society and preserving traditional values also implements the officially recognized religion in that society with its structural and worldview content. As a result, the sphere of marginalization diminishes, in the general socio-cultural space, or, in the opposite, leaving the border, the shadow sector. On the whole, marginality can be defined in the following places in the relationship between the socio-cultural center and the outskirts: traditional center – elite centers – local, peripheral centers (ethnic minorities, diaspora) neutral, loyal outskirts (marginalization) – non-divergent, decentralized marginality (sub-cultures and spiritual-creative entities) – exclusive (boundary) sector, at the border of cultures and equally interacting with both. The marginalization or subterranean division is considered to be the limit of loyalty or neutrality towards the traditional center, and the exclusive sphere defines marginality from other cultures, as well as the whole community, acting as an outer boundary. The concept of the border in culture itself is characterized by mobility and can be in different spiritual, social or cultural spheres. In general, it can be stated that the separation of the loyalty limit allows talking about extensive / centralized or limited socialization. Thus, the place of marginality is viewed in various cultural and social spheres, subculture, centrally (socialization, valuation) / centrifugal (desocialization, devaluation) processes.

Thus, the marginal sphere is squeezed by the traditional and numerous local centers, and the development of loyalty or neutrality. At the same time, marginality is expanded through devaluation and centrifugal processes, as well as active subculture activities that play a role of smaller centers of alternative socialization, as a result of which the outer, exclusive boundary of marginalization is gradually expanding as a result of asymmetry of boundary elements. Thus, we see that the

theoretical characteristics of marginality are quite substantial and consistent. Marginality performs dual functions. It poses a threat to the integrity of the society, and presents itself as a potential-positive function in culture as a source of new ideas, innovation, and art, as well as new forms and styles. As common people in the daily life become at the same time intermediaries between cultural environments / on the one hand, spiritual needs that are of utmost importance to the society and, on the other hand, the value stances of adjacent or foreign societies. Thus, the marginalization frameworks are outlined in a person's conceptual, logical system, which is expressed through the interconnection of the "environment – personality – environment" units.

From a methodological point of view, an interesting approach to the study of the marginalization theory was used in the theory of exchange. It is widely studied by culturologists, but requires a more psychological understanding. The marginalization mechanism in its own way interprets in the exchange model proposed by Moss, which reveals the phenomenon of religious marginalization, the obligation to take "grace" and the obligation to compensate for it. For the sake of full and harmonious existence, society needs the reputation and support of "supernatural powers". They regulate the behavior of the people and the moral norms, in general, the spiritual life of society. And marginalized persons, who are in the logic of this model, unconditionally acquire a certain weight and attitude to the public. Here we encounter one of the most complicated problems – the phenomenon of social and psychological significance of this phenomenon, according to which the existence of a marginal phenomenon answers the spiritual needs of the society.

The foregoing clearly illustrates the prevalence of the marginalization institute, its universal nature, and the crucial role of the social actor and regulator.

Bibliography

1. Gauch H. G., Jr., Scientific Method in Practice. Cambridge University Press, 2003. – 435 p.
2. Hansson S. O., Science and Pseudo-Science // Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2008.
3. Jean Dubuffet, L'Art brut préféré aux arts culturels, 1949, (Art brut. Madness and Marginalia), special issue of Art & Text, No. 27, 1987. – P. 31–33.
4. Sutherland E. H. White collar crime/ Foreword by D. Cressy – Westport, Conn. : Greenwood press, 1983. – 271 p.
5. Гидденс Э. Социология. – М. : Едиториал. УРСС, 1999. – 704 с.
6. Гройс Б. Утопия и обмен. – М. : Знак, 1993. – 373 с.
7. Кучеренко В. В., Петренко В. Ф., Россохин А. В. Измененные состояния сознания: психологический анализ // Вопросы психологии, 1998. – № 3. – М. – 160 с.
8. Луман Н. Дифференциация / пер с нем. ред. А. Антоновский. – М. : Логос, 2006. – 320 с.
9. Мангейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. – М. : Юрист, 1994. – 700 с.
10. Мангейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. – М. : Юрист, 1994. – 700 с.
11. Оганов, А. А., Столкновение мыслей. – М., 2017. – 411 с.
12. Пыляев М. И. Замечательные чудачки и оригиналы. Очерки. Переиздание. – М. : Интербук, 1990. – 256 с.
13. Роговский А. М. Маргинализация культуры: основные тенденции и направления. – М., 2001.
14. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы, т. 2 / Пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. – М. : Мысль, 1998. – 606 с.

Bibliography

1. Gauch H. G., Jr., Scientific Method in Practice. Cambridge University Press, 2003. – 435 p.
2. Hansson S. O., Science and Pseudo-Science // Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2008.
3. Jean Dubuffet, L'Art brut préféré aux arts culturels, 1949, (Art brut. Madness and Marginalia), special issue of Art & Text, No. 27, 1987. – P. 31–33.
4. Sutherland E. H. White collar crime/ Foreword by D. Cressy – Westport, Conn. : Greenwood press, 1983. – 271 p.
5. Giddens E. Sociologiya. – М. : Editorial. URSS, 1999. – 704 s.
6. Grojs B. Utopiya i obmen. – М. : Znak, 1993. – 373 s.
7. Kucherenko V. V., Petrenko V. F., Rossohin A. V. Izmenennyye sostoyaniya soznaniya: psihologicheskij analiz // Voprosy psihologii, 1998. – № 3. – М. – 160 s.
8. Luman N. Differenciaciya / per s nem. red. A. Antonovskij. – М. : Logos, 2006. – 320 s.
9. Mangejm K. Diagnost nashego vremeni / per. s nem. – М. : Yurist, 1994. – 700 s.
10. Mangejm K. Diagnost nashego vremeni / per. s nem. – М. : Yurist, 1994. – 700 s.
11. Oganov, A. A., Stolknovenie myslej. – М., 2017. – 411 s.
12. Pylyaev M. I. Zamechatelnye chudaki i originaly. Ocherki. Pereizdanie. – М. : Interbuk, 1990. – 256 s.
13. Rogovskij A. M. Marginalizaciya kultury: osnovnyye tendencii i napravleniya. – М., 2001.
14. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. Vsemirno-istoricheskie perspektivy, t. 2 / Per. s nem. i primech. I. I. Mahankova. – М. : Mysl, 1998. – 606 s.

© Hakobyan N., Khachatryan A., Vardanyan N., 2018.

Politické vědy

УДК 32.328

ФАКТОР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ: АЗЕРБАЙДЖАН – РОССИЯ

Л. Ф. Мирзазаде

*доктор философии по экономическим наукам,
доцент,
заведующая отделом «Северный Кавказ»,
e-mail: liliya-mirzazade@rambler.ru,
Институт Кавказоведения,
Национальная Академия Наук Азербайджана,
г. Баку, Азербайджан*

THE FACTOR OF INTERACTION OF CULTURES IN POLITICAL STRATEGY: AZERBAIJAN – RUSSIA

L. F. Mirzazade

*Doctor of Philosophy in Economics,
assistant professor,
Head of the North Caucasus Department,
e-mail: liliya-mirzazade@rambler.ru,
Institute of Caucasus Studies,
National Academy of Sciences of Azerbaijan,
Baku, Azerbaijan*

Abstract. In the article, in the aspect of a holistic modification of the moral and spiritual value of the "culture" phenomenon, the strategy of the Republic of Azerbaijan in cooperation with the Russian Federation is presented. In spite of various political moments (including the breakdown of relations in the 1990s) between the two states, cultural integration between peoples practically did not cease. Moreover, after the national leader Heydar Aliyev returned to power, internal and external intercultural exchange was included in the state, political strategy as a guarantor of peace and stability. However, the prospect of expanding socio-cultural ties stipulates the inclusion of new directions in the contractual, legal framework of Azerbaijan's relations with Russia, which sets the tone for international relations in the South Caucasus and the Caucasus as a whole.

Keywords: modern intercultural relations; the political strategy of Azerbaijan; orientation to humanistic and democratic development; the priority of the Russian platform; intercultural integration; the Russian media field.

Постановка проблемы. Субстанциональность культуры исходит из приобщения человека к духовной сущности в процессе прогрессивного движения от «необразованной точки зрения» до «культурно-образованной». В процессе цивилизационного развития образовалась тенденция целостной модификации культуры.

Степень исследованности проблемы. Составляющие целостного восприятия культуры были выведены английским антропологом и культурологом Э. Б. Тайлором. В опубликованной им в 1871 году книге «Первобытная культура» он представил культуру как «сумму всех видов человеческой деятельности, включающей знания, верования, искусство, мораль, за-

коны, обычаи, язык, способности и навыки, усвоенные человеком» [8, с. 19–20]. В целом имеется многочисленная литература на многих языках мира о сложившихся взаимоотношениях между двумя народами и государствами – Россией и Азербайджаном. Вместе с тем тема еще не исчерпана. В условиях глобализации, когда стираются различия во многих сферах жизнедеятельности, сфера культуры становится еще более важной для исследователей и политиков, как основной области проявления национальной идентичности и человеческого разнообразия.

Цель статьи: в процессе взаимодействия происходит интеграция культур и их духовное обогащение, и, что очень важно, оно становится залогом мира и стабильности. Именно поэтому на основе различных показателей социальной жизни через взаимодействие двух стран в сфере культуры нам захотелось показать как современное состояние развития проблемы, так и перспективы этого развития.

Основное содержание. Будучи мудрым политиком, общенациональный лидер Азербайджана Гейдар Алиев предавал первостепенное значение мультикультурным проблемам и межкультурному диалогу. Он укоренил их в политической стратегии Азербайджана, что нашло отражение в преамбуле его Конституции. В ней говорится, что «народ Азербайджана, продолжая многовековые традиции своей государственности, руководствуясь принципами, отраженными в Конституционном Акте «О Государственной Независимости Азербайджанской Республики», желая обеспечить благополучие всех и каждого, утвердить справедливость, свободу и безопасность, осознавая свою ответственность перед прошлым, нынешним и будущим поколениями, используя свое суверенное право, торжественно заявляет о своих намерениях... сохранять приверженность общечеловеческим ценностям,

жить в условиях дружбы, мира и безопасности с другими народами и в этих целях осуществлять взаимовыгодное сотрудничество» [5].

Так, благодаря Гейдару Алиеву, современные межкультурные отношения получили законодательную базу.

В 1998 году Гейдар Алиев, в соответствии с лучшими образцами международных практик, ориентированных на приоритетность гуманистического и демократического развития, подписал Закон «О культуре».

В том же году были приняты законы: «О защите исторических и культурных памятников». С целью сохранения и восстановления культурно-исторических памятников была разработана и принята Государственная программа на 2014–2020 годы, а также законы «Об информационной свободе», «О кинематографе» и «О библиотечном деле». В 1999 году вышли законы «О туризме» и «О национальном архивном фонде», в 2000 году – «О средствах массовой информации» и «О музеях».

Говоря о внешнем межкультурном взаимодействии, Гейдар Алиев выделял «приоритетность укрепления российской платформы социокультурного и информационного пространства, как важнейшей части общенациональной политики» [7].

Межкультурная интеграция с русским народом, не прерывалась никогда, она имела место даже тогда, когда все другие отношения были порушены (90-е годы XX в.). Она выражалась в международных изданиях книг, международном библиотечном обмене, в сотрудничестве писателей и поэтов, музыкантов и актеров, в проводимых выставках и фестивалях, в спортивных турнирах и т. п.

«Азербайджанская национальная музыка, драматургия, опера и балет, кинематограф, симфонические и вокально-инструментальные ансамбли были известны далеко за пределами страны. Ко-

нечно же, культурные связи в этих формах не были реализованы в одинаковой степени» [2].

Многие видные азербайджанские политические деятели, ученые, музыканты, художники, являются выходцами русской школы.

Президент Азербайджана Ильхам Алиев закончил Московский Государственный институт Международных отношений, Первый вице-президент Азербайджана Мехрибан Алиева обучалась в Московском государственном медицинском институте имени М. Сеченова.

По сей день «русский язык и российское медиа-поле по-прежнему остаются для Азербайджана одним из каналов для поступления знаний и информации глобального масштаба...» [7].

В октябре 2008 года в Баку открылся филиал Московского Государственного Университета имени М. В. Ломоносова. Вуз возглавила профессор Наргиз Пашаева, преподавательский состав – лучшие, российские преподаватели [6], на деле реализующие подписанную 3 июля 2008 года «Декларацию о дружбе и стратегическом партнерстве» Азербайджана и России [3].

Практическая реализация Декларации выражается и в других совместных гуманитарных и образовательных проектах. В 2010 году Россия оказала содействие азербайджанским студентам, проявившим себя в учебе, выделив им 285 государственных стипендий.

В 2010 году также был проведен первый гуманитарный азербайджано-российский форум, ориентированный на сохранение народных культурных ценностей.

В январе 2011 года в Баку был открыт Российский информационно-культурный центр [6]. Среди стран Южно-Кавказского региона и региона Центральной Азии,

Азербайджан является лидером по количеству русскоязычных СМИ.

Второй азербайджано-российский гуманитарный форум был проведен в 2011 году. В нем приняли участие ведущие представители науки и искусства Азербайджана и России, а также представители из других стран Европы, Запада и СНГ [2].

В культурной интеграции Азербайджана и России заложено стремление интеллигенции к сохранению и обогащению общего культурного наследия, к сближению и сотрудничеству. В этом контексте выделим, что в 2016-м году в Азербайджане «в русских школах обучалось более 4 тысяч учащихся», в вузах на русских отделениях – около 17 тысяч студентов» [6].

Межвузовские связи установлены Бакинским Государственным университетом, Бакинским славянским университетом, Азербайджанским университетом языков, некоторыми коммерческими вузами, например, университетом Хазар и т. д.

В Москве в Государственном университете международных отношений (исторический факультет), университете стран Азии и Африки, Российском государственном гуманитарном университете, преподаются азербайджанский язык и история Азербайджана.

В настоящее время два профильных министерства получили указания от политического руководства стран-партнеров продолжить практику расширения обучения азербайджанского языка в России, так же как и русского в Азербайджане.

Расширение гуманитарного сотрудничества между Азербайджаном и Россией происходит с участием гражданского населения, что соответствует национальным интересам обеих стран, деполитизации и деидеологизации двухсторонних отношений. Более того, по мнению экспертов, сегодня «процессы гуманитарного взаимодействия Азербайджана и России

(говоря языком политологии, механизмы softpower) стали уже не просто отдельным дополнением политических усилий государств, но и самостоятельным процессом, объединяющим Азербайджан и Россию на уровне гражданского общества».

Выводы. Таким образом, при определении политического курса государств фактор межкультурных отношений является приоритетным, ибо направлен на взаимодействие и сотрудничество, распространяемое на все сферы жизни.

Как видим, фактору межкультурных отношений в политической стратегии Азербайджана отводится приоритетная роль, ибо он направлен на взаимодействие культур, на их сотрудничество, а не на противостояние и антагонизм. Более того, межкультурные контакты способствуют прогрессивному развитию во всех сферах жизни. Поэтому социо-гуманитарное и культурное сотрудничество, представленное в статье, целесообразно определять как динамичное направление, и ежегодно дополнять его новыми направлениями в свете глобальных вызовов.

Библиографический список

1. Гейдар Алиев: Российско-азербайджанские отношения развиваются успешно // Российская газета. № 5603 (227), 2011, 11 октября.
2. Qasimov M., Abdullayev M. Beynəlxalq münasibətlər tarixi / XX əsr. II hissə. 1946-1999-cu illər/ Bakı Universitetin nəşriyyatı. – B., 1999. – S. 14
3. Декларация о дружбе и стратегическом сотрудничестве между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией. Баку; 3 июля 2008 года.
4. Забелин М. В вузах Азербайджана на русском языке обучаются более 17 тысяч студентов/ Радио / Спутник. аз. Наука. Прямой эфир/ 10 ноября 2017 г.

5. Конституция Азербайджанской Республики. 12 ноября 1995 г. Сборник законодательств Азербайджанской Республики. 31 июля 1997 года, № 1.
6. Нарышкин С.: Россия и Азербайджан расширяют сотрудничество/ <http://www.vesti.ru/doc.html?id=422409/> 22 января 2011.
7. Россия-Азербайджан: факторы движения к единому информационному пространству. https://azertag.az/ru/xeber_/14.10.2015.
8. Тейлор Э. Б. Первобытная культура / Пер. с англ. Гл. II. – М. : Политиздат, 1989. – 572 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Gejdar Aliev: Rossijsko-azerbajdzhanskije otnosheniya razvi-vayutsya uspesjno // Rossijskaya gazeta. № 5603 (227), 2011, 11 oktyabrya.
2. Qasimov M., Abdullayev M. Beynəlxalq münasibətlər tarixi / XX əsr. II hissə. 1946-1999-cu illər/ Bakı Universitetin nəşriyyatı. – B., 1999. – S. 14.
3. Deklaraciya o druzhbe i strategicheskom sotrudnichestve mezhdu Azerbajdzhanskoj Respublikoj i Rossijskoj Federaciej. Baku; 3 iyulya 2008 goda.
4. Zabelin M. V vuzah Azerbajdzhana na russkom yazyke obuchayutsya bolee 17 tysyach studentov/ Radio / Sputnik. az. Nauka. Pryamoj efir/ 10 noyabrya 2017 g.
5. Konstituciya Azerbajdzhanskoj Respubliki. 12 noyabrya 1995 g. Sbornik zakonodatelstv Azerbajdzhanskoj Respubliki. 31 iyulya 1997 goda, № 1.
6. Naryshkin S.: Rossiya i Azerbajdzhan rasshiryayut sotrudnichestvo/ <http://www.vesti.ru/doc.html?id=422409/> 22 yanvarya 2011.
7. Rossiya-Azerbajdzhan: faktory dvizheniya k edinomu informacionnomu prostranstvu. https://azertag.az/ru/xeber_/14.10.2015.
8. Tejlor E. B. Pervobytnaya kultura / Per. s angl. Gl. II. – M. : Politizdat, 1989. – 572 s.

© Мирзазаде Л. Ф., 2018.

UDC 165

SELF-ORGANIZATION AS AN AUTOPOIETIC SYSTEM

G. G. Gaffarova

*PhD, senior scientific researcher,
ORDIC0000-0003-4663-8571,
e-mail: gulchehra_3@mail.ru
National University of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The concept of self-organization emerged as an interdisciplinary approach, based on the fact that everything in the world is related to ideas, interconnected, interdependent. The basis of the synergetic approach is the system approach. The object of studying synergetics is the mechanism of the transition of chaos into order, the process of self-organization, which causes the emergence of a new one. Stability and instability, order and chaos are components that form the basis of the synergetic picture of the world. This article analyses the problems of self-organization in the autopoiesis system. Presently this concept is a new system-theoretical concept of self-reproducing systems. Self-reproducing systems, consisting of components and relationships, are capable of reproducing both components and connections between them, with the help of their own actions, i.e. These actions apply only to the system itself but not to the outside world.

Keywords: autopoiesis; autopoiesis system; dissipative system; approach; disciplinary approach; system approach; cognition; self-organization; synergetic; synergetic approach; complex systems; structure.

The concept of self-organization emerged as an interdisciplinary approach, which is based on the fact that everything in the world is related to ideas, interconnected, interdependent. Today, the problem of the self-organization of living systems is seen as an autopoietic system. It can be said that 'organisms, unlike machines, are self-reproducing, self-organizing entities' [1]. Ideas on the relationship, interdependence can be found in these concepts, but conservatism prevails. Another approach is a dissipative system, it is not conservative (energy is not preserved in it), but is open. Usually it 'contains an external control parame-

ter that can be changed and traced to the transition to chaos' [5, p. 84].

What is self-organization, which system can be called self-organizing? According to G. Haken, the self-organizing system 'if it without any specific external influence acquires some kind of spatial, temporal or functional structure' [8, p. 28]. Here we can say that in self-organizing systems without a specific impact, internal opportunities are used. As a result of the action, which arise more complex and more perfect structures.

Recent time in modern science is explored the theory of autopoiesis as a problem of self-organization. The theory of autopoie-

sis is developed by Chilean scientists F. Varela and H. Maturana, and the theory of autopoiesis becomes one of the pillars of self-organization. It is created on the basis of the material of biology and is distributed in various fields of knowledge, therefore there are many definitions of autopoietic systems. Conditionally defined, autonomous, closed systems, capable of self-development in interaction with the environment, are autopoietic. The given system is 'in the process of constantly constructing itself, its structure, maintaining its autonomy' [11, p. 212].

The term autopoiesis (from Greek *αυτος* – self, *ποιησις* – I create, produce, create) literally means self-construction, self-production or self-reconstruction through myself, and autopoiesis as self-construction. Authors of the concept extend the principle of 'autopoiesis' to behavioral, social structures, and also to the process of cognition as such.

Autopoietic systems, according to H. Maturana and F. Varela, 'is systems existing due to constant self-reproduction. A vivid example of such systems is living organisms' [7, p. 40]. The fact that we living entities are structurally deterministic systems means that nothing external to us can essentially determine what is happening in ourselves. This is explained to us by H. Maturana, 'everything that happens in us and with them occurs as a stream of structural changes that is determined in us moment by moment through internal structural dynamics ... The autopoietic system lives as a closed structurally determined system in the closed dynamics of structural changes' [12, p. 93]. Here we can say that 'living beings live separately, they live as structurally deterministic systems' [4, p. 10].

According to H. Maturana and F. Varela, 'living beings are characterized by the fact that they constantly reproduce themselves, it is precisely this process of self-reproduction that we point out when we call the organiza-

tion distinguishing living beings an autopoietic organization' [7, p. 12]. Autopoiesis is inherent in all living systems, regardless of their classes, components. In the opinion of H. Maturana, 'the living system has a circular organization, it is the unity of interactions, and it is this circularity that the living system must preserve in order to remain a living system by its perfect identity in various interactions, and its identity remains only as long as the fundamental circularity, which determines the living system as a unity of interactions, remains unbroken' [6, p. 24]. Due to the closedness of the causal round process, the living system allows changes to maintain circularity, but the circularity itself remains. Circularity is one of the main characteristics in the theory of autopoiesis.

In the theory of autopoiesis, it is argued that cognition is a natural process for systems that meet the following requirements: a system is a network in which all elements affect one another; the boundary of this network is also its element. The system is operationally closed and autonomous. The presence of these properties suggests that the system is autopoietic. According to autopoiesis, the process of cognition is a cognitive process.

H. Maturana and F. Varela distinguish between organizations and the structure, the structure is not considered as a kind of organization. 'Organization means the relationship that must exist so that it can be attributed to a particular class' [7, p. 12]. Organization is a specific configuration of the relationship between the elements of unity and the environment. The same organization can be inherent in different representatives of the same class of objects. It does not depend on the properties of the components of its components, they can be different. The main relationship between the components must be in the form of a closed causal circular process, i.e. they represent negative feed-

back, which serves to preserve the constancy of the system.

The concept of H. Maturana and F. Varela is a new system-theoretical concept of self-reproducing systems. Self-reproducing systems, consisting of components and relationships, are capable of reproducing both components and connections between them, with the help of their own actions, i.e. these actions apply only to the system itself, but not to the outside world. The system constantly produces, reproduces, creates itself.

In the autopoietic system, reproduction and creation of new ones are carried out by the components of the system itself. Therefore, organizational closeness means that the living system is self-organizing, since its order and behavior are conditioned by the system itself. But at the same time the system interacts with the environment, there is a continuous exchange of energy and matter. Interaction with the environment does not determine the organization, it remains self-organizing. But constant interaction with the environment creates the conditions for the formation of new structures. 'The creation of novelty leading to development and evolution is a deep internal aspect of autopoiesis. H. Maturana and F. Varela see in the difference between the relationships of static relationships and the relationship of processes the key difference between physical and biological components' [1].

In the autopoietic system, a structural change is constantly taking place, but at the same time the organization is preserved, i.e. components continuously or periodically disintegrate and arise, are destroyed and created. Another type of change leads to the formation of new structures - new links in the autopoiesis system. 'The change of the second type is evolutionary, not cyclic; they are also committed continuously, either as consequences of the influence of the environ-

ment, or as a result of the internal dynamics of the system' [1, p. 213]. A complex system of interactions, systems based on cyclic changes, retains its identity. And changes are associated with a change in the structure for adaptation and the conditions of the external environment, while maintaining its organization. In this process, there is an indissoluble connection between the unity of variability and organization, differences and similarities. According to this concept, structural changes play an important role, both in preserving the identity, and in the adaptation process of the organization. Structural changes, when exposed externally, are transformed. The structure in this concept means 'those components and relationships that really constitute a concrete unity' [7, p. 13].

In the concept of H. Maturana and F. Varela, the structure determines the functioning of the system 'changes that occur from the interaction of a living being and its environment, although caused by a disturbing agent, are nevertheless determined by the structure of the most perturbed system' [7, p. 27]. Changes occurring in living systems are determined by their structure and organization. 'The concept of structural determinism, introduced by H. Maturana for understanding biological systems, was subsequently applied in therapy, psychotherapy and even in the study of social systems' [2, p. 28].

Summarizing the idea of autopoiesis, one can come to the conclusion that changes occurring in an autopoietic system are an expression of the properties of the system itself, which reacts to the external by acting immanently in its inherent way. According to the concept of H. Maturana and F. Varela, two independent structures come into interaction: a living being and an environment. 'In its expanded form, it provides a convincing picture of the relationship between systemic unity and the environment, which

characterizes not only the process of cognition in living systems, but also other processes, including functioning over the organism systems' [10, p. 170].

Autopoiesis is not only the maintenance, preservation, the ability to regenerate structures, but also a way of its development, self-renewal. Speaking about knowledge in the aspect of autopoiesis, it can be said that it is aimed at finding what is missing. He defined the essence of cognition, 'cognition is an action aimed at finding what is missing, and replenishing the missing from the point of view of the cognitive agent' [7, p. 6].

In the framework of the concept of autopoiesis of systems, according to N. Luhmann, the society considered in the flow of time is 'unable to anticipate or plan its future, but in its morphogenesis, in its radical structural changes, it is correlated with evolution' [3, p. 113]. The uncertainty of the future of autopoiesis is also an important part of post-social research, which in some of its parts is not focused on finding the probabilities of the future, but on analyzing the social risks that arise when the objective cultures benefit, and the object relations thus presented compete with human relations.

All autopoietic systems are self-regulating. According to Heinz von Foerster they are continuously occupied with the calculation of regularities [13]. H. Maturana distinguishes between the simple organization of the auto-poetic process and its structure, which gives it a special type, along with which other types can also exist [12].

H. Maturana defines life as an autopoietic organization in molecular space (and, therefore, through the combination of two more complex concepts themselves, and they are not specifically defined biologically) [12]. This has significant consequences. On the one hand, the question of the existence of other auto-ethical systems (in other spaces) remains open. On the other hand, what acts as a criterial sign of life grasps so narrowly

and so unambiguously that many 'obvious' circumstances connected with this sign can be treated only as distinctions made by an observer if he observes living systems.

So, the epistemological approach determines the cognition of complex phenomena, since the identification of new sides requires new approaches, new methodological guidelines that should adequately reflect the phenomena studied. In addition, the process of formation of new structures in open systems is subject to general laws. From the point of view of synergetics, creative opportunities appear in a new form. 'As a result of this or that fluctuation (illumination or flash), a new order parameter (a new idea) arises, thanks to which we are able to find the relationship between the individual parts and order them by subordinating ourselves. However, all this is due to self-organization – the self-organization of our thoughts in this case' [9, p. 232]. As conclusion we consider that autopoiesis means a system that reproduces all its elementary parts with the help of an active network of the same elements and, therefore, is delimited from the external environment [12]. This can occur in the form of life, in the form of consciousness or, in the case of a social system, in the form of communication. It is autopoiesis that we consider the way of reproducing the system through itself.

Bibliography

1. Капри Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем (раздел порядок и беспорядок). – М. : ИД «София», 2003.
2. Князева Е.Р. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник ТГПУ, 2011. – С. 193–201.
3. Луман Н. Общество как социальная система // Луман Н. Общество общества / Пер. с нем. А. Антоновского. – М., 2011. – С. 133.
4. Луман Н. Медиа коммуникации. – М., 2005. – С. 11.
5. Майнцер К. Сложносистемное мышление. Материя. Разум. Человечество. Новый синтез. – М., 2008.

6. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. – М., 1996. – С. 24–32.
7. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания / перевод с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Прогресс-традиция, 2001. – 224 с.
8. Хакен Г. Информация и самоорганизация: макроскопический переход к сложным системам. – М. : Мир, 1991.
9. Хакен Г. Синергетика: учение о взаимодействии. – Москва-Ижевск, 2003.
10. Шмерлина И. А. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания / перевод с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Прогресс-традиция, 2001. // Социологический журнал, 2003. – № 2. – С. 168–179.
11. Янченко А. А. Методологический потенциал эпистемологического конструктивизма для разработки теории искусственного интеллекта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, №1(39), 2014. часть 2.
12. Maturana H. R. Self-consciousness: How? When? Where? // Constructivist Foundations. 2006. Vol. 1. № 3. – P. 93.
13. Foerster H. von. On constructiona Realoty // Preiser Research Environmental Design Research. Vol. 2. – Stroudberg, 1973. – P. 35–46.
4. Luman N. Media komunikacii. – M., 2005. – S. 11.
5. Majncer K. Slozhnosistemnoe myshlenie. Materiya. Razum. Chelovechestvo. Novyj sintez. – M., 2008.
6. Maturana U. Biologiya poznaniya // Yazyk i intellekt. – M., 1996. – S. 24–32.
7. Maturana U., Varela F. Drevo poznaniya. Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimanie / perevod s ang. Yu. A. Danilova. – M. : Progress-tradiciya, 2001. – 224 s.
8. Haken G. Informaciya i samoorganizaciya: makroskopicheskij perehod k slozhnym sistemam. – M. : Mir, 1991.
9. Haken G. Sinergetika: uchenie o vzaimodejstvii. – Moskva-Izhevsk, 2003.
10. Shmerlina I. A. Maturana U., Varela F. Drevo poznaniya. Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimanie / perevod s ang. Yu. A. Danilova. – M. : Progress-tradiciya, 2001. // Sociologicheskij zhurnal, 2003. – № 2. – S. 168–179.
11. Yanchenko A. A. Metodologicheskij potencial epistemologicheskogo konstruktivizma dlya razrabotki teorii iskusstvennogo intellekta // Istoriicheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov : Gramota, №1(39), 2014. chast 2.
12. Maturana H. R. Self-consciousness: How? When? Where? // Constructivist Foundations. 2006. Vol. 1. № 3. – P. 93.
13. Foerster H. von. On constructiona Realoty // Preiser Research Environmental Design Research. Vol. 2. – Stroudberg, 1973. – P. 35–46.

Bibliography

1. Kapri F. Pautina zhizni. Novoe nauchnoe ponimanie zhivyh sistem (razdel poryadok i besporjadok). – M. : ID «Sofiya», 2003.
2. Knyazeva E.R. Transdisciplinarnye strategii issledovanij // Vestnik TGPU, 2011. – S. 193–201.
3. Luman N. Obshestvo kak socialnaya sistema // Luman N. Obshestvo obshestva / Per. s nem. A. Antonovskogo. – M., 2011. – S. 133.

© Gaffarova G. G., 2018.

УДК 621.3.035.222.7

МЕТОД ИЗМЕРЕНИЯ МАГНИТНЫХ СВОЙСТВ СИЛЬНО ПОГЛОЩАЮЩИХ ВЕЩЕСТВ НА СВЕРХВЫСОКИХ ЧАСТОТАХ

С. Р. Касимова

кандидат физико-математических наук, доцент,
e-mail: sevda.gasimova@yahoo.com,
Азербайджанский технический университет,
г. Баку, Азербайджан

METHOD OF MEASUREMENT OF MAGNETIC PROPERTIES OF STRONGLY ABSORBING SUBSTANCES AT ULTRAHIGH FREQUENCIES

S. R. Kasimova

Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Associate Professor,
e-mail: sevda.gasimova@yahoo.com,
Azerbaijan Technical University,
Baku, Azerbaijan

Abstract. A method is proposed for measuring the magnetic properties of highly absorbing substances at ultrahigh frequencies from the reflection of electromagnetic radiation incident on it. It is based on the application in the measurement circuit of a quarter-wave non-absorbing dielectric plate located at an adjustable distance from the surface of the measured substance.

Keywords: absorbing substance; magnetic permeability; magnetic losses.

Известны методы определения магнитной проницаемости μ' и магнитных потерь μ'' поглощающих жидких веществ на сверхвысоких частотах, которые основаны на анализе экспериментальной зависимости отраженного электромагнитного излучения от толщины слоя вещества; но они могут оказаться невостребованными при величинах тангенса угла потерь измеряемого вещества больше 0.6 [1]. В этих случаях допускается определение μ' и μ'' вещества с использованием в качестве трансформатора сопротивлений четвертьволновой не поглощающей диэлектрической пластины, расположенной на регулируемом расстоянии от измеряемого вещества [2]. Однако, такая методика измерения приемлема при измерениях магнитных свойств вещества только в свободном пространстве или коаксиальных направляющих система.

Рассмотрим отражение плоской поляризованной электромагнитной волны от слоя жидкого или твердого сильно поглощающего магнетика при наличии на его входе регулируемой по своему положению четвертьволновой не поглощающей диэлектрической пластины. Плоская четвертьволновая пластина с диэлектрической проницаемостью ϵ расположена на расстоянии l от поверхности магнетика. Толщина слоя измеряемого вещества обеспечивает полное поглощения в нем падающего излучения, а его комплексная величина магнитной проницаемости равна $\hat{\mu} = \mu' - i\mu''$, где μ' – магнитная проницаемость, μ'' – магнитные потери, i – мнимая единица. Комплексная величина коэффициента отражения волны $\hat{\rho}$ от такой слоистой системы определяется следующим уравнением:

$$\hat{\rho} = \frac{Z_{BX} - Z_0}{Z_{BX} + Z_0}, \quad (1)$$

где: $\frac{Z_{BX}}{Z_0} = E + iF = \frac{Z_1^2}{Z_0^2} \cdot \frac{Z_0 + Zth(\gamma_0 l)}{Z + Z_0th(\gamma_0 l)}$ – комплексная величина входного сопротивления слоистой системы; Z_0, Z_1, Z – соответственно волновые сопротивления свободного пространства, материала пластины и измеряемого вещества; $\gamma_0 = i2\pi/\lambda_d$, λ_d – постоянная распространения и длина волны в пустом волноводе.

Волновые сопротивления $Z_1 = Z_0/n_1$ и $Z = Z_0/(n - i\chi)$, где n, χ – коэффициенты преломления и гашения волны исследуемого вещества; n_1 – коэффициент преломления материала пластины. Оптические параметры измеряемого магнетика и вещества пластины связаны с их магнитными свойствами μ', μ'' и диэлектрической проницаемости ϵ_1 известными соотношениями:

$$\mu' = n^2 - \chi^2; \quad \mu'' = 2n\chi; \quad \epsilon_1 = n_1^2. \quad (2)$$

Из уравнения (1) следуют выражения для входного сопротивления и модуля ко-

эффициента отражения волны слоистой системы:

$$Z_{ex} = \frac{(1 + an_M y_M - n_M n_1^2) + i[an_M - n_1^2(a - n_M y_M)]}{(1 + an_M y_M + n_M n_1^2) + i[an_M + n_1^2(a - n_M y_M)]}; \quad \rho = \sqrt{\frac{P-Q}{P+Q}}; \quad (3)$$

где: $P = 1 + 2an_M y_M(1 - n_1^4) + a^2[n_M^2(1 + y_M^2) + n_1^4] + n_1^4 n_M^2(1 + y_M^2)$; $Q = 2n_1^2 n_M(1 + a^2)$; $a = tg 2\pi x$; $x = l/\lambda$.

$$\frac{l_\lambda}{\lambda} = \frac{1}{4\pi} \cdot \arctg \frac{2\chi}{1 - n^2 - \chi^2}, \quad Z_{BX} = E_0 = \frac{n}{n_1^2} \cdot \frac{1}{1 - n \chi \tg 2\pi x} \quad (4)$$

Из совместного решения уравнений (3) и (4) имеем, что:

$$y = \frac{1}{n} \sqrt{\left(n - \frac{1}{n_1^2 E_0}\right)(n_1^2 E_0 - n)}. \quad (5)$$

Так как $\rho = (\eta - 1)/(\eta + 1)$, где η – коэффициент стоячей волны, то из сравнения этого выражения для ρ с уравнением (4) следует, что в экстремальных точках

зависимости $\rho(l)$ величина E_0 определяется одним из соотношений:

$$\eta_\pm = \left\{ \frac{E_0}{1/E_0} \right\}. \quad (6)$$

Из уравнений (1) и (4) следует, что экстремальные значения $\rho_{\pm}$ реализуются при положениях регулируемой пластины $l_{\pm} < m\lambda/4$, где m – порядковый номер экстремума $\rho_{\pm}$. При этом нечетным номе-

рам m экстремумов функций $\rho(l)$ соответствуют минимальные значения $\rho_{\pm}$. Для удобства дальнейшего рассмотрения введем параметр:

$$\Delta = \frac{m}{4} - \frac{l_{\pm}}{\lambda}. \quad (7)$$

Величина Δ положительна и одинакова для положения любого экстремума. Из совместного рассмотрения уравнений (5) и (6) с учетом принятого обозначения (7)

следует, что значения $\eta_{\max}$ и $\eta_{\min}$ соответственно в точках максимумов и минимумов функции $\rho(l)$ равны:

$$\eta_{\max} = \frac{1}{E_0}; \quad \eta_{\min} = \begin{cases} E_0 \\ 1/E_0 \end{cases}. \quad (8)$$

Во избежание двужначности в определении n , y и, следовательно, μ' , μ'' исследуемого вещества ограничимся использованием экспериментально измеряемых

значений $\eta_{\max}$ и Δ . Решим совместно уравнения (6) и (7) с учетом принятых обозначений:

$$n_M^2(1+y_M^2)-1=2n_M y_M B; \quad n_M^2(1+y_M^2)+1=n_M A \quad (9)$$

где: $A = \beta + 1/\beta$, $B = \operatorname{ctg} 2\pi\Delta$, $\beta = 1/n_1^2 E$.

$$y = \frac{1}{2}(\beta + 1/\beta) \sin 4\pi\Delta \quad (10)$$

При определении n , y , μ' , μ'' исследуемого магнетика, наряду с измеряемыми параметрами $\eta_{\max}$ и Δ зависимостей ρ от l может быть при необходимости использована величина η_0 , соответствующая зна-

чению коэффициента стоячей волны в случае, когда $l = 0$. Величина η_0 связана с искомыми значениями n , y следующими уравнениями, вытекающими из выражений (1) при условии $l = 0$:

$$n = \frac{2}{(\beta + 1/\beta) - \cos 4\pi\Delta(\beta - 1/\beta)}; \quad n_1^4 n^2(1+y^2)+1=n_1^2 n C \quad (11)$$

где: $C = \eta_0 + 1/\eta_0$

Если в качестве измеряемых параметров используются значения η_0 и Δ , то из

совместного решения уравнений (9) - (11) следует, что:

$$y = \frac{BC}{2(T_1^2 + B^2)} \left[T_1 \sqrt{\frac{B^2 + 1}{B^2} - 4 \frac{T_1^2 + B^2}{C^2 B^2}} - T_2 \right] ; \quad n = \frac{n_1^4 + 1}{n_1^2 (C - 2n_1^2 y B)} . \quad (12)$$

где: $T_1 = \frac{1 + \bar{n}_1^4}{2\bar{n}_1^2}$, $T_2 = \frac{1 - \bar{n}_1^4}{2\bar{n}_1^2}$.

Если в качестве измеряемых параметров используются значения η_0 и $\eta_{\max}$, то из

совместного решения уравнений (9) и (11) следует, что:

$$n = \frac{n_1^4 - 1}{n_1^2 (n_1^2 A - C)} ; \quad y = \frac{1}{n} \sqrt{nA - 1 - n^2} ; \quad (13)$$

Определяемые величины n и y в дальнейшем используются для вычисления значений μ' и μ'' .

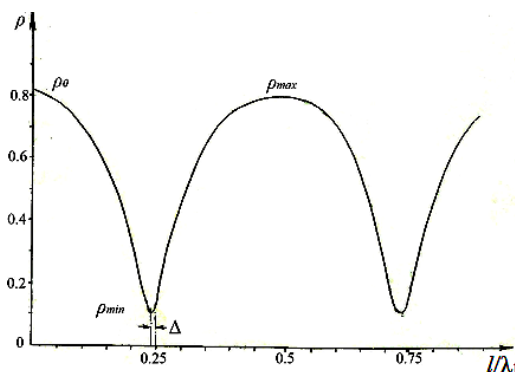

Рисунок. Зависимость коэффициента отражения волны ρ от толщины слоя вещества l .

Библиографический список

1. Poley J. Ph. The Computation of the Complex Dielectric Constant from Microwave Impedance Measurements // Appl.Sci.Res. 1955. V.B4. № 5. p. 337.
2. Касимов Р. М. Вариационный метод измерения диэлектрических постоянных полярных жидкостей на СВЧ // Измерительная техника, 1970, № 10. – С. 48.
3. Касимов Р. М. Методика измерения диэлектрических коэффициентов полярных жидкостей по отражению электромагнитных волн от регулируемого слоя жидкости // Метрология. 1987. – № 7. – С. 45–51.
4. Каджар Ч. О., Касимова С. Р. Измерение диэлектрических коэффициентов полярных жидкостей по отражению микроволн при наличии трансформатора сопротивлений // Известия

- АН Азербайджана. – 2001. – Т. 20. – № 5. – С. 29–32.
5. Харвей А. Ф. Техника сверхвысоких частот. – М. : Сов. Радио, 1965. т. 1. – 784 с.
- Bibliografickij spisok**
1. Poley J. Ph. The Computation of the Complex Dielectric Constant from Microwave Impedance Measurements // Appl.Sci.Res. 1955. V.B4. № 5. p. 337.
 2. Kasimov R. M. Variacionnyj metod izmereniya dielektricheskikh postoyannyh polyarnyh zhidkostej na SVCh // Izmeritelnaya tehnika, 1970, № 10. – S. 48.
 3. Kasimov R. M. Metodika izmereniya dielektricheskikh koef-fici-entov polyarnyh zhidkostej po otrazheniyu elektromagnitnyh voln ot reguliruemogo sloya zhidkosti // Metrologiya. 1987. – № 7. – S. 45–51.
 4. Kadzhar Ch. O., Kasimova S. R. Izmerenie dielektricheskikh koef-ficientov polyarnyh zhidkostej po otrazheniyu mikrovoln pri nalichii transformatora soprotivlenij // Izvestiya AN Azerbajdzhana. – 2001. – Т. 20. – № 5. – S. 29–32.
 5. Harvej A. F. Tehnika sverhvysokih chastot. – М. : Sov. Radio, 1965. т. 1. – 784 с.
- © Касимова С. Р., 2018.

Historické vědy

УДК 94(47).06

ПОДГОТОВКА ИНЖЕНЕРНЫХ КАДРОВ И РАЗВИТИЕ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

В. Н. Бенда

*кандидат исторических наук, доцент
ORCID 0000-0001-9553-7262,
e-mail: bvn.1962@mail.ru,
Ленинградский государственный университет
им. А. С. Пушкина,
г. Санкт-Петербург-Пушкин, Россия*

TRAINING FOR ENGINEERS AND DEVELOPMENT OF ENGINEERING EDUCATION IN RUSSIA IN THE SECOND QUARTER OF THE XVIII CENTURY

V. N. Benda

*Candidate of Historical Sciences, assistant professor
ORCID 0000-0001-9553-7262,
e-mail: bvn.1962@mail.ru,
Leningrad state University them. A. S. Pushkin,
Saint-Petersburg-Pushkin, Russia*

Abstract. The article deals with the beginning of the training of engineers since the establishment in St. Petersburg military special engineering school and the organization of the educational process. It is noted that during the second quarter of the XVIII century and later, the Russian state was in urgent need of trained engineering personnel of various profiles and purposes, as well as the measures that it has taken to resolve this problem.

Keywords: XVIII century; engineering personnel; engineering education; engineering school; educational process.

Напомним, что основанием для учреждения Санкт-Петербургской военно-специальной инженерной школы послужил Указ Петра I от 2 июля 1723 г., в соответствии с которым в Санкт-Петербурге образовывалась специальное воинское подразделение – инженерная рота, которая комплектовалась из учеников, существовавших на тот момент Санкт-Петербургской и Московской инженерных школ. Этим же Указом предписывалось объединить две школы в одну с расположением ее в Санкт-Петербурге. За организацию учебного процесса во вновь учрежденной школе был назначен инже-

нер генерал-майор Де Кулон...» [10, л. 2]. Также было определено, что все школьники, обучавшиеся на тот момент в Московской инженерной школе, переводились в Санкт-Петербург, а также их учитель-инженер с имеющимися у них инструментами и другим имуществом [16, л. 149–153 об.].

Вплоть до 1727 г. в организации деятельности и в штатной структуре школы существенных перемен не произошло. По-прежнему она находилась в ведении Канцелярии главной артиллерии и под непосредственным наблюдением генерал-майора Де Кулона. В 1727 г. Де Кулон

больше не имел возможности тесно заниматься делами инженерной школы, т. к. определением Канцелярии главной артиллерии и фортификации (КГАиФ) он был назначен в генерал-директоры над крепостями, всеми инженерами, минерами и школой [11, л. 3].

Мы можем лишь утверждать, что их количество было незначительным и не соответствовало потребностям Российского государства в грамотных инженерах (здесь и далее полужирный курсив наш – В. Б.). Хотя в некоторых источниках и утверждается, что к 1728 г. «...прежний комплект (150) учеников ... был всегда полон... и еще состояло немалое число сверх комплекта...» [9, с. 14]. Однако у нас есть веские основания сомневаться в правдивости этого утверждения Н. Л. Ломана. Это видно из ответа на доклад генерал-лейтенанта Де Кулона генералу фон Миниху от 23 декабря 1727 г. [1, л. 2. об.-3], курировавшего деятельность инженерной школы и ходатайствовавшего о зачислении в инженерную школу недоросля Якова Опочинина, Миних 4 января 1728 г. пишет: «А по мнению вашего превосходительства выше нареченного недоросля Опочинина во инженерную школу в ученики определить надлежит *и буде ныне при инженерной*

школе учеников имеется самое малое число, а ... денежного жалования по ево наукам через свидетельство вашего превосходительства оклад определить на месяц надлежит по два рубля против прочих инженерных учеников. Предлагаю помянутого недоросля Опочинина в инженерную школу в ученики написать» [Там же].

3 июня 1728 г. были утверждены новые инженерные штаты («Анштальт» – В.Б.), составленные Военной коллегией и утвержденные Верховным тайным советом [5, л. 3 об.-4]. «Анштальт», до конца 50-х гг. XVIII столетия определял организационное устройство инженерных войск и соответственно состоял из следующих разделов, определявших количество личного состава с его жалованием и рационами, а также другие вопросы материально-технического обеспечения минерной роты: 1) генералитет с их канцеляриями; 2) Инженерный полк состоящий из восьми «компаний» (рот) из офицеров и кондукторов; 3) инженерных служителей при крепостях (писари и мастеровые и т. д.); 4) инженерную школу; 5) инженерную контору (или контора Инженерного правления – В. Б.); 6) минерную роту.

Новый штат Санкт-Петербургской инженерной школы в соответствии с «Анштальтом» был следующим (см. таблицу 1).

Таблица 1

Штат Санкт-Петербургской инженерной школы, утвержденный 3 июня 1728 г. [Там же].

	<i>При инженерной школе</i>	Количество	Оклад денежного содержания в год, руб. [2, л. 13]
1	Учитель инженер капитан	1	300
2	Рисовальных мастеров	2	180
3	Кондукторов	2	60
	<i>Учеников по наукам</i>		
1	В чертежах фортификации	20	36
2	В геометрии и тригонометрии	20	24
3	В арифметике	20	18
4	Сторож	1	12

Обратим внимание лишь на тот факт, что в 1730 г. по инициативе Б. Х. Миниха *при Санкт-Петербургской крепости* была открыта школа «...для обучения малолетних детей мастеровых инженерных людей» в которой велась подготовка писарей и мастеровых для инженерного корпуса, а *при Санкт-Петербургском арсенале* была учреждена артиллерийская школа на 60 человек, для обучения в ней детей артиллерийских служащих, в которой велась подготовка писарей и мастеровых уже в артиллерийский корпус [18, с. 15].

Нет необходимости подробно останавливаться на рассмотрении деятельности *Санкт-Петербургской инженерной школы* в связи с тем, что мы уделили достаточно внимания этому вопросу в других наших исследованиях [6; 7].

Единственно, что напомним, это то, что в 1730 г. Правительствующий Сенат (ПС) разрешил увеличить штат учеников в школе на 15 человек. И всего их стало 75 человек [5, л. 4 об.-5 об.]. А 21 апреля 1731 г. учителем инженерной школы (начальником – В. Б.) вместо капитана Гольцмана, был назначен сначала поручик, а в последующем капитан фон Виттиг. С назначением в школу учителем капитана фон Виттига, тот обязывался за положенное по штату жалование, «...преподавать школьникам арифметику, геометрию, чистописание, ручное рисование и прочие науки (фортификационные чертежи и география – В. Б.), в т. ч. и механику» [9, с. 22]. В 1736 г. учителем в школу был назначен заведовавший чертежным отделением капитан Браск. В помощники ему был назначен инженер-прапорщик Менделеев, служивший до этого кондуктором в этой школе. Капитан Браск переложил на Менделеева все свои обязанности и руководил школой путем письменных указаний через прапорщика Менделеева. В конце 30-х годов на место

Браска в школу назначен был новый учитель – Де Марин.

Следует заметить, что обучение школьников было предоставлено кондукторам, а *назначенный руководством в школу учитель – формально превращался в начальника школы*.

При назначении 28 марта 1735 г. [3, л. 14] принца Гессен-Гомбургского генерал-фельдцейхмейстером управление инженерной частью было отделено от артиллерии, и оно по-прежнему подчинялось Б. Х. Миниху, сохранившему должность и звание «обер-директора над фортификациями» [15, л. 5]. С этого же года школа стала находиться в ведении фортификационной конторы, которая была образована после разделения в 1735 г. КГАиФ в связи с назначением нового генерал-фельдцейхмейстера принца Гессен-Гомбургского [12, л. 24 об.-25, 30–35].

Что касается организации учебного процесса в Санкт-Петербургской инженерной школе, то, по всей видимости, он был далек от соответствия установленным правилам и порядку. Красноречивым подтверждением этому являются события, описанные Н. Л. Ломаном в своей работе. Суть их заключается в том, что в 1737 г., член фортификационной конторы потребовал к себе в контору кого-либо из кондукторов или капралов, числящихся в инженерной школе, для получения каких-то указаний. Но, оказалось, что в школе никого не было, а все ученики были отпущены из школы, несмотря на то, что это происходило примерно в 10 часов утра. По установленному порядку, занятия в школе должны были проводиться с шести часов утра до двенадцати дня. Из этого случая контора сделала вывод о том, что «...ученики в Школу приходят и уходят по своей воле и смотра над ними нет» [9, с. 32].

Целиком и полностью можно согласиться с выводом конторы о том, что к выполнению своих обязанностей в качестве учителей кондуктора относились халатно и не добросовестно.

После отставки графа Миниха в 1741 г., обер-директором над фортификациями был назначен принц Гессен-Гомбургский [3, л. 14]. Период его управления инженерным ведомством не ознаменовался никакими значительными переменами в состоянии школы. Отношение принца Гессен-Гомбургского к инженерной школе по сравнению к Сухопутному шляхетному кадетскому корпусу было весьма пред рассудительным. Известно его распоряжение, что офицеры, выпущенные из кадетского корпуса, не только в инженеры, но даже в армию, признаются способными к исполнению фортификационных работ. «Они будучи в Корпусе, фортификации достаточно обучены» [17, л. 536–540].

Несомненно, то, что штат 1728 г., которым продолжали руководствоваться в течение почти 30 лет после его утверждения, помимо номинальной структуры, имел один весьма серьезный недостаток – *предусмотренное в нем количество людей было гораздо меньшим, чем требовалось*, о чем нами упоминалось выше.

Указом Военной коллегии от 23 января 1742 г. в Санкт-Петербургскую инженерную школу было велено определить еще до 150 дворянских детей, так как из-за малого количества выпускников оставались свободны многие кондукторские вакансии. Стольких людей одна школа не вмещала, поэтому в 1743 г. в Москве открылась еще одна инженерная школа, рассчитанная на 60 человек. Отныне Санкт-Петербургская школа могла содержать 165 учеников (75 прежних и 90 новых), Московская, как сказано выше – 60.

Нет необходимости дальше подробно освещать этот вопрос, т. к. нами это сде-

лано в одной из предыдущих наших публикаций [8].

По состоянию на 2 декабря 1744 г. штат Санкт-Петербургской инженерной школы был следующим: капитан – 1, рисовальных мастеров – 2, кондукторов – 2, учеников – 214 (из них 75 в комплекте и 139 сверх комплекта) [4, л. 5 об.-6]. Надо заметить, что в течение года число сверхкомплектных учеников увеличилось примерно на 33 человека, т.к. по состоянию на 15 января 1744 г. число сверхкомплектных учеников в инженерной школе было 106 [4, л. 48 об.-49]. Из-за невозможности назначать выпускников двух инженерных школ (Санкт-Петербургской и Московской) на унтер-офицерские вакансии, т. к. они все были заняты, в 1748 г. пришлось сократить 45 школьных вакансий (30 в Санкт-Петербурге и 15 в Москве – В.Б.), а в 1750 г. еще раз сократить число школьников на 30 человек (все Санкт-Петербурге – В.Б.). В 1752 г. произошло очередное сокращение на 30 школьных вакансий (по пять учеников из каждого класса обеих школ – В.Б.). В том же 1752 г. *Московская инженерная школа закрылась вовсе* [13, л. 3 об.]. Генерал-майору А.П.Ганнибалу предписывалось «...тех Санкт-Петербургской и Московской школ учеников разобрать, по разбору в здешней школе по своему рассмотрению оставить помянутое положенное число». Ему же поручалось представить в КГАиФ списки тех, кто продолжит обучение в Санкт-Петербургской инженерной школе, а также списки «достойных ... и кого в какую службу при инженерном корпусе или при артиллерии определить можно». Списки малолетних школьников и тех, кто по каким либо другим причинам не мог быть определен для дальнейшей службы через КГАиФ предоставлялись в Военную коллегию [16, л. 3 об.-4].

С 1752 г. как и прежде, учеников в Санкт-Петербургской инженерной школе стало 75 человек [13, л. 3].

В заключение отметим, что с 1753 г. Санкт-Петербургская инженерная школа поступила под особое ведение генерал-инженера, а впоследствии генерал-аншефа Авраама Петровича Ганнибала, известного как «арап Петра Великого» [14, л. 2]. Умный и образованный генерал, специально изучивший в Париже инженерное искусство, по мнению Н. Л. Ломана, мог бы большее благотворное влияние на инженерную школу. Но вероятно ему не были предоставлены достаточные полномочия. Он сделал для школы что мог, а именно очень важное для нее новое введение – учреждение на Выборгской стороне особого учебного полигона, против которого ученики должны были вести атаку, и таким образом, на практике изучать инженерное дело. В этом распоряжении Ганнибала был также возобновлен и порядок занятий, учрежденный основателем инженерной роты и школы. Этим же полигоном пользовались и ученики артиллерийской школы [18, с. 16]. А в 1758 г. Санкт-Петербургская инженерная школа была объединена с артиллерийской школой. Новое учебное заведение получило название **Объединенной артиллерийской и инженерной школы**, и просуществовало до 1762 г., когда на его базе был создан Артиллерийский и инженерный шляхетский кадетский корпус.

Библиографический список

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 212.
2. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ(Штаб генерал-фельдцейхмейстера). Д. 94.
3. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 112.
4. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 531.
5. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 4785а.
6. Бенда В. Н. Деятельность Санкт-Петербургской инженерной школы с момента образования и до 1758 г. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С.Пушкина. Научный журнал. СПб. 2009. № 2. Серия история. С. 56–69.
7. Бенда В. Н. Вклад военно-специальных артиллерийских и инженерных школ в укрепление обороноспособности России в первой половине XVIII столетия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 25–29.
8. Бенда В. Н. Восстановление деятельности Московской военно-инженерной школы в конце первой половины XVIII в. // КЛИО. Журнал для ученых. № 4(88). 2014. С.50–53.
9. Ломан Н. Л. Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. СПб.: Тип-я Тов-а «Обществ. Польза», 1862. 201 с.
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 286 Оп. 1 Д. 2.
11. РГВИА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 598.
12. РГВИА. Ф. 826. Оп. 2. Д. 21.
13. РГВИА. Ф. 826. Оп. 2. Д. 301.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1086. Оп.1. Д. 32.
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 84.
16. РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 376.
17. РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 396.
18. Столетие военного министерства. 1802–1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. Книга 1. СПб.: Тип. М. О. Вольф, 1902. 370 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Arhiv Voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernyh vojsk i vojsk svyazi (Arhiv VIMAIV i VS). F. 2. Op. 2. D. 212.
2. Arhiv VIMAIV i VS. F. 2. Op. SHGF(Shtab general-fel'dcejhmejstera). D. 94.
3. Arhiv VIMAIV i VS. F. 2.Op. SHGF. D. 112.
4. Arhiv VIMAIV i VS. F. 2.Op. SHGF. D. 531.
5. Arhiv VIMAIV i VS. F. 2.Op. SHGF. D. 4785a.
6. Benda V. N. Deyatel'nost' Sankt-Peterburgskoj inzhenernoj shkoly s momenta obrazovaniya i do 1758 g. // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. Nauchnyj zhurnal. SPb. 2009. № 2. Seriya istoriya. S. 56–69.

7. Benda V. N. Vklad voenno-special'nyh artillerijskih i inzhenernyh shkol v ukreplenie oboronosposobnosti Rossii v pervoj polovine XVIII stoletiya // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Nauchno-teoreticheskij i prikladnoj zhurnal. Tambov: Gramota, 2012. № 8 (22): v 2-h ch. CH. II. S. 25–29.
8. Benda V. N. Vosstanovlenie deyatel'nosti Moskovskoj voenno-inzhenernoj shkoly v konce pervoj poloviny XVIII v. // KLIO. Zhurnal dlya uchenyh. № 4(88). 2014. S.50–53.
9. Loman N. L. Istoricheskoe obozrenie 2-go kadetskogo korpusa. SPb.: Tip-ya Tov-a «Obshchestv. Pol'za», 1862. 201 s.
10. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA). F. 286 Op. 1 D. 2.
11. RGVIA. F. 286. Op. 2. D. 598.
12. RGVIA. F. 826. Op. 2. D. 21.
13. RGVIA. F. 826. Op. 2. D. 301.
14. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). F. 1086. Op.1. D. 32.
15. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). F. 20. Op. 1. D. 84.
16. RGADA. F. 248. Op. 7. Kn. 376.
17. RGADA. F. 248. Op. 7. Kn. 396.
18. Stoletie voennogo ministerstva. 1802–1902. Glavnoe upravlenie voenno-uchebnyh zavedenij. Istoricheskij ocherk. Kniga 1. SPb.: Tip. M. O. Vol'f, 1902. 370 s.

© Бeндa B. H., 2018.

УДК 39(479)

**О РАЗВИТИИ ТРАДИЦИОННОГО ТКАЧЕСТВА И ШЕЛКОВОДСТВА
В ГЯНДЖЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ
(НА ОСНОВЕ МЕСТНЫХ ИЗДЕЛИЙ КОВРОТКАЧЕСТВА)**

Э. Л. Гасанов

*PhD.,
Гянджинское отделение
Национальной академии наук Азербайджана,
г. Гянджа, Азербайджан*

**ON THE DEVELOPMENT OF TRADITIONAL WEAVING AND SERICULTURE
IN GANJA DURING THE XIX–XX CENTURIES
(BASED ON LOCAL CARPET WEAVING PRODUCTS)**

E. L. Hasanov

*PhD.,
Ganja branch
of Azerbaijan National Academy of Sciences
Ganja, Azerbaijan*

Abstract. This scientific article deals with the research of the basic features of development of traditional weaving and sericulture trades in Ganja during the XIX–XX centuries based on local carpet weaving products on the basis of investigation of new academic facts and sources.

Keywords: Azerbaijan; Ganja; weaving; sericulture; ethnography.

Гянджа один из древних городов Азербайджана и находится в западной части страны. С исторических времён из-за тесных экономических и культурных отношений города Гянджи и окрестных его районов сформировались ценности, сближающие людей этой территории. Жители этого региона, помимо того, что близки с точки зрения традиционных, бытовых и хозяйственных отношений, также прошли общий путь культурного развития. Такие районы, созданные вокруг Гянджи, как Дашлясян, Гядябйя, Самух, Гёйгёль, Горанбой, Шямкир, были жилыми поселениями, и с исторических времён играли активную роль в экономической культурной жизни Гянджи. В этнографическом понятии близость этих поселений подтверждается конкретными примерами. Несмотря на то, что жители этого региона создали отдельные отличающиеся в ка-

кой-то мере образцы ковровых изделий, в то же время они тождественны по техническому методу и цветовому разрешению. Поэтому объединение ковров этого региона в единую группу диктуется как с творческой, так и научной точек зрения. Находящиеся на этой территории бесчисленные жилые построения: некрополи, курганы, крепости, развалины дворцов и их укреплений, караван-сарай, мосты, могилы с надгробьем, а также камни со странными формами, статуи коней и оленей, храмы, церкви, мечети, священные места и очаги сообщают об истории, мировоззрении и этнической принадлежности местных жителей [1, с. 27].

Как географические названия и топонимы, так и фольклор, сохранившийся до современных времён, олицетворяют в себе богатое культурное наследие азербайджанских тюрков (азербайджанцев), изна-

чально живущих на этой территории. Местные жители занимались здесь ремесленничеством, земледелием и животноводством. Фольклор, мифы и легенды, сказки, поэтические примеры как плод богатого воображения местных жителей также являются показателями мировоззрения поселившихся здесь людей. Кроме мифов и повествований, отражающих традиционное тюркское миропонимание, в этом регионе создавались также рассказы, увековечившие в себе маленькую историю каждого географического названия и священного места. Обнаруженные в древних жилых постройках и отражавшие огромную культурную историю бытовые вещи и драгоценности, а также орудия могут расцениваться как жемчужины искусства. Эти образцы вместе с отражением общих эстетических взглядов жителей, показывают также богатство и многосторонность традиционного мастерства.

Обладающие красочной и богатой природой, Гянджа и окрестные районы, в основном, считаются нагорными и предгорными регионами. Многоводные реки, луга сделали эту территорию пригодной особенно для животноводства. Климатическая полоса придаёт особый цвет и оттенки этому региону. Если Самухский, Горанбойский и Шямкирский районы отличаются богатыми садами, виноградниками и субтропическими растениями, то Гядябй и Дашкясян больше всего славятся альпийскими лугами и горными растениями. Помимо богатых лесных покровов с деревьями дуба, граба, груши, яблони, черешни, ореха, кизила и алычи, в степях произрастает полынь, красочные растения, а на скалах разные кустарники. Многосторонность и сложность рельефа сделала неповторимым и его растительный мир. Словно ковёр этот регион переливается яркими и красочными цветами высоких гор и альпийских лугов. Эти факторы обуславливают получение качественной

шерсти, а также природных красок, обеспечив развитие животноводства, в частности овцеводства.

В Гяндже вполне развито ковроткачество. Традиционные виды тканей, предусмотренные иногда для разного вида одеяний, ткались в определенном количестве. В таком случае вид одежды отождествлялся с названием ткани. Сюда можно отнести и джеджимы. Созданные по технике тканья джеджимов «йорганузу», «дешекузу», «джанамаз», «юк пардаси», «тахса пардаси», «мутакка узу» определяли как название ткани, так и вид изделия.

Во многих деревнях региона Гянджи ткалась и бязь. В этом смысле славятся жители Самуха. Помимо того, что они ткали превосходные ковры, шелковые и полупелюшковые ткани, но также производили и высококачественную хлопковую ткань изысканно белого цвета, называя её «лжаламая». Из самой тонкой нити хлопка производилась марля, а из её двойного или втрое скрученного вида – джаламая (тонко белое). Джаламая – это вид плотно сотканной хлопковой ткани, которая производилась в Гяндже.

В возникновении производства шерстяных изделий в Азербайджане, помимо разновидности сырьевых запасов (овечья, верблюжья, козлия шерсть и др.), решающую роль сыграло изобилие растений.

В конце XIX века в Азербайджане по наличию шерстяных запасов важное место занимала Гянджа и окрестные районы. В исторических источниках есть известие о том, что в этом регионе имеется сто тысяч овец, что сообщает и о количестве шерстяного запаса на тот период. Это изобилие допускало создание разных видов шерстяных изделий. Основным занятием гянджинских девушек тогда было тканье ковров и ковровых изделий. Основываясь на факты 1841 года, связанные с Гянджой, можно сказать, что в каждой деревне женщины ткали ковры, килимы,

черпаки, мешки, портпледы и очень тонкие, высококачественные шали, которые назывались «махуд». Длина каждой шали составляла до 7 аршинов (0,71 м), ширина 4 четверти (1/4 аршина или 17,75 см). В зависимости от качества каждая шаль по рыночным ценам того времени стояла от семи манат до десяти серебряных монет [2, с. 31].

В XIX веке в Азербайджане одним из центров художественной вышивки была Гянджа. Здесь широко распространились виды «гязма» и «долдурма» вышивки текалдуз (тамбурная вышивка). Живущие на этой территории зажиточные семьи предпочитали покрывать верхнюю часть своих юрт белым войлоком. По этой причине они заказывали обрасти – войлоки из белой шерсти. В быту жителей региона Гянджи важное место занимают ковры и ковровые изделия. Здесь ткались моельные коврики намазлыг, черпаки, килимы и другие текстильные изделия. Богатая природа края придавала коврам этого региона особые оттенки, одарила яркими окрасами цветовое разрешение композиции ковров. Разноцветные краски – главные особенности, отличающие ковры этого региона от других. В узорно-композиционном выборе ковров особое место придавалось воображению, мифическим взглядам, вере местных жителей. Всё это нашло своё отражение на коврах. Мифические птицы, животные, а также семантически наполненные элементы, зависящие от миропонимания, были специфичными для ковров этого региона. Можно сказать, что ковры Гянджи, в которых ощущаются тесные отношения с разными группами ковроткачества Азербайджана, выступают как главные категории сознания и чувств живущих на этой территории людей.

Основными производственными пунктами ковров Гянджинской группы являются Гянджа и окрестные сёла, а также

районы Гядябей, Горанбой, Шямлир, Дашкясян и Самух. Естественно, что сотканые в каждом из этих пунктов ковры отличаются своеобразными формами. В общем, характерными для гянджинских ковров особенностями являются их длина, высокий ворс, разная плотность петель и относительно крупные размеры. Безворсовые ковры тоже характеризуются разной плотностью. В этом регионе пользовались не столь уж крупными переносными маленькими станками, которые были удобны в домах и дворах при плетении ковров, а для более больших ковров брались крупные стационарные станки. Процесс ткачества основы на этих клетках осуществлялся трудом нескольких профессиональных мастеров.

В Гяндже – центре древнего ковроткачества – помимо ковроткачества, распространилось войлочное мастерство, т. е. изготовление войлоков, которые используются в скотоводстве. Особенно в предгорных областях этого региона приготовленные войлоки были очень полезными для покрытия верхней и окружной части хижин, а также при покрытии тележек во время кочевья.

Войлоки обычно изготавливались из белой и чёрной шерсти. Хижины, также в зависимости от покрывающего их войлока, назывались «аг дая» (белая хижина) и «гара дая» (чёрная хижина). Безусловно, что палатки, помимо войлоков, украшались ворсовыми и безворсовыми коврами. Среди безворсовых ковров своей красотой выделялись паласы, джеджимы и килимы.

В Гянджинском регионе, где развито шелководство, сотканые шёлковые джеджимы на станках нашли своё применение в каждой семье со своими яркими цветовыми оттенками, изящными узорами, тонкими тканями.

Сотканые вручную как ворсовые, так и безворсовые ковры (хурджун, мафраш

(портплед), мешок, сумка для соли, мутакка (продолговатая подушечка) с ковровым покрытием и другие текстильные изделия) служили приданым для девочек.

Техническое влияние гянджинских ковров можно наблюдать также на коврах Газаха и Гарабаха.

Ворс ковров сотканых в Гяндже, обычно был более длинным и густым. Потому что помимо эстетического значения, ковёр предусматривался для удержания теплоты комнаты в холодную погоду.

У гянджинских ковров имеется также своеобразное индивидуальное колоритное разрешение. Так, на привлекательных своими цветами коврах Гянджи больше всего наблюдаются яркие оттенки. Наиболее используемые цвета – это голубой, зелёный, желтый, черный и сахарный тона.

Гянджинская группа больше всего известна композициями «Гянджа», «Гядим Гянджа», «Гядябй», «Чыраглы», «Самух», «Фахралы». Сотканые здесь образцы ковров «Самух», «Чайлы», «Фахралы» обладают стабильной формой закрытого типа, художественным построением с озёрами промежуточного участка.

Основной производственный центр отличающегося художественным построением ковра «Гядим Гянджа» расположен на северо – западе Шямкирского района и окрестностях Гянджи. Этот ковёр обладает специфическим художественным построением. Промежуточный участок даётся с полосами, украшенными последовательно или в диагональной форме, и внутри них бывают слетка нанизанные элементы «бута». Эти узоры от элементов «бута» на коврах Баку, Ширвана, Гарабаха и Сараба отличаются индивидуальным художественным построением и цветовым разрешением. В народе этот ковёр известен такими наименованиями, как «Гядим халча», «Гянджа бута», «Буталы Гянджа». Ковер «Хантирма», созданный в Гарабахе под влиянием ковров Гянджи, напоминает

ковёр «Гядим Гянджа». С развитием торговых отношений Гянджи можно предположить, что образец «Гядим Гянджа» появился под влиянием дизайнерской оформленности тканей тирма, завезённых сюда с Востока еще в далёком прошлом [3, с. 115–117].

Один из ковров Гянджинской группы связан с названием деревни Фахралы. Эти ковры были самыми известными, обладали индивидуальным художественным построением. Как правило, эти ковры ткались небольшими по размеру и предназначались для совершения намаза (мусульманской молитвы). Верхняя часть ковра окружена контурами арки, внутри промежуточного участка изображено озеро в геометрической форме. Изображение арки еще раз подтверждает предназначённость ковра. Поэтому в народе эти ковры называются «джанамаз». Узоры ковров Гянджи, в основном, состоят из украшающих элементов в геометрической форме. У каждого узора имеется свой смысл и назначение.

Библиографический список

1. Алиева А. С. Ворсовые ковры Азербайджана XIX – нач. XX веков. – Баку : Элм, 1973. – 215 с.
2. Burton-Brown T. Excavations in Azerbaijan, 1948. – London, 1951. – 250 p.
3. Guliyeva N. M., Hasanov E. L. Investigation of basic decorative-applied arts of Ganja on the basis of some innovative arguments and technologies // Science and Society: Proceedings of the 3rd International scientific-practical conference. London (Great Britain). – 2013. – P. 281–291.
4. Hasanov E. L. Innovative basis of research of technologic features of some craftsmanship traditions of Ganja (On the sample of carpets of XIX century) // International Journal of Environmental and Science Education, 2016. – № 11 (14). – P. 6704–6714.
5. Häsänov E. L. Die Gändschänischen teppiche von XIX – XX Jahrhundert als geschichtliche-ethnographische quelle // European Science and Technology: 2nd International scientific conference. Bildungszentrum Rdk e. V. Wiesbaden (Germany), 2012. – P. 26–27.

6. Hasanov E. L. About fundamental studies on local cultural traditions of Ganja // *European journal of Natural History*, 2013. – № 3. – P. 65–68.
7. Кавказский календарь на 1854 г. – Тифлис, 1853. – С. 338–341.
8. Nishiaki Y., Hasanov E.L. About ethno-archaeological and anthropological research of some prehistoric monuments of Ganja // *Theoretical & Applied Science*, 2014. – 1(9). – p. 45–48. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.01.9.8>.
9. Smith W., Hasanov E. L. Importance of handicraft traditions in investigation of history of urban culture in Ganja // *Theoretical & Applied Science*, 2013. – 11(7). – P. 61–66. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2013.11.7.10>.
5. Hasanov E. L. Die Gandschanischen teppiche von XIX – XX Jahrhundert als geschichtliche-ethnographische quelle // *European Science and Technology: 2nd International scientific conference. Bildungszentrum Rdk e. V. Wiesbaden (Germany)*, 2012. – P. 26–27.
6. Hasanov E. L. About fundamental studies on local cultural traditions of Ganja // *European journal of Natural History*, 2013. – № 3. – P. 65–68.
7. Kavkazskij kalendar na 1854 g. – Tiflis, 1853. – S. 338–341.
8. Nishiaki Y., Hasanov E.L. About ethno-archaeological and anthropological research of some prehistoric monuments of Ganja // *Theoretical & Applied Science*, 2014. – 1(9). – p. 45–48. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.01.9.8>.
9. Smith W., Hasanov E. L. Importance of handicraft traditions in investigation of history of urban culture in Ganja // *Theoretical & Applied Science*, 2013. – 11(7). – P. 61–66. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2013.11.7.10>.

Bibliograficheskiy spisok

1. Alieva A. S. Vorsovye kovry Azerbajdzhana XIX – nach. XX vekov. – Baku : Elm, 1973. – 215 s.
2. Burton-Brown T. Excavations in Azerbaijan, 1948. – London, 1951. – 250 p.
3. Guliyeva N. M., Hasanov E. L. Investigation of basic decorative-applied arts of Ganja on the basis of some innovative arguments and technologies // *Science and Society: Proceedings of the 3rd International scientific-practical conference. London (Great Britain). – 2013. – P. 281–291.*
4. Hasanov E. L. Innovative basis of research of technologic features of some craftsmanship traditions of Ganja (On the sample of carpets of XIX century) // *International Journal of Environmental and Science Education*, 2016. – № 11 (14). – P. 6704–6714.

© Гасанов Э. Л., 2018.

Filologické vědy

UDC 81.373.611

THE DERIVATIONAL POSSIBILITY
OF THE SUFFIXES -AK/-GAK IN DARI LANGUAGE

Kh. Alimova

Candidate of Philology sciences, associate professor,
ORCID 0000-0001-7449-1832,
e-mail: xolidaxon66@mail.ru,
Tashkent State Institute of Oriental Studies,
Tashkent, Uzbekistan

Abstract. This article analyzes the derivational possibility of the suffixes -ak/-gak in Dari language. It is analyzed that, according to the meaning of its constituent parts and its special features, the semantic of derivation with the suffixes -ak/-dak is being formed. Formation of subject, condition and action nouns, personal identifying words were proved to be occurred with the help of suffixes -ak/-gak by the examples from original sources. Subjects constructed with suffixes -ak/-gak are mostly characterized with their terminological lexics. The suffixes -ak/-gak join words meaning body parts of human and animals and express condition-action which are done by them: these usually come as a noun part of compound verb.

Keywords: suffixes -ak/-gak; form-building; derivational stem; word-formative; derived words; connotation derived homonyms.

Actually, the suffixes -ak/-gak are one of the affixes which make diminutive – hypocoristic form of nouns in Dari language. However during the language development the degree of this suffixes has been raised as a word-formative. The origins and the derivational possibilities of the suffixes -ak/-gak have been highlighted by the author [1, p. 3–11]. The conclusions have been made according to analysis of the theme. In the following, the semantics of suffixal word-formation -ak/-gak are analyzed.

The meaning and the use of suffix -ak do not differ from the Persian and the tadjik languages in the current Dari language. The main difference among these languages depends on the use of phonetical types with suffix -ak. Likewise, mutual voice with other suffixes of -ak which expresses category of subjective evaluation can be differed (for example, in Persian language -če, -e are productive) [2, p. 112].

-akak is the reduplicated variant of suffix -ak and expresses personality for Dari and Tadjik conversation language does not occur in a current Persian language. The meanings of diminutive-hypocoristic form of nouns can be expressed strongly by this suffixes: *xor(d)tarakak* 'tiny', *češmakakâ-ye godi* 'little eyes of puppet' [4, p. 157–159].

The suffixes -ak/-gak are productive form-building which joins in nouns, adjectives, adverbs and expresses the following meanings: a) diminutive, b) emotional-hypocoristic with positive connotation c) emotional-pejorative with negative connotation; a direction of connotation sometimes depends on context. For instance, *bača* بچه → *bačagak* بچگk as an example: مرد بارانی پوش از بچگکی که بساط خود را بر روی سنگ قبری هموار کرده بود، یک بوتل آب و یک شاخه گل سرخ خرید [21, p. 85] 'A man with an umbrella bought a bottle of water and a twig of rose from a boy who spreaded his possessions

بیجگک هایم را در خانه مانده ام. [33, p. 26] 'I have left my *kids* at home (emotional-pejorative meaning)'. او بچه غلام! به ای. [8, p. 14] 'Oh, slave! Give water to this *child* (emotional-pejorative meaning)'.

The category of subjective evaluation which was expressed by suffixes *-ak/-gak* is usually characteristic for conversation speech. These forms, which occur in the literary language, it is also desirable to consider as specific for conversation speech. For example:

یک مردک *mardak* 'man' – مرد *mard* (for describing pejoration and weakness): بسیار نادار بود که از دار دنیا فقط یک گاو نر اله داشت [26, p. 470] 'There is a pauper *man* only with a skewbald stud-bull in this world'.

حسنک *Hasanak* 'little Hasan' – حسن *Hasan* (diminution): بود گفت: من نمی فهمم که چگونه این مهره مرا به تمام [35, p. 46] 'Little *Hasan* said dreaminessly: "I do not understand, how will this bead come true all of my dreams?"

We can come across that re-diminution form of nouns through diminutive loan-words: پاپیگک *pâpigak* 'puppy' (from English – *puppy*): این پاپیگک هم یک دفعه شروع کرد به [33, p. 25] 'This *puppy* started to bark suddenly, too'. صدای پاپیگک را می شنود. [32, p. 14] 'He hears the voice of *puppy* but does not understand to whom it barks over the wall'.

The suffixes *-ak/-gak* are used to make new words. As a stem of form-building (*naj(j)âr* 'carpenter' → *naj(j)ârak* 'woodpecker', *môy* 1) 'hair'; 'bristle', 2) 'wool' → *môyak* 'brush (little)', adjective (*torš* 'sour' → *toršak* 1) 'sorrel'; 2) 'sour fruit (for example, a raw apple)', *tašna* 'thirsty' → *tašnak* 'a name of ailment on children'), stem of verb (*tarâš* – stem of present tense of verb *tarâšidan* 'plane', 'trim' (afterwards – SPT) → *tarâšak* 'scraping tool' (an appliance which scrapes surfaces of metallic objects),

imitation (description) word (*γêč* 'creak' → *γêčak* 'ghijjak (musical instrument)', *ferfer* 'flutter' → *ferferak* 'humming-top'), complex stem (*šir* 'milk' + *čôš* – SPT of verb *čôšidan* 'suck' → *širčôšak* 'soother' (for giving to drink milk), *âftâb* 'the sun' + *bârân* 'rain' → *âftâbbârânak* 'summer rain', 'daylight rain') can be used. Derived words are nouns of objects and action-positions and they, also, make new words which describes people.

The analysis of the following materials assist to explain semantics of *-ak/-gak* suffixal derivations, to determine current process going on Dari language. So, the analysis of examples which stated above require to re-organize translation and explanatory dictionaries in Dari language.

Names of objects which are made by suffixes *-ak/-gak* mean the followings: "object understood from stem", "action understood from stem" and "thing for motion understood from stem". For example:

ابریشمک *abrêšomak* 'maize fringe'; 'maize ear' (ابریشم *abrêšom* 'silk'; 'cocoon'; 'silk fibre'): در اثر قلت آب در مراحل ابتدایی نمو، نباتاتی سوخته و قد کوتاه به وجود آمده و هم تولید [19, p. 30–31] ابریشمک ها به تعویق خواهد افتاد 'Because of the lack of water plants will burn and shrink in initial period of growing and reproducing *maize fringe* will stop'.

آتشک *âtešak* 1. 'lightning', 2. 'cockchafer (a type of insect shines at night) beetle', 'cockchafer' (آتش *âteš* and *âtaš* 'fire') (the word is given in dictionaries as a name of an ailment: آتشک *âtešak* 1) agriculture 'anthracnose' 2) 'syphilis' [3, p. 25]): یک [31, p. 81] چیزی نزدیک پدرم خورد و آتشک زد 'Something stricken near my father and *lightning* occurred'. دو دزد در حال بالا شدن از دیوار. [9, p. 34] 'As two robbers were jumping the wall, suddenly there was *lightning* and it lightened the sky'. آتشک کرمکی خورد است که شب، مانند چراغ، می تابد و شب چراغ، شب چراغک، شب تاب و

شکست [11, p. 456] 'In the competition of fighting egg one egg didn't break at all'.

The possibility of word building of -ak is very high and wide. In the analysis of our material not only verbal but also in literary language such word building, which is not possible to translate into English language it with one word, was found. For example:

باد ریزک *bâdrêzak* '(any) the fruit which tree was poured in the wind' (*bâd rêxtan* 'to be poured in the wind' [5, p. 145]); آوک *âwak* 'delicious apricot fruit with water' (آب *âb* – آب *âw* (colloquial) 'water') [5, p. 134].

آومانک *âwmânak* 'the place which water-plate is put (standing)' (*âw* 'water', مان *mân* – SPT of verb ماندن *mândan* 'put'): بچم [5, p. 134] 'My son put the small box to the place which water-plate is put'.

الغوجک *alyučak* 'the stones that are put when people go across the river' (الغوج کردن *alyuč kardan* 'jump', 'take big steps'): نزدیک *alyuč kardan* 'jump', 'take big steps': ده رسیده بود، در چند قدمی الغوجک که به طرف ده می گذشت، فقط نگاهی خیلی مختصر به دریا انداخت [13, p. 66] 'He came near the village, the stones which send towards the village in each step, he only looked out the river one time (one time he looked out)'.

بندک *bandak* 'the silver coin for decoration (it is sewed for the decoration of dress through hook)'; here is *rupiya* (currency) (بند *band* – SPT of verb بستن *bastan* 'to bind'): ده، [26, p. 190] 'Ee, wear the earring, wear the ring, wear the silver coin'.

The words that informs the symbol which is related to person (adjective, but because of using for the symbol of the person, it comes as a noun) are observed to be made too. For example, بینک *binak* 'fortune - teller', 'the person who knows the future': از [20, p. 15] 'Don't hope from the predictor'.

-ak/-gak suffixes helps to define the meaning (pleonasm is observed): it is made

on the define base of word making base. For example, برق 1) 'lightning' 2) 'shining', 'sparkling' 3) 'electricity, but برق *barqak* 'thunderstorm', 'lightning'. آسمان برقی زد. [31, p. 81] 'The lightning shined in the sky. ناگهان

[15, p. 211] 'Suddenly black clouds appeared in the sky and the thunderstorm thundered'.

It is on the function of the noun part of verb in dictionary. برق زدن *barq zadan* a) 'to shine' (about the lightning) b) 'to flash', 'light' (about eyes), but برق زدن *barqak zadan* 'to shine' (about the lightning) [3, p. 111] was noted. In our material برق زدن *barqak zadan* 'to flash', 'light' (about eyes) was registered:

شد و با فریادی دردآلود میان خاک ها افتاد و دیدگانش برق زد [28, p. 25] 'Suddenly he was picked from the ground, fell to the soil with the wail that is full of illness, lit from his eyes'.

اشیلاق *ešpelâqak* 'little whistle' (اشیلاق *ešpelâq* 1) 'whistle'; 2) 'the sound of whistle'. In this place the suffixes -ak is used for emphasizing both diminution and noun of object (not whistle voice); also, سیخک *sixak* 1) 'little spit', 2) (tech.) 'stem', 3) 'hairclip' کلثوم را این بار (سیخ *six* 'spit') [3, p. 467] و سیخک ها و گیراهای موی اشیلاق ها، گوشواره ها [14, p. 6] 'That time little whistles, earrings (earnings) ba hairclips had enchanted Gulsum'.

In the dictionary the meanings of بجل *bo-jol* 1) 'the bone of ankle' (anatomic member), 2) 'bone' (in game) با بجلک *bo-jolak* 1) 'ankle'; 2) look: بجل; 3) tech. 'tappet' [3, p. 99] were noted. On the analyses of our materials بجلک/بجولک *bojolak* was observed to define on the meaning of 'ankle' (on the variant of بجل *bojol* the meaning of 'bone' was met (in game)): یک کمی جلوتر رفت، پایش در [37, p. 38] 'One step he walked to foreground, his leg sank to a depth and it was wet till its ankle' با همان بند دستی اگرچه قاق ولی سفید و ظریف.

رگ برآمده و همان خال نسواری رنگ گوشتی بالای بجولک [18, p. 91] 'Although she has thin arm (ankle of arm) she has white, delicate, puffed-up vein and her thick (meaty) brown birthmark on her arm'.

The suffixes *-ak* links attributive in postpositional attributive and concretes a name of object: it has characteristic as a derived word. For example: آهوی سفیدک *āhu-ye safêdak* 'white deer' (a kind of deer (term)) آهوی *āhu* 'deer', سفید *safêd* 'white'; but آهوی سفید *āhu-ye safêd* 'white deer' (word-combination): سفیدک به دشت آچی و آبدان که آهوی [17, p. 21] 'The white deer is found ample in the Ochi and Obdon desert between Imom Sohîb and Qunduz'. از حیوانات وحشی جنگلی آهوی سفیدک. در دشت ها و کوه ها، بز کوهی، نخچیر، گوسفند کوهی در کوهستان ها به وفرت پیدایش دارد و شکار کرده [11, p. 459] 'The white deer which is wild animal was found and hunted in deserts and mountains and the mountain goat, argali is (a wild mountain sheep) in mountainous places'.

The base of word making may be borrowing: پینگک *pêngak* 'pin' (from English); in that case the addition of suffixes *-gak* to the word which is completed with a consonant requires consideration of the spelling rules: پیچه های سیاهش از دو طرف شقیقه هایش آویزان بود. چهار پینگک گل دار هم به هر [34, p. 81] 'Black braids fell on both sides of the face. The four flower pins also were all over her'. اگر حتی لحظه ای دلت به [26, p. 223] 'Even your heart desires for a pin or bracelet for a moment, your work has been finished'.

Suffixes *-ak/-gak* that describes a human or animal's body, or a combination of the words that characterize them and they will make a noun which cites the meaning of action and position: these usually come with the part of the complex verb; the derivatives can be used in different meanings: *abrugak zadan* 'to knit one's brow', *angoštak kardan*

'to set somebody against others' (*angoštak* 'to touch fingers somebody's body impolitely'), *dastpâlak kardan* 'to palpate', 'to feel something with your hand, *dandânak zadan* 'to chatter your teeth from cold, *dandângerečak kardan* 'to gnash your teeth', *dastobâlak zadan* 'to creep, to crawl (about a child)', *bâlak zadan* 'to take wing', *dombak zadan* a) 'to wag tail' (about a dog), b) 'to play the hypocrite', *nafasak zadan* 'to choke', *qetqetak dâdan* 'to tickle'. For example: پایک زدن *pâyak zadan* 'to stamp' ((ای) *pâ* 'foot', زدن *zadan* 'to beat') [3, p. 181]: ملا اف بلندی کشید، بخار دهانش پر زور بیرون شد. خانه که [34, p. 113–114] 'Mullo hardly frustrated, and the air came out strong from his mouth. When he returned home, his wife was *stamping* behind the door'. گلیم را بغض می فشرد و بالآخره روی خاک ها، روی زمین می نشستم و پایک زنان می گریستم [18, p. 138] 'My throat was squeezing, and finally I sat on the ground and weeped stamply'. Auxiliary verb makes a meaning: پایک گرفتن *pâyak gereftan* 'to lull with your foot' ((ای) *pâ(y)* 'foot', گرفتن *gereftan* 'to take'): [36, p. 20] 'Oof ... Laylajan, Go to Qasseme for lulling'.

بالک زدن *bâlak zadan* 'to take wing'; 'to prepare for' (دیگر *bâl* 'wing', زدن *zadan* 'to beat'): بالک بزند یا پله [30, p. 230] 'So nobody could be decisive to prepare for jumping or taking wing in front of it'.

مرغ دل من می پرد از دام تو امروز [27, p. 125] 'Today a bird of my heart will take wing from your trap – a goal of *taking wing* was flight'.

In this materials pointing to the repetition of action on derived words by repetition of derivative stem, connotative meaning can be met:

بال بالک زدن *bâlbâlak zadan* 'to move from one side to another side'; 'start'; ولی حاجی خیرالدین برای همیشه در قریه: 'paddle' باقی ماند و بیرق سبزی بر سر گورش بال بالک می زدند

[22, p. 47] 'The saint Hoji Xayriddin stayed in this village forever and a green flag is *flattering* over his gravestone'.

Derived words are not formed from words, at all but they are formed on the basis of certain meaning. In dictionaries, word پوست *pôst* means: 1) skin; shell; fur 2) shell, peeling; husk, crust [3, p. 173]. -ak is a type of form building that creates homonym words in the following words: پوستک *pôstak* I 'sheep-skin' (a type of carpet which is made from wool of animals); پوستک *pôstak* II 'bran', 'straw': پد، پشت تتر، بر روی پوستک: نشست. همگی به دورش جمع شدیم و دم به دم به درون خورجینش سرک کشیدیم [37, p. 96] 'Our father sat on the *sheep-skin* near the tandir (something in it bread is cooked). All of us surrounded him and often *peeped* in his sad-dle bag'.

جول و پوستک *jol-o-pôstak* 'belongings', 'possessions'; word by word: جول *jol* 'material under a saddle of hore or other domestic animals' and پوستک *pôstak* 'sheep-skin': روز دیگر یک کراچی دستی با یک نفر کراچی کش جول و پوستک بختاور و مولا داد را که دیگر از خدمت در خانه عالیہ بیگم معاف شده اند، به جای نامعلومی انتقال می دهد [29, p. 291] 'Next morning coachmen took his private *belongings* to uncertain place by his handcar which became free from the house of Oliyabegim and given from the god'. سه روز پیش دیده بود که با پدرش سر سخن است و تهدید می کند که اگر کرایه را تا یک هفته نیاورد [28, p. 11] 'Three days ago he saw him arguing with his father and be threatened that their *possessions* would be thrown away if he would not pay rent payment in a week'. مواد خارجی که در گندم یافت می شود بیش تر عبارت از حبوبات دیگر، تخم های انواع مختلفه و اندازه های متنوعه سنگ، کلوخ، پوستک، کاه، خاک و گرد می باشد [16, p. 196] 'External substances in wheat mostly consist of other grain crops, different kinds of seeds, stone, lump, *bran*, straw, soil and dust'.

Researching of -ak/-gak suffixesal derived words in Dari language, although this theme was learned by the author in the sphere of the article before, the author stated that there are lots of questionable issues demand minding and settling problems about semantic of derived words, stylistic meanings and functions. Also, the examples stated above demand re-building Dari translation dictionaries.

The Materials about this article lead to the following conclusions:

1. The suffixes -ak/-gak is productive form buildings; joins to noun, adjective, adverb and mean as the following grammatical meanings diminution, emotional-hypocoristic with positive connotation and emotional-pejorative with negative connotation.

2. The category of subjective evaluation which were expressed by suffixes -ak/-gak is characteristic for verbal speech, in general. It would be reasonable that considering these forms which are often in literary language as specific for verbal speech.

3. The suffixes -ak/-gak make nouns of object and action as a word word-formative, also, make signs related to human (adjective, but it comes as a noun because of using it for signs of humanity). As a stem of word-formative ay come noun, adjective, stem of verb, imitation word and compound stem; the stem of some derived words are not used independently.

4. Object names which made with suffixes -ak/-gak express the following meanings: "object on the basis of similarity from stem", "object which is characterized action understood from stem", "object which is used for action understood from stem". Derived words are mostly characterized with their terminological lexics. Also, concrete object names of them express diminution meaning of suffixes -ak/-gak according to lexical semantic.

5. The suffixes *-ak/-gak* join body parts of human and animals and express meaning of position-motion which are done by them: these are usually come as a part of noun part of compound verb; derived words may be used as a word with different meaning.

6. Appearing of homonym derived words are typicaled with meaning, word changing and word formative attributes of suffixes *-ak/-gak*; sometimes it hinges on having lots of meaning of word as word-formative stem.

Bibliography

1. Алимova X. Дарий тилида *-ak/-gak* суффикси ва унинг сўз яшаш имконияти // Шарқшунослар анжумани. – Тошкент, 2011. – № 6. – Б. 3–11.
2. Киселева Л. Н. Очерки по лексикологии языка дари. – М.: Наука, 1973. – С. 112.
3. Киселева Л. Н., Миколайчик В. И. Дари-русский словарь. – М.: Рус.яз., 1986. – 752 с.
4. (*) signs from the following book: Фархад Р. Разговорный фарси в Афганистане. – М.: Наука, 1974. – С. 157–159.
5. ادب، سال هجدهم، شماره ۱-۲، ۳-۴، ۱۳۴۹ ش. – ص. 134، 145.
6. اعظم رهنورد زریاب، سپوژمی زریاب. برف و نقش های روی دیوار. به کوشش سید اسحاق شجاعی و م. میلاد بلخی. – تهران: حوزه هنری، ۱۳۷۶ ش. – ص. 98.
7. ببرک ارغند. راه سرخ، (کتاب دوم). – کابل: کمیته دولتی طبع و نشر ج. د. ا. ۱۳۶۴ ش. – ص. 155.
8. ببرک ارغند، زرین انخور و دیگران. بید خونین. – کابل: اتحادیه نویسندگان ج. د. ا. ۱۳۶۵ ش. – ص. 14.
9. بوستان، سال یکم، شماره ۲، اسد ۱۳۸۱ ش. – ص. 34.
10. تقی واحدی دای پولاد. گلیمباف. – کابل: انجمن قلم افغانستان، ۱۳۸۶ ش. – ص. 39.
11. جمشید شعله. جهاد ملت بخارا و حوادث لقی در شمال هندوکش. به کوشش جمрад جمشید. – تهران: ناصح، ۱۳۷۹ ش. – ص. 456، 459.
12. حسن انوشه، غلامرضا خدابنده لو. فارسی ناشنیده: فرهنگ واژه ها و اصطلاحات فارسی و فارسی شده کاربردی در افغانستان. – تهران: نشر قطره، ۱۳۹۱. – 1016 ص.
13. حسین حیدریبگی. سنگ و سیب. – تهران: عرفان، ۱۳۸۲ ش. – ص. 66.
14. حسین فخری. اشک کلثوم. – کابل: انجمن نویسندگان افغانستان، ۱۳۶۶ ش. – ص. 6.
15. حمیرا قادری. نقره، دختر دریای کابل. – تهران: روزگار، ۱۳۸۷ ش. – ص. 211.
16. دایرة المعارف آریانا. – کابل: انجمن دایرة المعارف، ۱۳۲۸-۱۳۴۸ ش (۶ جلد). – ص. 41، 114، 196.

17. راهنمای قطغن و بدخشان، محمد نادرخان وزیر حربیه غازی سپهسالار، تصحیح و تحشیه منوچهر ستوده. – تهران: مؤسسه فرهنگی جهانگیری، ۱۳۶۷ ش. – ص. 21.
18. روایت: زیر نظر محمد حسین محمدی. – تهران: کابل: تاک، ۱۳۸۷-۱۳۹۰ ش (۶ جلد). – ص. 42، 91، 138.
19. صدای روستا، دوره سوم، شماره یکم، جوزای ۱۳۸۲ ش. – ص. 30-31.
20. ضرب المثل های دری افغانستان. گردآوری عنایت الله شهرانی. – تهران: بنیاد موقوفات محمود افشار، ۱۳۸۲ ش. – ص. 15.
21. عباس آرمان. صبح روز عید. – کابل: خانه ادبیات افغانستان، ۱۳۸۸ ش. – ص. 85.
22. عبدالواحد رفیعی. آشار. – کابل: خانه ادبیات افغانستان، ۱۳۸۷ ش. – ص. 47.
23. علی پیام. قطعه ای از بهشت. – تهران: عرفان، ۱۳۸۲ ش. – ص. 76.
24. قادر مرادی. رفته ها بر نمی گردند. – پیشاور: دانش کتابخانه، ۱۳۷۶ ش. – ص. 108.
25. قدیر حبیب. زمین (مجموعه داستان). – کابل: اتحادیه نویسندگان ج. د. ا. بی تا. – ص. 24.
26. قصه های هزاره های افغانستان. گردآوری و بازنویسی محمد جواد خاوری. – تهران: چشمه، ۱۳۸۶ ش. – ص. 190، 223، 470.
27. کلیات صوفی عشقزی. به اهتمام عبدالحمید وهاب زاده. – تهران: علوی، ۱۳۷۷ ش. – ص. 125.
28. گل احمد نظری آریانا. چراغ سبز. – تهران: عرفان، ۱۳۸۳ ش. – ص. 11، 25.
29. محمد اکرم عثمان. کوچه ما. – تهران: عرفان، ۱۳۸۸ ش (۲ جلد). – ص. 291، 473.
30. محمد اکرم عثمان. مرداره قول اس (مجموعه داستان). – کابل: انجمن نویسندگان افغانستان، ۱۳۸۸ ش / 2010 م. – ص. 230.
31. محمد حسین محمدی. پروانه ها و چادرهای سفید. – کابل: مرکز فرهنگی نویسندگان افغانستان، ۱۳۷۸ ش. – ص. 21، 81.
32. محمد حسین محمدی. از یاد رفتن. – تهران: چشمه، ۱۳۸۵ ش. – ص. 14.
33. محمد حسین محمدی. تو هیچ گپ نزن. – تهران: چشمه، ۱۳۸۷ ش. – ص. 25، 26.
34. محمد جواد خاوری. گل سرخ دل افکار. – تهران: عرفان، ۱۳۸۲ ش. – ص. 81، 113-114.
35. محمد جواد خاوری. پشت کوه قاف. – بی جا، سراج، ۱۳۸۶ ش. – ص. 46.
36. منظر، سال یکم، شماره یکم، عقرب-قوس ۱۳۸۱ ش. – ص. 20.
37. مهاجران فصل دل تنگی (مجموعه داستان). به کوشش سید اسحاق شجاعی. – تهران: حوزه هنری، ۱۳۷۵ ش. – ص. 38، 96.
38. میرغلام محمد غبار. افغانستان در مسیر تاریخ. – تهران: عرفان، ۱۳۹۰ ش. – ص. 43، 190.

Bibliography

1. Alimova Kh. Dariy tilida *ak/-gak* suffiksi va uning so'z yasash imkoniyati // Sharqshunoslar anjumani. – Toshkent, 2011. – № 6. – B. 3–11.
2. Kiselyeva L. N. Ocherki po leksikologii yazyka dari.–M.: Nauka, 1973. – S. 112.

3. Kiselyeva L. N., Mikolaychik V. I. Dari-russkiy slovar. – M.: Rus.yaz., 1986. – 752 s.
4. (*) signs from the following book: Farhadi R. Razgovorniy farsi v Afganistane. – M.: Nauka, 1974. – S. 157-159.
5. Adab. – Saal-e hajdahom. – № 1-2, 3-4. – 1349 sh. – S. 134, 145.
6. A'zam Rahnaward Zaryaab, Spuzhmay Zaryaab. Barf wa naqshhaa-ye roo-ye deewaar. – Tehraan: Hawza-ye honari, 1376 sh. – S. 98.
7. Babrak Arghand. Raah-e sorkh. (Ketaab-e dow-wom). – Kaabol: Komita-ye dawlati-ye tab' wa nashr-e J.D.A., 1364 sh. – S. 155.
8. Babrak Arghand, Zarrin Ankhor wa digaraan. Beed-e khunin. – Kaabol: Ettehaadiya-ye nawisendagaan-e J.D.A., 1365 sh. – S. 14.
9. Bostaan. – Saal-e yakom. – № 2. – Asad, 1381 sh. – S. 34.
10. Taqi Waahedi Daay Pulaad. Gelimbaaf. – Kaabol: Anjoman-e qalam-e Afghaanestaan, 1386 sh. – S. 39.
11. Jamshid So'la. Jehaad-e mellat-e Bokhaaraa wa hawaades-e laqi dar shemaal-e Hendukosh. – Tehraan: Naaseh, 1379 sh. – S. 456, 459.
12. Hasan Anusha, Gholaamrezaa Xodaabandalu. Faarsi-ye naashenida: farhang-e waazhahaa wa estelaahaat-e faarsi wa faarsi shoda-ye kaarbordi dar Afghaanestaan. – Tehraan: Nashr-e qatra, 1391. – 1016 s.
13. Hoseyn Haydarbegi. Sang wa seeb. – Tehraan: Erfaan, 1382. – S. 66.
14. Hosayn Fakhri. Ashk-e Kolsum. – Kaabol: Anjoman-e nawisendagaan-e Afghaanestaan, 1366 sh. – S. 6.
15. Homayraa Qaderi. Noqra, dokhtar-e daryaa-ye Kaabol. – Tehraan: Roozgaar, 1387. – S. 211.
16. Daaeratolma'aaref-e Aaryaanaa. – Kaabol: Anjoman-e daaeratolma'aaref, 1328–1348 sh. – S. 41, 114, 196.
17. Raahnamaa-ye Qatghan wa Badakhshaan, Mohammad Haaderkhaan wazir-e harbiya-ye Ghaazi Sepahsaalaar. – Tehraan: Mo'assesa-ye Farhangi-ye Jahaangiri, 1367. – S. 21.
18. Rewaayat. Zeer-e nazar-e Mohammad Hoseyn Mohammadi. – Tehraan – Kaabol: Taak, 1387-1390. 2 jeld. – S. 42, 91, 138.
19. Sadaa-ye rustaa. – Dawra-ye sewwom. – № 1. – Jawzaa, 1382 sh. – S. 30–31.
20. Zarbolmasalhaa-ye Dari-ye Afghaanestaan. Gerdaawari-ye Enaayatollah Shahrani. – Tehraan: Bonyaad-e mawqufaat-e Mahmud Afshaar, 1382 sh. – S. 15.
21. 'Abbaas Aarmaan. Sobh-e rooz-e eyd. – Kaabol: Khaana-ye adabiyaat-e Afghaanestaan, 1388 sh. – S. 85.
22. 'Abdolwaahed Rafi'i. Aashaar. – Kaabol: Khaana-ye adabiyaat-e Afghaanestaan, 1387 sh. – S. 47.
23. 'Ali Payaam. Qet'a-ee az behesht. – Tehraan: Erfaan, 1382 sh. – S. 76.
24. Qaader Moraadi. Raftahaa bar-nameegardand. – Peeshaawar: Daanesh-e ketaabkhaana, 1386 sh. – S. 108.
25. Qadir Habib. Zamin (majmo'a-ye daastaan). – Kaabol: Ettehaadiya-ye nawisendagaan-e J.D.A., Beetaa, 1365 sh. – S. 24.
26. Qessahaa-ye hazaarahaa-ye Afghaanestaan. Gerdaawari wa baaznawisi Mohammad Jawaad Khaawari. – Tehraan: Chashma, 1386 sh. – S. 190, 223, 470.
27. Kolliyyaat-e sufi-ye ashqari. Ba ehtemaam-e Abdolhamid Wahhaab Zaada. – Tehraan: Alawi, 1388 sh. – S. 125.
28. Golahmad Nazari Aaryaanaa. Cheraagh-e sabz. – Tehraan: Erfaan, 1383 sh. – S. 11, 25.
29. Mohammad Akram Osmaan. Koocha-ye maa. – Tehraan: Erfaan, 1388 sh. 2 jeld. – S. 291, 473.
30. Mohammad Akram Osmaan. Mordaara qul as (majmo'a-ye daastaan). – Kaabol: Anjoman-e nawisendagaan-e Afghaanestaan, 1388 sh./ 2010 m. – S. 230.
31. Mohammad Hoseyn Mohammadi. Parwaanahaa wa chaadorhaa-ye safeed. – Kaabol: Markaz-e farhangi-ye nawisendagaan-e Afghaanestaan, 1387 sh. – S. 21, 81.
32. Mohammad Hoseyn Mohammadi. Az yaad raftan. – Tehraan: Chashma, 1385 sh. – S. 14.
33. Mohammad Hoseyn Mohammadi. Tu heech gap nazan. – Tehraan: Chashma, 1387 sh. – S. 25–26.
34. Mohammad Jawaad Khaawari. Gol-e sorkh-e delafgaar. – Tehraan: Erfaan, 1382 sh. – S. 81, 113–114.
35. Mohammad Jawaad Khaawari. Posht-e koh-e Qaaf. – Beejaa, Seraaj, 1382 sh. – S. 46.
36. Manzar. – Saal-e yakom. – № 1. – Aqrab-Qaws, 1381 sh. – S. 20.
37. Mohaajeraan-e fasl-e deltangi (majmo'a-ye daastaan). Ba koshesh-e Sayd Es'haaq Shojaa'i. – Tehraan: Hawza-ye honari, 1385 sh. – S. 38, 96.
38. Mir Gholaam Mohammad Ghobaar. Afghaanestaan dar masir-e taarikh. – Tehraan: Erfaan, 1390 sh. – S. 43, 190.

© Alimova Kh., 2018.

Uměnověda

УДК 788.511

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ФЛЕЙТЫ Г. ГОРЕЛОВОЙ: ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ И ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Е. В. Машковская

*соискатель,
ORCID 0000-0003-0416-6350,
e-mail: elena_m285@mail.ru,
Белорусская государственная академия музыки,
г. Минск, Беларусь*

THE WORKS FOR FLUTE BY G. GORELOVA: THE FEATURES OF STYLE AND PERFORMING INTERPRETATION

E. V. Mashkovskaya

*applicant,
ORCID 0000-0003-0416-6350,
e-mail: elena_m285@mail.ru,
Belarusian State Academy of Music,
Minsk, Belarus*

Abstract. In the article we have analyzed the genre, compositional and dramaturgic and pithy peculiarities of the works for flute by G. Gorelova. We have determined the specifics of the application of the composer's techniques and the new performing techniques of flute playing. On the example of specific interpretations of the native performers we have revealed the different options of the pithy treatment of the works as well as the peculiarities of the choice of the individual playing techniques.

Keywords: genre; style; creativity of G. Gorelova; works for flute; new performing techniques; flute playing; performing interpretation.

Панорама современной белорусской музыки для флейты очень широка и многообразна. В ней представлены сочинения таких разных по творческому почерку отечественных авторов, как Е. Глебов, Н. Аладов, Д. Смольский, С. Кортез, В. Войтик, В. Корольчук, В. Иванов, В. Копытько, В. Воронов и многие другие. Однако на сегодняшний день наибольший вклад в обогащение фонда белорусской флейтовой музыки вносит творчество Галины Константиновны Гореловой. Композитор широкой одаренности, Г. Горелова является автором значительного количества произведений, адресованных флейтистам как начального, так и профессионального уровня исполнительской подготовки.

Цель настоящей статьи – выявление жанровых, композиционно-драматургических и образно-содержательных особенностей сочинений для флейты Г. Гореловой в единстве проблем композиторского стиля и исполнительской интерпретации.

В современном отечественном музыковедении представлен целый ряд работ, посвященных анализу различных граней творчества Г. Гореловой. Так, специфические черты стиля и музыкального языка композитора на примере некоторых вокальных и инструментальных сочинений изучает Р. Сергиенко [6]. Исследованию жанровых, композиционно-драматургических особенностей инстру-

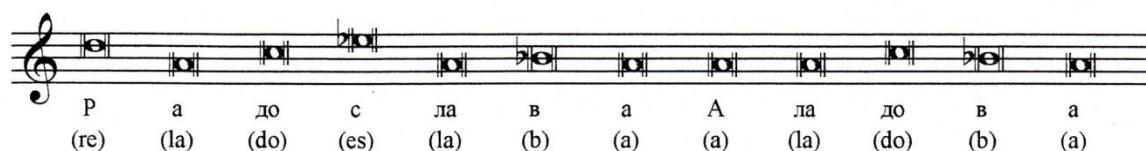
ментальных концертов композитора, а также анализу способов взаимодействия солистов и оркестра посвящена монография Е. Лисовой [3]. Фортепианная музыка Г. Гореловой в контексте стилевых и жанровых исканий автора, а также с точки зрения понятия виртуозности исследуется в работах Т. Титовой (80–90-е гг. XX века) [7] и С. Микулика (2000-е гг.) [4]. Камерно-инструментальные сочинения композитора в аспекте проблемы исполнительской интерпретации изучает Л. Орлова [5]. Для нашего исследования важное значение приобретает статья В. Григорьева, посвященная роли сочинений для флейты Г. Гореловой в концертном и учебно-педагогическом репертуаре [2].

Сфера камерной музыки, в которой важное место отводится произведениям для флейты, занимает особое место в музыкальной поэтике Г. Гореловой. В сочинениях камерно-инструментальных жанров композитора, как отмечает В. Антонец, «нашли воплощение своеобразный внутренний мир автора, богатая эмоциональная гамма лирического мировосприятия, тонкость и изысканность музыкально-выразительных средств» [1, с. 118]. Эти характерные черты творческого почерка композитора оказывают влияние не только на большие концертные сочинения для флейты, но и на самые простые произведения, адресованные совсем юным флейтистам. Г. Горелова является автором трех циклов миниатюр для флейты и фортепиано: «Коцікавы песенькі» (2010), «Три легкіе пьесы» (2010) и «Домашняя музыка» (2012). Эти сочинения благодаря доступности музыкального языка, лаконичности формы и яркой образности легко завоевывают сердца юных исполнителей-флейтистов и помогают им открывать для себя богатейший мир музыки.

Одной из характерных черт камерно-инструментальных сочинений Г. Гореловой является программность. Поэтичность названий, которые дает своим произведениям композитор, связана с невероятной увлеченностью автора поэзией. Кроме того, важное значение в формировании образного мира музыки Г. Гореловой приобретают поэтические эпиграфы и постскрипты (примером могут служить сочинения для фортепиано – соната «К взлетающей птице...» (1995), фортепианные циклы «Три японских миниатюры на шелке» (1987) и «Четыре сентиментальных воспоминания» (1996) и др.). Во флейтовой музыке для детей эта особенность проявляется через введение белорусских народных потешек и колыбельных в качестве эпиграфа к каждой из пьес цикла «Коцікавы песенькі».

Анализируя фортепианную музыку Г. Гореловой, Т. Титова отмечает, что «уже в сочинениях начала 80-х гг. намечаются два важнейших образных «наклонения» фортепианной миниатюры: *настроение-пейзаж* и *психологический портрет*» [7, с. 26]. Эти два ключевых «наклонения» проявляются и во флейтовой музыке композитора рубежа XX–XXI веков. Так, «портретную» тему Г. Горелова развивает в цикле «Три портрета Радославы» для флейты и фортепиано (1994)¹.

В рассматриваемом опусе находит отражение такая особенность музыкального языка флейтовых сочинений композитора, как увлечение анаграммированием². Музыкальная анаграмма имени и фамилии известного белорусского музыковеда-исследователя и многолетнего друга автора – Радослава Аладова – становится интонационной основой главных тем всех трех частей цикла:

Посвящая каждый из портретов определенному этапу в жизни главной героини, автор дает всем частям поэтические названия: первая часть – «Портрет Радославы с канарейкой», вторая часть – «Играющая камешками под апельсиновым деревом» и третья часть – «Поющая колыбельную родителям». На протяжении цикла происходит постепенная драматизация главного образа сочинения. Беззаботность первого портрета сменяет действенность второго. Особая драматургическая роль в структуре целого принадлежит третьему портрету – по замыслу автора, героиня поет колыбельную на могиле родителей. Таким образом утверждается идея смерти как естественного итога существования.

Избирая для каждой из частей цикла свою форму (первая часть – простая трехчастная, вторая часть – рондообразная, третья часть – сквозная одночастная), Г. Горелова объединяет все портреты не только общей содержательной идеей, но и целым рядом исполнительских техник. Особое значение в рассматриваемом цикле приобретают новые приемы игры на флейте. В своем сочинении Г. Горелова широко применяет как операции со звуковысотностью (глиссандо), так и специальные эффекты³ (фруллато). Благодаря приему пения в инструмент становится возможным исполнение интервалов в первом и третьем портретах. При этом значительно изменяется тембр флейты. Он становится более глухим, затухающим и как будто потусторонним. Прием тремоло между звуками, находящимися на расстоянии терции, примененный во втором

портрете, также обогащает тембровую палитру звучания духового инструмента.

Применение новых исполнительских приемов связано не только с авторскими поисками в области новых тембровых решений, но зачастую является необходимым средством раскрытия образного содержания сочинения. Здесь важное значение приобретает определенная семантическая трактовка некоторых новых приемов игры. Так, сольное высказывание флейты, открывающее третий портрет, полно драматизма, скорби и душевных переживаний героини. Благодаря приему глиссандо в нижнем регистре флейты, и особенно его соединению с пением в инструмент, композитор будто изображает тяжелые вздохи и передает состояние полного отчаяния, вызванного потерей самых близких людей – родителей.

«Три портрета Радославы» – достаточно популярное в отечественной исполнительской практике сочинение. В настоящей статье мы рассмотрим интерпретацию Я. Геллера и Т. Тарутиной. Важной характеристикой рассматриваемой исполнительской трактовки становится усиление драматического начала произведения. Этому подчинены такие средства, как утрирование динамических контрастов, усиление роли акцентов в ритмической организации второй части, выразительность исполнения таких приемов, как пение с игрой и тремоло. Импровизационность исполнения каденций и многочисленных ходов из чередующихся групп шестнадцатых в быстром темпе, создающих интересный сонорный эффект, напоминающий свист ветра, придают рассмат-

риваемой интерпретации черты большой свободы и полетности.

Как отмечалось выше, важное значение в творчестве Г. Гореловой приобретает тема пейзажных образов-настроений. «Песня Кевич-птицы» для флейты и фортепиано (1994) – яркий пример, репрезентирующий названную образную сферу в области флейтовой музыки. В основе пьесы, написанной в вариантно-вариационной форме, лежит принцип со-

поставления и взаимодействия двух образов: птицы (изначально партия флейты) и клетки (изначально партия фортепиано). Для достижения эффекта звукоизобразительности Г. Горелова в партии флейты применяет фруллато, глиссандо (как аппликатурное, так и то, которое становится возможным благодаря подворачиванию инструмента вовнутрь), прогрессивное ритмическое уменьшение, форшлаг со скачками шире октавы:

Согласно концепции произведения, в процессе музыкального развития происходит постепенное взаимопроникновение двух основных тем – птицы и клетки. Одним из интереснейших колористических эффектов, примененных композитором в переломный момент произведения, является прием фруллато в нижнем регистре. Его можно трактовать как основу для зарождения темы клетки, которая в завершении пьесы полностью перемещается в

партию флейты и звучит в ритмическом увеличении.

Основная содержательная идея сочинения – показ постепенного ограничения рамками клетки некогда сильной и свободной птицы – замечательно реализуется в исполнительской интерпретации Е. Толкачевой и В. Сидорова. Особенно подкупает своей выразительностью кульминационный раздел перед кодой, в котором композитор рисует последние, и отто-

го самые отчаянные, попытки птицы обратиться на волю.

Необходимо отметить, что в «Песне Кевич-птицы», как и в других флейтовых опусах автора, важное значение приобретают элементы ограниченной алеаторики. Композитор выписывает только начальное построение как в партии флейты, так и в партии фортепиано и оставляет на усмотрение исполнителей форму и время его продолжения. Это представляет особую сложность в смысле сыгранности участников ансамбля и требует от исполнителей хорошего чувства партнерства.

Одной из главных образных сфер камерно-инструментальной музыки Г. Гореловой является область лирики. Как отмечает Р. Сергиенко, «лирика Г. Гореловой, отличающаяся высокой простотой и мудрой просветленностью, уходит корнями в глубины народного мировосприятия» [6, с. 55]. Интересное преломление сфера лирического находит в «Пасторали» для флейты и фортепиано (1994). Сочинение, имеющее жанровый подзаголовок «фантазия на тему, которая звучит в конце», было написано композитором по заказу как обязательное произведение к I Международному конкурсу исполнителей на духовых инструментах⁴. Поэтому важным условием, поставленным перед автором, стала высокая техническая сложность партии флейты, способная показать исполнительское мастерство конкурсантов.

Необходимо отметить, что виртуозность как таковая никогда не становилась самоцелью во флейтовой музыке Г. Гореловой. Не случилось это и в «Пасторали». Несмотря на высокую техническую каденций и быстрых эпизодов (сочинение написано в контрастно-составной форме), ключевое значение в художественно-образном плане приобретают лирические и пасторальные разделы произведения. Особой семантикой композитор

наделяет интонацию нисходящей малой терции, давая ей определение «quasi “ku – ku”»⁵. Эта интонация, проходящая через все сочинение, приобретает важное значение в формировании главной темы, которая, согласно авторской концепции, появляется только в самом конце. С точки зрения исполнительской интерпретации «Пастораль» для флейты и фортепиано представляет особую ценность для музыканта-духовика, так как позволяет раскрыть как техническое мастерство владения инструментом (помимо общей виртуозности, сочинение богато новыми приемами игры), так и умение грамотно интонировать.

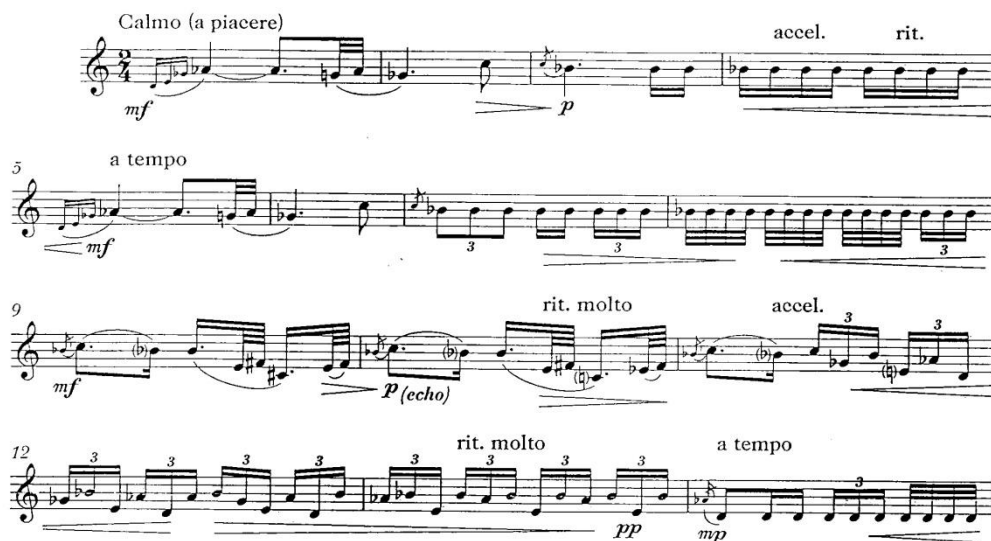
«Маленькая рождественская фантазия Радославе» для флейты и фортепиано (2001) – еще один пример виртуозно-концертного сочинения в творчестве Г. Гореловой. Поручая светлую и возвышенную тему, символизирующую великий праздник Рождества, партии фортепиано, а напряженную и действенную тему – солирующей флейте, композитор выстраивает драматургию сочинения через столкновение этих двух контрастных образов. В среднем разделе сочинения (произведение написано в трехчастной форме) в партии флейты появляется новая контрастная тема, певучая и нежная. После нее смягчается напряжение первой темы при возвращении в репризе, что приводит к светлой коде. Блестящее исполнение Т. Кормазиновой и О. Доморацкой придает рассматриваемому сочинению невероятную яркость и красочность. Подчеркивание тематических и динамических контрастов, замечательная озвученность всех виртуозных пассажей в партии флейты делают данное исполнение эталонным⁶.

Особая роль в рассматриваемой нами области камерно-инструментальной музыки Г. Гореловой принадлежит сочинениям для флейты соло. Именно здесь наиболее ярко представлен авторский

взгляд на современное флейтовое исполнительство, которое становится невозможным без активного внедрения всего многообразия новых исполнительских приемов. Г. Горелова является автором двух сочинений для флейты соло: «Она в безлюдье грушевого сада...» (2005) и «В душистой темнице сирени запуталась сонная птаха...» (2014). Пьеса «Она в безлюдье грушевого сада...»⁷ написана в двухчастной контрастной форме, где музыка первой части передает атмосферу весеннего сада, наполненного ароматами

распускающейся зелени и голосами чудных птиц (композитор применяет фруллато, удары клапанами, слэп-тоны, глиссандо, которые обогащают музыкальный язык и помогают создать необходимое настроение). Автор вновь обращается к пасторальным образам и раскрывает широкие возможности новых приемов игры на флейте в области звукоизобразительности. Благодаря множеству агогических отклонений повышается роль импровизационности в музыке:

Вторая часть рассматриваемого произведения – причудливый танец главной героини, четко ритмически организованный. Переменный размер (2/4, 5/16, 7/16, 6/16, 4/16, 8/16) и постоянное смещение акцентов придают особую энергичность и порывистость необычным танцевальным па. Здесь находит отражение еще одна важная характеристика творческого почерка Г. Гореловой – ведущая роль ритмической организации в формировании окончательного облика музыкальной темы.

В сочинении «Она в безлюдье грушевого сада...» композитор вновь обращается к приемам ограниченной алеаторики. Но в данном случае автор предоставляет исполнителю не только право самостоятельно завершить начатое музыкальное построение, но и оставляет за флейтистом выбор способа исполнения звуков, схематично обозначенных в нотах крестиками. Среди вариантов трактовки данной записи чаще всего встречаются слэп-тоны и стук по клапанам инструмента. В рассмотренной нами интерпретации Е. Ромейко в данном

случае применяется прием пиццикато языком. Исполнение этой талантливой флейтистки отличается глубиной и полнотой звука (особенно в нижнем регистре), придающей определенную весомость главным темам и подчеркивающей оригинальную игру тембровыми красками.

В другом произведении для флейты соло «В душистой темнице сирени запуталась сонная птаха...», написанном в сквозной одночастной форме, продолжают авторские поиски в области новых звучаний духового инструмента. По словам известного белорусского флейтиста и педагога В. Григорьева, «атмосферу таинственности, настороженной жизни ночной природы с ее звуками и одурманивающими запахами исполнителю поможет ощутить обращение к картине М. Врубеля «Сирень», в колорите которой доминируют лиловый, зеленый, сиреневый цвета в различных сочетаниях и оттенках» [2, с. 159]. Композитор применяет многообразие новых приемов игры на флейте, что позволяет создавать оригинальные сонорные эффекты. Различные операции со звуковысотностью (глиссандо, мультифоны, тремоло), а также менее распространенные приемы, такие как *bisbigliando* (тембровая переокраска звука)⁸ и *oscillato* (одна из разновидностей *vibrato*), и целый ряд специальных эффектов (фруллато, пение в инструмент, слэп-тоны, удары по клапанам) – все средства направлены на передачу удивительной атмосферы чарующих и опьяняющих запахов.

Здесь, так же как и в других сочинениях для флейты, Г. Горелова применяет приемы ограниченной алеаторики: выписывая аппликатуру для исполнения мультифонов, композитор намечает приблизительный ритмический рисунок и обозначает время звучания данного элемента в секундах, звуковая же реализация таким образом запрограммированного материала остается за исполнителем. Оригинальным

решением становится введение фоном «ввва», которые флейтист должен произносить во время исполнения. Возникающий при таком приеме сонорный эффект напоминает звук ветра, шумящего в кустах сирени. Широкое разнообразие новых исполнительских приемов в сочинении «В душистой темнице сирени...», в том числе и не самых простых в исполнении (например, мультифоны и *bisbigliando*), а также введение элементов алеаторики требуют от флейтиста, обращаясь к интерпретации данного произведения, не только высокого технического мастерства, но и хорошо развитого чувства художественного вкуса.

В заключение необходимо отметить, что жанровую специфику, особенности музыкального языка, выбора композиторских техник и исполнительских приемов, а также художественно-образный мир сочинений для флейты Г. Гореловой определяют в первую очередь характерные черты стиля их автора. Так, большинство флейтовых произведений написаны в жанре миниатюры (как для флейты и фортепиано, так и для флейты соло). К более крупным формам можно отнести концертные фантазии («Песня Кевич-птицы», «Пастораль», «Маленькая рождественская фантазия Радославе»). Характерные для творчества Г. Гореловой приемы ограниченной алеаторики и сонорики проявляются в таких сочинениях для флейты, как «Песня Кевич-птицы», «Она в безлюдье грушевого сада...», «В душистой темнице сирени...» и др. Широкое использование богатого арсенала новых приемов игры на флейте характеризует практически каждое сочинение композитора для этого духового инструмента (помимо самих приемов, Г. Горелова применяет различные их комбинации). В художественно-образном плане в сочинениях для флейты композитора господствует сфера лирического, проявившаяся через обращение к пасто-

ральным темам и образам природы («Пастораль», «Песня Кевич-птицы», «Она в безлюдье грушевого сада...», «В душистой темнице сирени...» и др.), а также через создание образов-портретов («Три портрета Радославы»). Рассмотренные нами исполнительские интерпретации отдельных сочинений Г. Гореловой не только демонстрируют воплощенную в живом звучании версию созданного автором произведения, но и могут послужить отправной точкой для новых творческих интерпретаций тех флейтистов, которые захотят обратиться к исполнению музыки композитора в будущем.

Примечания

1. Данная тема находит отражение и в других сочинениях композитора (например, фортепианный цикл «Четыре портрета» (1981), «Портрет жены художника» (1995) для скрипки и фортепиано и др.).
2. В еще одном сочинении Г. Гореловой – «Плач перепелки» для флейты и клавесина – музыкальной анаграммой, определяющей весь интонационный строй произведения, является буквосочетание Е.С.Е.В.А. (образовано от названия фестиваля, для которого было создано произведение – «Novesembalo»).
3. Термины «операции со звуковысотностью» и «специальные эффекты» были представлены в классификации новых приемов игры на флейте, предложенной О. Танцовым.
4. Конкурс состоялся в 1994 г. в г. Минске.
5. Реплика по авторской партитуре.
6. Сама Г. Горелова отмечала высокий профессионализм исполнения Т. Кормазиновой и О. Доморацкой.
7. Полное название сочинения – «Она в безлюдье грушевого сада на флейте князя Нинского играла...».
8. В данном случае можно говорить о тембровой переокраске, которая становится возможной посредством передувания (образуя флажолеты и аккорды).

Библиографический список

1. Антоневиц В. А. Камерно-инструментальная музыка белорусских композиторов XX века. – Минск : УП «Бестпринт», 2003. – 118 с.
2. Григорьев В. А. Произведения для флейты Г. К. Гореловой и их значение в учебно-педагогическом и концертном репертуаре // Весті БДАМ. – 2015. – № 26. – С. 153–160.
3. Лисова Е. В. Инструментальные концерты Галины Гореловой. – Минск : Белорусская государственная академия музыки, 2007. – 189 с.
4. Микублик С. А. Фортепианная музыка Г. Гореловой в контексте эволюции индивидуального стиля композитора (на примере сочинений 2000-х гг.) // Весті БДАМ. – Минск, 2012. – Вып. 21. – С. 64–19.
5. Орлова Л. А. Камерно-инструментальные ансамбли Г. Гореловой : черты стиля и особенности интерпретации // Музыкальная культура Беларусі: шлях праз стагоддзі : навук. пр. / Беларус. дзярж. акадэмія музыкі. – Вып. 17. – Мн., 2008. – С. 42–49.
6. Сергиенко Р. И. Штрихи к творческому портрету Галины Гореловой // Вопросы культуры и искусства Беларуси : респ. межвед. сб. науч. тр. – Мн., 1991. – Вып. 10. – С. 54–61.
7. Титова Т. А. Фортепианные сочинения Галины Гореловой : 80 – 90-е годы // Весті БДАМ. – 2002. – №2. – С. 26–34.

Bibliograficheskiy spisok

1. Antonevich V. A. Kamerno-instrumentalnaya muzyka belorusskih kompozitorov XX veka. – Minsk : UP «Bestprint», 2003. – 118 s.
2. Grigorev V. A. Proizvedeniya dlya flejty G. K. Gorelovoj i ih znachenie v uchebno-pedagogicheskom i koncertnom repertuare // Vesci BDAM. – 2015. – № 26. – S. 153–160.
3. Lisova E. V. Instrumentalnye koncerty Galiny Gorelovoj. – Minsk : Belorusskaya gosudarstvennaya akademiya muzyki, 2007. – 189 s.
4. Mikulik S. A. Fortepiannaya muzyka G. Gorelovoj v kontekste evolyucii individualnogo stilya kompozitora (na primere sochinenij 2000-h gg.) // Vesci BDAM. – Minsk, 2012. – Vyp. 21. – S. 64–19.
5. Orlova L. A. Kamerno-instrumentalnye ansambli G. Gorelovoj : cherty stilya i osobennosti interpretacii // Muzychnaya kultura Belarusi: shlyah praz stagoddzi : navuk. pr. / Belarus.

- dzyarzh. aka-demiya muzyki. – Vyp. 17. – Mn., 2008. – S. 42–49.
6. Sergienko R. I. Shtrihi k tvorcheskomu portretu Galiny Gorelovoj // Voprosy kultury i iskusstva Belarusi : resp. mezhved. sb. nauch. tr. – Mn., 1991. – Vyp. 10. – S. 54–61.
7. Titova T. A. Fortepiannye sochineniya Galiny Gorelovoj : 80 – 90-e gody // Vesci BDAM. – 2002. – №2. – S. 26–34.

© *Машиковская Е. В.*, 2018.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы представляются в электронном виде на e-mail: **sociosfera@seznam.cz**. Каждая статья должна иметь **УДК**. Формат страницы А4 (210x297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, e-mail, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке, e-mail. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация на английском (600–800 знаков) и ключевые слова (5–10) на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в

списке перечисляются в алфавитном порядке, одному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 6–15 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитываются при подсчете объема публикации. Авторы, не имеющие ученой степени, представляют отзыв научного руководителя или выписку заседания кафедры о рекомендации статьи к публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид ПП-ФИО, например: **ПП-Петров ИВ** или **PP-German P**. Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество
Ученая степень, специальность
Ученое звание
Место работы
Должность
Домашний адрес с индексом
Сотовый телефон
E-mail
Необходимое количество печатных экземпляров

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2018 ГОДУ**

Дата	Название
10–11 сентября 2018 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2018 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2018 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2018 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2018 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2018 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2018 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2018 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2018 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2018 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2018 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2018 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2018 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2018 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2018 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2018 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2018 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2018 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2018 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2018 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2018 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2018 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2018 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2018 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2018 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (СИИ), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor	• Global Impact Factor – 1,687, • Scientific Indexing Services – 1,5, • Research Bible – 0,781, • Open Academic Journal Index – 0,5, • РИНЦ – 0,104.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (СИИ), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия)	• General Impact Factor – 1,7636, • Scientific Indexing Services – 1,04, • Global Impact Factor – 0,844
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (СИИ), • General Impact Factor (Индия)	• Scientific Indexing Services – 0,72, • General Impact Factor – 1,5402
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (СИИ)	• Scientific Indexing Services – 0,832
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (СИИ)	• Scientific Indexing Services – 0,725
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (СИИ)	• Scientific Indexing Services – 0,75
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (СИИ)	• Scientific Indexing Services – 0,742

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium – Vysoká škola politických a společenských věd

PARADIGMATA POZNÁNÍ

Interdisciplinární vědecký časopis

№ 3, 2018

Šéfredaktorka – Ilona G. Dorošina

*Názory vyjádřené v této publikaci jsou názory autora
a nemusí nutně odrážet stanovisko vydavatele.
Autoři odpovídají za správnost publikovaných textů – fakta, čísla, citace,
statistiky, vlastní jména a další informace.*

*Opinions expressed in this publication are those of the authors
and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.
Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations,
statistics, proper names and other information.*

Redaktorka – Ž. V. Kuznecova
Produkce – I. G. Balašova

Podepsáno v tisku 07.08.2018. 60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 9,5.
100 kopií.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
IČO 29133947
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosfera.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz